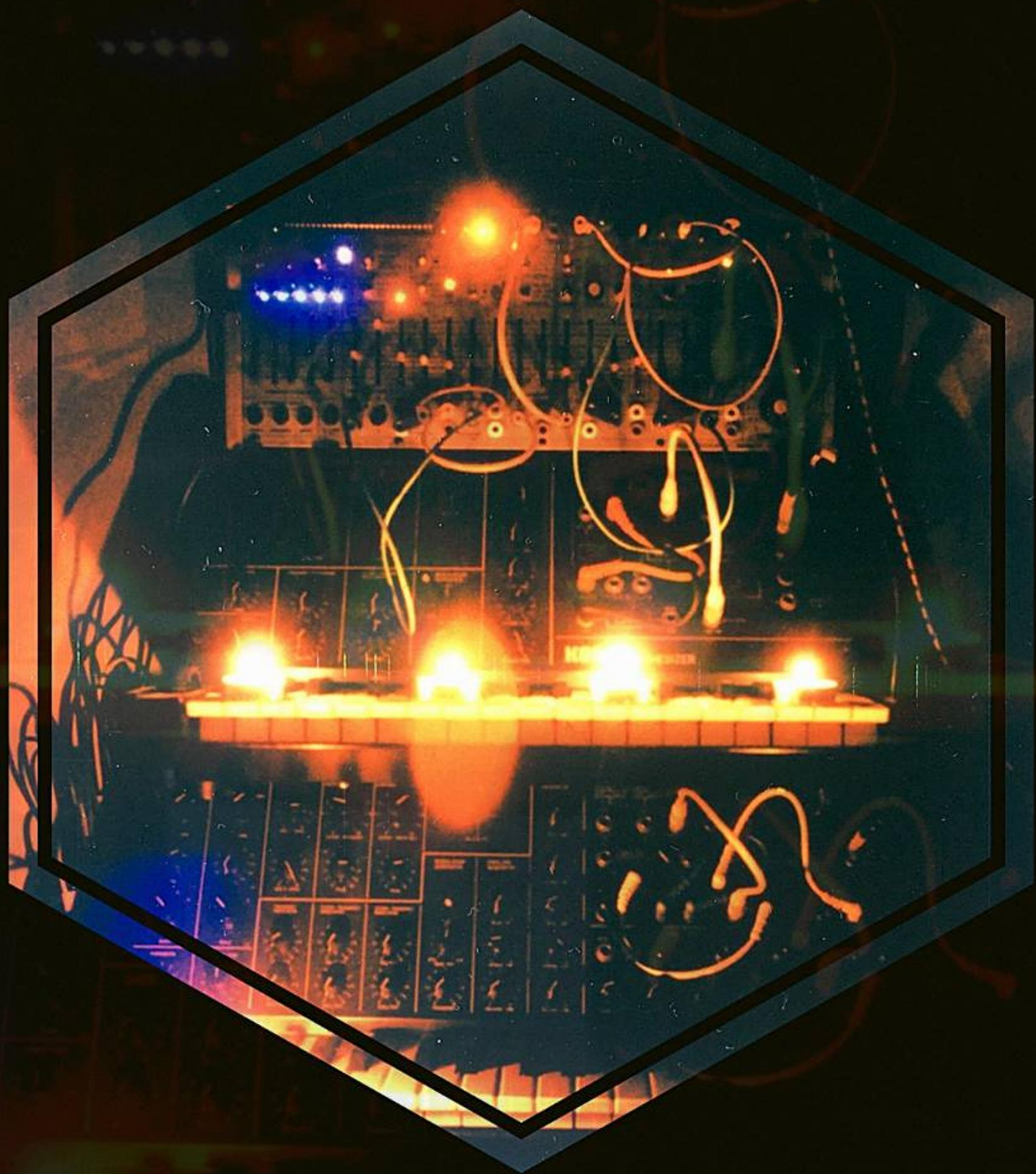


ДМИТРИЙ ВЛАСОВ



ГЛУХОЙ МАНИФЕСТ

18+

Загребка

Дмитрий Власов
Глухой манифест

«Автор»

2026

Власов Д.

Глухой манифест / Д. Власов — «Автор», 2026 — (Загребка)

Эта книга, в первую очередь, оккультный роман - гносеология подмосковного безумия. Она затрагивает вопросы, которые еще не ставились в публичном поле: что можно купить на неразменный рубль, куда не ведет лестница Иакова и как сподручнее уничтожить музыку. Данный труд перепахивает нивы магического реализма культиватором подмосковной школы критического неоплатонизма. Не в последнюю очередь роман раскрывает проблему злоупотребления аналоговым синтезом. Герои могут быть знакомы по сборнику «Чудеса».

© Власов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Трагизм	5
Дионис и Аполлон	8
Константин	23
Рубль	26
Синитез	36
Социум	42
Третий	48
Ассамблея	62
Перекресток	70
Исступление	74
Югославский ритуал	80
Жар-цвет	86
Туман	96
Конец	106

Дмитрий Власов

Глухой манифест

Трагизм

Ребенком я знатно пугал родителей. Мог среди игры или другого увлекательного занятия уставиться на стену или замереть. Или наоборот, мог забыть, что я, например, иду, и вовремя не остановиться перед неким препятствием. Мог оборвать фразу на полуслове и резко замолчать; или не замолчать, а продолжить тянуть гласную букву, словно завис. Казалось, что я отпускал вожжи контроля, ненадолго, секунд на пять. Родители думали, что у меня какой-то синдром. Возможно - дефицит внимания. Что там модно сейчас? Наверняка, они надеялись, что я «выправлюсь». Но со мной было все в порядке. По крайней мере по части физиологии. Просто я начинал ощущать трагизм жизни, проблему времени и материи, аспекты их природы. Не полноценно, конечно, но основную постановку проблематики - точно. Не лучший момент, чтобы ожидать от меня стереотипного поведения ребенка. В такие минуты игра и чья-то анимационная-увеселительная болтовня на «детском» наречии переставали меня интересовать. С одной стороны, меня еще не научили перекладывать ответственность за несовершенство материи на близких людей и окружение. С другой стороны, я еще не мог эстетизировать рефлексию по поводу несовершенства мира, романтизировать проблематику бытия. А то бы я зависал элегантнее, с сигаретой на балконе и слушая медленную музыку, где ударов сорок-шестьдесят в минуту. Бедные родители.

Впрочем, период этот был недолгим. Начался он года в три, вместе с первыми устойчивыми воспоминаниями, а закончился лет в пять, когда я худо-бедно научился притворяться нормальным: отыгрываться на родных или романтизировать такие моменты - «выправился». Как вы понимаете, я сейчас немного привираю про «три года». Я прекрасно осознаю, что воспоминания - штука тонкая, тем более детские. Но, я интерполировал свои ощущения на более или менее сложившуюся статистику по воспоминаниям. Обработал реперные точки времени: переезд из коммуналки в двухкомнатную квартиру, походы к врачам, где имели место уколы, укус собаки и другие значимые события. В общем, я пришел к выводу, что уже с лет трех понял жизнь как трагичную штуку. Но, на тот момент, еще не уяснил, что мне с этим делать. Трагизм, я, конечно, ввожу тут, как переживания о несовершенстве материи и постановку самости в мире ускользающих вещей.

Что же это были за ситуации такие, которые толкали к осознанию трагизма? Хотя бы те, когда что-то ценное отбирают еще «недокусанным». Все говорят про слух, цвет и обоняние. Но челюсть - тончайший прибор для регистрации тактильных ощущений. Да само слово «тактильность» - тщедушно. Укус позволяет оценить объем, плотность, фактуру, хрупкость, гладкость, абразивность, ковкость, тягучесть материи. Уверен, из людей, которым разрешали в детстве кусать все подряд, получают высококлассные специалисты по сопромату. Необходимо понимать, что забирая у ребенка игрушку изо рта, вы лишаете его целого измерения - редуцируете мир. Ребенок, кстати, не глуп, и, как бы ни капризничал, осознает, что вы делаете это для его блага. Это есть удачный пример того, откуда берется трагизм.

Иной раз машинка или платице, это простой каприз. А иной раз - знакомство с относительностью целостности, собственности, и в конечном итоге, относительностью сознания. Таких непростых моментов в жизни ребенка по тысяче на день.

Лучше всего я помню то разочарование, благодаря которому я был инициирован в какую-никакую саморефлексию. Тот момент, когда я понял, что уже могу притворяться и романтизировать бытийные несовершенства. Наверное, этот краеугольный трагизм и научил меня всему.

Ибо в его основе было даже не позволение романтизировать, а сам толчок в романтику и поэтизм. В тот момент из меня выбили детское животное «рацио», а свято место пусто не бывает.

Утром еще одного зимнего дня в детском саду я неожиданно и задался вопросом, почему сантиметров тридцать стены снизу красят коричневой краской? Воспитательница мне ответила: стены снизу покрывают темной краской, чтобы не было видно грязи и чтобы легче было оттирать ее. Полоска такая тонкая, потому что всю стену красить дорого. Конечно, у меня в голове уже сформировался вопрос о том, как же в наш просвещенный век еще с грязью не справились? Почему не сделали краску дешевой? Но первый мой вопрос был - почему коричневая? Почему не серая, например? И мне сразу ответили: бывает и серая, и оливковая. Красят тем, что доступнее всего. И после такого ответа я уже не задавал вопросы про грязь, деньги и ширину покраски.

Стало ясно, что взрослые ничего толком не контролируют. У них нет четких правил, регламентирующих все на свете. А у меня естественным образом уже сформировалось мнение, что все, начиная с окантовки носового платочка до геометрии висюлек на люстре, строго регламентировано. Бог с ней, с природой. У нее свои регламенты, которые пишутся сосновыми корнями, грибницей и количеством солнечных дней в году. Но в городе-то... Даже там взрослые контролировали ничтожно мало. Оказывается, у нас в городском «управлении эксплуатации» нет никакой огромной библиотеки, в которой была бы зафиксирована обоснованность каждого производимого человеком действия, каждый параметр чего-либо рукотворного. И в столице не было такой библиотеки. Ответы сильно меня разочаровали. Это была моя личная потеря, сейчас я понимаю, что это была потеря уверенности в людях, а потом и потеря уверенности в уверенностях. И тогда же я понял, что жизнь без потерь не прожить. Я выдержал этот удар, но предпринял некоторые меры - начал вести хронологически синхронизированную с часами собственную историю и каталогизацию воспоминаний. Ведь если взрослые не способны на какую-то мало мальски сносную четкость, надо брать все в свои руки. Я был уже не тем ребенком, для которого что сон, что явь, что чей-то рассказ - суть одно. Не тем, для кого яркое событие было квантом времени. Я стал разделять, стал мерять жизнь месяцами, днями, часами, секундами и их долями. Что еще важнее, я ощутил тщету бесконечных «почему» - иррационализм рационализма.

И тогда пришел он - регламентер. Прямо в детский сад. Почти через пять минут, после того, как я получил ответ про покраску стен, и в первый раз не завис, а притворился играющим.

Детей позвали во двор, а я не пошел, сослался на недомогание. Странно, что в тот раз мне не дали подзатыльник, а спокойно оставили одного. Сидел я на стульчике, носком сандали игрушки пинал. Я ощутил внутри тотальное спокойствие и грусть. Пинал игрушечный грузовик с пониманием того, что этот кусок пластика был придуман суетливыми взрослыми на скорую руку для того, чтобы я не задавал им вопросы, на которые они не могут найти ответы. Я подошел к окну и посмотрел на группу моих соратников, которые от неосознанной безисходности варежки на резинках макали в талые лужи. Теперь мне стало понятно, почему этот грузовик такой убогий. Меня до этого долго мучал вопрос, с какой стати его кабину пересекает шов, о который можно иной раз и порезаться? Имитации грузовика в таком виде вполне достаточно, даже с излишком. А экономию никто не отменял. Я смотрел на детей, на воспитательницу, на веранду, лужи и понял, что воспринимать эту картину без некоторой неназванной внутренней боли можно только тогда, когда ставишь в противовес определенную ценность. В тот момент в качестве ценности я привлек патетику отвлеченности и изоляционизма. Кто смог бы мне ответить, зачем он нужен, этот трагизм, эта внутренняя боль? В «управлении эксплуатации» ответов искать не следовало. Вместо ответов мне оставили только острый дефицит смысла. Вот я и попробовал, так сказать, восполнить дефицит смысла эстетически пересмотрев окружающий меня мир.

Отвлеченности и изоляционизма мне надолго не хватило, я отвернулся от окна. В залу заглянул человек. Уже некоторое время он наблюдал за мной. Увидев, что я заметил его, он кивнул мне и прошел в залу. Высокий, худощавый, лысеющий дядька в черном костюме, а поверх него, такое же черное пальто. Лицо у него было не запоминающееся. Хотя и моя память была еще не в полной мере запоминающей. Тогда я первый раз свидетельствовал подобное. Но, если бы на тот момент уже был знаком с Экклезиастом, то обозначил бы незнакомца, как весьма «экклезиастичного». Он подошел, присел на корточки передо мной и участливо спросил:

— Разочарован?

Я кивнул.

— Ну извини, это не я виноват, — ответил мужик.

Я молчал, дядька смотрел внимательно мне в глаза. Он знал, о чем я думал. А мне, в виду неопытности, казалось, что так и должно быть.

— И что предпринять собираешься? — спросил он.

— Писать научусь, и напишу как жить надо.

В этом была моя ошибка, я этот вопрос воспринял как некий педагогический момент в духе: «Кем ты Димочка станешь, когда вырастешь?». И ответил ровно то, что было положено в контексте тех моих мыслей, которые занимали меня последние минуты. Так, если бы я более думал о грузовике, чем об «управлении эксплуатации», то ответил бы, что хочу стать водителем грузовика.

— Не перестарайся только, — серьезно проговорил мужик.

Дядька выпрямился во весь свой немалый рост, кивнул мне и ушел. Не могу его назвать таинственным незнакомцем. Он был прозаичен как та полоска краски на стене. И я знал, что он пришел ко мне, адресно, так сказать. Явился засвидетельствовать мой переход к историческому летоисчислению. Это была какая-то детская императивная уверенность. В «западном» мире принято верить в зубных фей, крестных волшебниц. А у нас, как оказалось, на закате советской эпохи случалась такая вот конфирмация. Когда ребенок по настоящему и полноценно осознавал себя во времени и истории, когда он переходил от потребления, к называнию, тогда и появляется регламентер - свидетельствующий этот переход. Думаю, это существо являлось к каждому. Но мы про него забываем. Я ведь напрочь забыл о нем, пока судьба не заставила вспомнить вновь.

Но, не буду забегать вперед. Мужик мне понравился в тот момент, он говорил со мной как взрослый со взрослым. Иногда детям это необходимо. Кроме того, я думал, что он хорошо ко мне относится, раз лично пришел поглядеть на «свежеосознавшийся» мой разум. Казалось, что такими и должны быть взрослые: документирующими каждое явление, и фиксирующими каждый феномен. Спокойно, без лишней суеты. Конечно, в моем словаре тогда еще не было слова «регламент». Но когда я вспомнил о человеке в пальто спустя более чем треть века, то он сразу всплыл в сознании именно как «регламентер».

В конечном итоге получилось так, что я ему не соврал. Научился я грамоте, немного подрос, и стал писать о том, как людям жить. Больше от безысходности, чем по зову сердца. Я стал аналитиком - составлял регламенты, инструкции, моделировал бизнес-процессы. Только вот зря я не внял отличному совету, перестарался с описанием правил. Так перестарался, что во всю аналитику и регламентирующую деятельность перестал верить напрочь. А следовало мне хоть иногда прислушиваться к совету того мужика. Был бы у меня характер получше.

Я бы об этом дядьке и не вспомнил, если бы не Константин, мой друг и соратник по музыкальным изысканиям. Не в первый раз именно из-за него в моей жизни происходят самые что ни на есть таинственные события. Такого рода события, которые, в отличие от пластиковых грузовиков, очень неплохо разведают сумеречный «вельтшмерц». Когда я эти строки пишу, Константину уже за сорок. Человек сложившийся, в целом, неплохо сложившийся. И все равно он до сих пор притягивает к себе все неоднозначное и непонятное как магнит.

Дионис и Аполлон

Помню один непонятный и неоднозначный случай, памятный довольно. Я иногда его припоминаю Константину. Хотя лет двадцать прошло уже.

Царь Югославии подбил нас августовской порой пойти с палатками на северное озеро. Такой титул мой друг получил не просто так. Изначально его звали «Царем Болгарии», потому что он мог болгаркой делать все: резать по дереву, рисовать, наверное, даже зубы чистить. Но его компетенции расширялись совсем уже бесконтрольно. Пришлось его повесить до «Царя Югославии». Гараж Царя после этого стал именоваться «Югославией». Северным озеро назвали потому, что оно располагалось несколькими километрами севернее нашего городка. Тогда Царь еще не был коронован на трон, «Царем» его нарекут через лет десять. Лето стояло жаркое и засушливое. Оставалось пару недель до сентября. Скоро мы должны были выходить на работу. Тем больше хотелось урвать еще немного лета. В те времена Царь и Константин еще полноценно дружили. Они и сейчас общаются, но вынужденно. Общение свелось к взаимным шпилькам и подколкам, если не откровенному глумлению. Могу сказать со стороны - виноваты оба.

Времена те были хороши. Подмосковные водоемы еще не превратились в зоны отдыха. Про северное озеро никто за чертой городского района не знал. Летом можно было спокойно пойти купаться и не встретить лишних рыл на берегу. А озеро большое, вытянулось на целый километр.

Сейчас совсем другая ситуация. Только наступает теплый сезон, к нам в огромном количестве приезжают отдыхающие. Паркуются по обочинам двухполосной лесной дороги так, что двум машинам не разъехаться. И такая ситуация наблюдается на протяжении километра дороги, по которой я езжу на дачу. Мало того, что движение затруднено стихийной парковкой, так туристы еще и на дороге пасутся со своими баулами, матрацами и сапами. Разгуливают по проезжей части, как у себя дома, недовольные тем, что местные смеют тревожить их отдых своими логистическими амбициями. Они же превратили пляж в помойку, привезли «карфаген» собой, а убраться не привезли.

С такой агрессивной экоповесткой я рискую ворваться в мир молодежного активистского пубертата. И это меня страшит сильно больше, чем наличие захватчиков подмосковных озер, среди возможных читателей. Поэтому, все же, сбавлю тон. Тем более, мне лень долго испытывать негативные эмоции, когда за это не платят белую зарплату.

В те времена нам было чуть за двадцать и, чтобы добраться до озера с комфортом, велосипеда хватало. Сразу после работы я заскочил домой за палаткой и спальником. Во дворе меня уже ждали Константин с Царем. Стояли оба высокие, патлатые. Только Константин - белобрысый, а Царь - кудрявый брюнет. Я тоже был патлатый брюнет, только не кудрявый и пониже моих друзей. Дальнейшее я вижу как некую пасторальную сцену - три долговязых обросших обезьяны в березках и подобных обносках, с рюкзаками за спинами, один за другим едут в магазин, закупаются нехитрым провиантом. Один из трех приматов обычно оставался стеречь велосипеда, пока двое других проводили закупки. Наш путь пролегал по главной городской дороге мимо нескольких научно исследовательских институтов к лесу. Уже в лесу мы ехали по грунтовке до края озера и спешившись. Далее дорога вела вдоль берега к самой удаленной от города его точке. На все про все минут пятнадцать.

Хотел бы я сейчас нырнуть в то время? Очень сложно сказать. Не могу быть в этом уверен в полной мере.

Пока мы доехали до заветной поляны, с неба уже спустились уверенные зрелые сумерки. Мы поставили палатки сразу, понимая, что скоро к нам присоединятся товарищи. Константин приехал с одним спальником, без палатки. Меня это немного напрягало, потому что я

рассчитывал на некоторую свободу в жилищной сфере, учитывая, что в лагере должны были появиться и девушки. Впрочем, это не особенно принципиальным казалось. Царь разжигал костер. Константин достал удочку, повозился с ней пару минут и забросил в кустах рогаза. Мы сели, кто на бревно, кто на пенку, я положил под зад спальник.

Врать не буду, сам себе немного завидую, когда пишу о тех временах. Далеко не все стоит переживать заново, но те дни - можно. Перед нашей вылазкой в лес стояла изнуряющая жара, а накануне прошел ливень. Прохладнее не стало, даже добавилось духоты. А я духоту и влажность люблю более всего. Особая нега: в такие дни ничем нельзя толком заниматься, кроме как отдыхать. Люди дуреют и впадают в летний анабиоз. Поэтому у окружающих не хватает пассионарности на то, чтобы поколебать мой лиричный и спокойный настрой. От дождя накануне природа немного приободрилась, вылезли редкие гости: светлячки. В сумерках носились летучие мыши. А луна, известная актриса, пока скрывалась за кулисами елей. Она только готовилась к выступлению.

Я несколько неряшливо отсыпал атрибутов летнего лесного романтизма: луна, светлячки, летучие мыши. Этого недостаточно. Такой подход, это как альбомы Chelsea Wolfe. В них вроде бы все хорошо, все атрибуты успешного проекта присутствуют: манера исполнения, хуки, визуальная составляющая. Но удовольствия от прослушивания нет, бульон не сварился, одни только ингредиенты плавают в кипятке. Синкретизм не сферментировался в целостность. Синтез не произошел.

Такая же история и со светлячками и летучими мышами под луной. Во первых, непосредственно ночью летают только лесные крупные и редкие в Подмоскowie летучие мыши. Такую мышь заметить ночью в лесу практически невозможно. Я сам видел их всего два раза в жизни. А расхожая мелочь промышляет в городе. Но важно даже не это, лес ценен не яркими своими атрибутами. Лес, это самый сложный биотоп, и каждый его отдельно взятый фрагмент наделен особым характером, подобным людскому. Мало того, что каждая полянка или тропинка уникальна, и на них ты чувствуешь то, что не дадут тебе другие. Настроение еще и меняется на суточных и сезонных горизонтах. По хорошему, каждому такому маленькому биотопу надо бы дать имя собственное, но на это не хватит целой жизни. Очень странно, что люди вместо этой важной задачи решают какие-то совершенно непонятные другие. В одиночку мне описать летний лес, да еще и ночной, не представляется возможным. Дело неблагоприятное. Но и замалчивать эти особенности - тяжкий грех.

Что я чувствовал тогда в лесу? Определенное летнее гостеприимство и согласие с моим в нем нахождением. Чувствовал обещание чего-то особенного. Сожаление от того, что я не в полной мере могу ассимилировать в себя то, что ощущал вокруг. Но, как бы это ни было важно, мне придется вернуться к более динамическому повествованию.

У меня были резонные опасения насчет того, что Константин с Царем испортят мне отдых, но пока все шло хорошо. Я рассчитывал первую ночь провести в лесу, пока друзья еще не переругались, и свалить домой на следующий день, оставив палатку Константину. Выдерживать товарищей вместе больше суток было тяжело. Я уже засек, сколько времени пройдет с нашего приезда до момента, когда они начнут собачиться. Надо признать, задирает всегда Царь, но Константин старательно его провоцировал.

Прошло минут пятьдесят, как мы приехали, и вот оно - пошло. Спор начался из-за музыки. Музыка Царь и Константин ставили по очереди. Каждый - свое любимое. Царь - современный металл, а Константин - обскурантистскую дичь. В этой схватке гоноров я не участвовал по простой причине: чтобы склонить меня в свою сторону, каждый через раз кидал мне кость - те композиции, которые, в их понимании, я любил более всего. В результате, половина эфира была забита моей любимой музыкой. Зачем разрушать такую идилию?

— Ты ничего не понимаешь, — выговаривал Царь, пока еще спокойно, Константину, — Тут люди играть умеют. Послушай соло - гитарист шестьдесят четвертыми выдает. И все это под полиритмию.

— Мельтешение. «Смотрите как я много нот умею». А смысл? Что он эти ноты выдает, что другие, какая разница? — нудил Константин, — Нотами не разбрасываются. Пусть сначала одну научится играть, чтобы было интересно.

— А в чем смысл, если не в нотах? — парировал Царь.

Константин распался:

— В этих нотах я не вижу смысла, кроме как в качестве спортивного упражнения.

Утихли наконец. Заиграла композиция Константина. А я смотрю на Царя. Тот начинает нервничать и через минуту не выдерживает:

— Когда это закончится? Дим, пошли дров нарубим.

Мне приходится отвечать:

— Зачем лес жечь? Тепло и так.

— Не могу это слушать. За полчаса ничего не изменилось в композиции!

Константин спокойненько отвечает, как ребенку:

— Ты не ноты слушай, а тембр. Там больше значимых изменений, чем если по гамме бегать.

На самом деле азарт друзей состоял не в том, чтобы достучаться до оппонента, а в том, чтобы засорить чужой эфир словами и отвлечь от прослушивания.

Не знаю, как долго это продолжалось бы. Меня спасли вновь пришедшие друзья: Максим и Василий. Максим постарше, в то время еще относительно молодой. Максим воспринимался как маргинал, так как был сильно бородат. Бороды в те времена не носили: рожа чесалась, а кремами сдобривать бороды еще не научились. Василий же - спортсмен, тем и был хорош, ибо всю дурь тратил на спорт. За рамками своих спортивных занятий он оставался адекватным и довольно надежным. Они привели с собой девушек Машу, Лену и Женю.

Лену мне очень тяжело сейчас вспомнить, но что я понял в ее отношении: она была незаконченная какая-то. Будто искала того, что ей недостает, и, вместе с тем, сама этого не понимала. Что до внешности, она пыталась соответствовать своим представлениям о том, как должна выглядеть респектабельная перспективная девушка в лесу. Кроме того, она была подтянута и светла на волос. Тогда я воспринимал девушек целно, не деконструировал их образы, в этом была определенная моя сила, и, одновременно, слабость. Сейчас, думая о Лене, я понял один интересный момент. Ее внешность, ухоженное лицо, фигура, они словно обещали некий стандарт. Находясь с ней, ты получал что-то вроде сертификата из палаты мер и весов, удостоверяющего тебя, что рядом девушка условно высокой категории внешности. Что с нею делать, с этой внешностью? А черт его знает. Что дают отношения с «гостированной» девушкой? Любопытаться ею, как спортивным снарядом? Я переживаю, что сейчас покажусь немного сальным, но все же скажу, что даже пик совместной активности с такой барышней, вероятно, покажется не следствием страсти, а эксплуатацией высокотехнологичного механизма.

Мария выгодно отличалась от нее спокойствием в отношении, как я понял, всего. Она сделала выбор в сторону полноты, естественного мышиного цвета волос, и одежды по принципу - что не постирано, то и надеваем. Бог свидетель, ее это несколько не портило, даже напротив. Мария настолько не постулировала уверенность в себе, что у окружающих даже в голову не могло придти, что она хоть в чем-то не уверена и вообще слаба. А, стало быть, такая женщина не будет использовать окружающих для того, чтобы самой себе что-либо доказать. Поэтому с нею рядом было очень спокойно. Она этим невероятно привлекала. Но даже тогда, будучи молодым, я догадывался, что такого рода девушки привлекают буквально всех. Вне зависимости от каких-то своих тактико-технических характеристик. И мне стоило относить свою к ней симпатию в первую очередь на это ее свойство. А сохранится ли симпатия, когда я

пойму, какова Мария сама по себе, не в режиме спокойствия? Вопрос тонкий, и хорошо, если он решается за небольшие промежутки времени, а не на второй или третий год совместной жизни.

Ну, а про Евгению мне непросто говорить, потому что в ней была та неопределенность, которая и не дает многое сказать о человеке, чтобы не ошибиться. То была не Еленина активная незаконченность, которая диссонировала и требовала своего завершения. Неопределенность Евгении скорее была свойством моего на нее взгляда. Девушку точно не стоит винить за то, что не определившийся дурачок, это прежде всего я. К моему глубокому сожалению. Но об этом я буду сожалеть потом. На тот момент самое замечательное и ценное, что я увидел в Евгении, кроме удачных коротких шорт и интересных обертонов в голосе, это принципиальная доброжелательность. Ее мне уже было достаточно, чтобы чувствовать симпатию. Ведь если человек добр, ему можно простить даже такие грехи, как, например, диджейство или романтизацию искусства. Кроме доброжелательности, у Евгении было еще одно интересное и неочевидное свойство. Она вообще не задумывалась о своем эстетизме. Даже если ее внешность и соответствовала неким категориям общепринятой красоты, она воспринимала это, как удачное стечение обстоятельств.

Самому забавно, насколько мне приятно и интересно описывать девушек, и насколько неохотно я цежу слова для описания парней. Но уж извините, кто такой мужик? Обезьяна, как есть. Имею неоспоримое право не интересоваться мужиками. Хотя маргышек и люблю всяких, но не ношусь с ними, как кошатники со своими хозяевами. Остатки сельского менталитета проявляются: скотинка, она и есть - скотинка. Константину и Царю я, конечно, уделил больше внимания, но то момент психологический. Описывая их, я сливаю весь негатив, который накопился за долгие годы дружбы. Пусть отрабатывают свои характеры хотя бы на страницах.

Когда в лагере появились девушки, Константин тут же приглушил проигрыватель. Снобом он был, но точно не дураком. Все засуетились, начали организовывать мангал. Царь застучал топором, сделанным из рессоры. Максим занялся готовкой. Бородатый и взлохмаченный, в каком-то ветхом рубище, он, казалось, пришел не со стороны города, а из леса материализовался. Василий же, эталонный марафонщик и велосипедист, в тот год поднабрал лишнего веса и никогда не лишнего спокойствия. Он глянул на меня и кивнул в сторону Кости и Царя. Я кивнул ему в ответ, а Василий пожал плечами, все понял без слов. Могу поспорить, он мог придти раньше, но не хотел оставаться наедине с двумя заклятыми друзьями. В скорости подошли Вадим с Мариной - брат и сестра. Странная пара: брат высокий и полный, сестра миниатюрная и маниакально аккуратная. При этом, они очень похожи друг на друга. Марину я не буду описывать так подробно, как трех подруг ранее. Я же ее с первого класса знаю, поэтому тут либо отдельный рассказ писать, либо вообще ничего не писать, чтобы мне от нее не прилетело потом. Девушки между собой щебетали, молодые люди обменивались новостями.

Царь, как в некоем роде блюстителю солидарности, за несколько словесных заходов объединил компанию на игровой манер и заставил рассказывать истории: кто что чудесного видел в окрестностях за последнее время. Первую историю рассказал он сам, разумеется:

— У нас на дачах случай был лет пятнадцать назад. От старожиллов слышал. Вандалы повадились: выкапывали морковь, свеклу, капусту объедали, топтали малину, землю рыли. Не крот и не собака - масштабы другие. Дачники думали, что человек вандалит. Сторожа старого привлекли к обходу территории. Тот пару недель отдежурил и обнаружил нарушителей порядка. Говорит, что зайцы гигантские балуют. Ему не поверили, подумали, что пьет дед. Рассчитали с синекуры. Взяли мужичка с деревни. Тот прибегает в шоке, божится, что не пил. Рассказывает: два зайца, ростом с человека каждый, через ограду сигают и давай столоваться - то тут, то там. И того мужика в пьянстве обвинили. Взяли двух пацанов подростков, чьих-то детей. Каникулы - времени полно. Они в первый же день на утро отчитались - кенгуру! Проверили, действительно, с частного питомника сбежала пара кенгуру.

— Красиво врешь, — прокомментировала Марина.

Царь пожал плечами. С Мариной мы все дружили - одноклассница бывшая. Ей можно и не так Царя задевать. Но ее брат заметил:

— Врет или нет, а цаплю мы видели тем летом за торфянкой.

— Было, — подтвердила Марина.

Царь объяснил:

— Это с «биобазы», не в первый раз у них цапли сбегают.

Я немного отключился от разговора, на Константина глянул. Тот украдкой рассматривал незнакомых ему девушек. Иногда то на меня поглядывал, то на Василия. Я и сам поглядывал тихонько на девиц и на друзей.

Стратегия простая. Больше всего проявлял активность Царь. Он, в некотором роде, блюл целостность компании. Это почетно и ответственно, и для нас с Константином, в виду социопатии, хлопотно. Поэтому мы сначала наблюдали за тем, как девицы реагируют на Царя: кто польстится, кто затаится. Далее шел Василий, крупный спортивный лентяй симпатяга. С виду простой активный живчик-хохотун. На нем отсеивалась еще часть женского внимания. Что забавно, так как он далеко не прост. Но это были исключительно проблемы девушек, общавшихся с ним. После двойного отсева оставались самые интересные барышни. Тут уже был наш с Константином выход. Мы в нише культурного снобизма с ним конкурировали. Хотя и ленью оба наделены сверх меры. Соперничеством это было очень тяжело назвать: нечто среднее между шашками и поддавками. Усложнялось наше с Константином положение тем, что остающиеся барышни, очевидно, были либо самые интересные, с культурных позиций, либо крайне проблемные. Чаще - одновременно.

Я молчал, пока рано было проявляться в качестве бенефициара женского внимания. Вечер только начался. К нам успели подойти еще пару друзей. Марина ушла с Василием в город, оставив брата с нами. Вместо Марины подскочила ее подруга. Вспомнить ее имя и внешность - совершенно непосильный подвиг для меня. Она не нашла Марины, но осталась с нами. Я ждал, когда Юра с Ильей подойдут - близкие мои соратники. А они все не шли. Наверняка доберутся только завтра, когда я уже свалю.

— Верблюдов все видели за речкой? — спросил Максим.

Поговаривали, что за торфяной речкой у нас живет чета верблюдов, так же сбежавшая из питомника, обнищавшего в девяностых. Где все эти мифические питомники и «биобазы» находились, никто не знал.

Я пялился то на Лену, то на Женю, то на Машу. Константин тоже на Лену посматривал, реплики отпуская. Девица, какая бы проблемная с виду ни казалась, выросла знатная. Я дал Константину возможность проявить свои худшие качества первым. Знал, что он не выдержит долго без критиканства.

К нам подошел еще один молодой человек, я его раньше не видел. Судя по тому, как он успел со всеми уверенно поздороваться и перекинуться парой фраз - чей-то знакомый.

Мне он не то, чтобы не понравился. Но, кто ходит по ночному лесу в белых шортах, майке и кроссовках? Ладно бы просто в белых одежках, так они еще и чистые были. С приходом парня у нас стало два заросших блондина: Константин и этот новенький. Пришедший блондинчик прямо таки светился почти что жеманной грацией. Белобрысый Константин на его фоне выглядел далеко не «аполлоном».

У друга моего на тот момент уже сложилась некоторая фора по части контакта с прекрасным полом. Константин неожиданно элегантно, элегантнее обычного, успел подсесть к Лене и строил из себя приличного человека. И, что удивительно, небезуспешно: Лена уже хихикала над очередной его шуткой. Бог видит, я был рад за друга и с двойным интересом наблюдал за оставшимися девицами.

Новенький же самым наглым образом уселся между Леной и подружкой без имени. Он вступил в диалог с Царем. Тот, добрая душа, протянул блондину пиво и даже по-отечески с ним поговорил о досужих делах. Что там их интересовало? Кайт-серфинг? Сабы? Пейнтбол? Я только и успевал удивляться, не наблюдалась раньше за Царем тяга к пейзажным развлечениям.

Между тем, новенький уже взял в оборот и девушек. Они обсуждали отпуска. Хихиканье началось. Константин сидел поникший, Лена от него отвернулась и внимала речам Царя и новичка. Каким бы Константин ни был засранцем, он был наш засранец. Царь, как мне показалось, о том же думал. Смотрю - притих и уставился ненадолго на Константина.

И тут блондин допустил промашку: докопался до тихо игравшего магнитофона:

— Не моя музыка, бестолковая совершенно.

Он стремительно наживал себе недоброжелателей в нашем лице.

— А ты что любишь? — спросила Лена.

— Люблю только свое, мне нравится камерную музыку исполнять?

Ну ничего себе пафос: «люблю только свое», «исполнять», «камерное». Остатки симпатий моих к незнакомцу улетучились полностью. Негласные правила этикета запрещали вот так запросто озвучивать свои интересы и творческие претензии в обществе. Нам бы в голову с Константином не пришло заставить людей слушать записи нашего авторства. Заявлять о успехах субъекта по части самодеятельности имело право только третье лицо. И то, если к месту.

Мне казалось очень странным поведение блондинчика, оно было картинно стереотипным. Будто он насмотрелся сериалов про переходный возраст. Держался театрально, отигрывал некий образ, который нам был абсолютно до лампочки. В этом и была странность. Живые нормальные мои друзья не вели себя так, как подростки из кинофильмов. Даже в школе. Это в кино безусые отроки проявляют себя экзальтированно, в соответствии с замыслом режиссера: для того, чтобы вскрыть какие-то там проблемы общества, поддать экспрессии, или отразить чаяния неуравновешенной и довольно малой части незрелого социума. Но мы такими никогда не были, позеров не очень любили. Тот же Константин, когда в школе выдавал что-то снобистское, делал это из озорства в большей степени. И окружающие к этому вполне спокойно относились, посмеивались по-доброму. А блондинчик подростком не был, скорее наш ровесник, судя по виду. Я все думал, где же он научился таким манерам? А главное, какие такие обстоятельства послужили тому, что эти манеры закрепились в характере к уже условно зрелому возрасту?

В скорости я перестал об этом думать и просто наслаждался диссонирующей и немного сюрреалистической сценой. Словно не очень хороший актер, парнишка пытался от нас чего-то добиться. А мы с апатией и неловко подыгрывали ему только ради того, чтобы понять, а чего же он от нас хочет?

Впрочем, «артист» все же нашел свою аудиторию. Лена не спускала с него глаз. Как стрелка компаса смотрит на север, так она была вся обращена к блондинчику. Лена, то ли по жестокости, то ли по глупости, заявила Константину:

— Вы все про музыку спорите, а человек делает!

Потом она повернулась к блондину и с потворствующей многообещающей насмешкой спросила:

— Продемонстрируешь?

Тот картинным движением достал откуда то блок флейту и поднес ее ко рту. Очень сложно относиться хорошо к человеку, когда он таскает с собой блок-флейту (замечу - белую пластиковую), чтобы в любой момент иметь возможность продемонстрировать свои умения. Константин, увидев это, залпом осушил банку пива. У Царя бровь поползла вверх.

Парень заиграл, довольно неплохо, что-то слащавое. Даже не «неплохо», а откровенно хорошо. Выдал на октаву выше передуванием. Пальцы поставлены. Девки приняли театрально

внемлющее выражение лица. А я готовился погромче открыть рот, когда тот закончит. Блондинчик мучал нас хорошей игрой минуты две. Повторил дважды вариации, что само по себе говорило о больном эго, и опустил флейту. Я подождал, пока вежливо-заинтересованные возгласы стихнут и отпраповал как пионер на линейке:

— Как здорово. Школа, конечно, чувствуется. У нас Царь немного тоже играет. Вам есть о чем поговорить.

Никто из присутствующих не знал, кроме Вадима, что Царь играет на трубе и флейте с начальной школы. Они с Царем в свое время в джазовом оркестре и познакомились. Но, для остальных, кто знал Царя, его музыкальная практика сводилась к маршированию с трубой раз в год на девятое мая в смешном костюме.

С самодовольным видом блондинчик протянул флейту Царю и спросил:

— Состязание?

— Можно, наверное. А что проигравшему?

— На сосну залезть, — с усмешкой ответил парень.

Царь скромно помялся и промычал неуверенно:

— Ладно. Но еще раз и ты первый начинаешь.

Ему особо нечего было терять, та еще обезьяна - сосна его не сильно-то и напугала.

Блондин секунду подумал и начал играть какую-то «ренессансовую» мелодию. Мастерски, надо сказать. Царь напрягся, но не сильно. Ну проиграл и проиграл, сосна не проблема. Его же к ней не привяжут и не освежают.

Блондинчик в третий раз продул все вариации и умолк. Мне мелодия стала надоедать еще на втором повторе. Тем более, первая композиция была похожа на вторую. Флейтист зачем-то перевернул верхнюю часть флейты свистком вниз, и протянул Царю. Я не понял смысла в этой манипуляции. Странный жест, как будто какой-то ритуал отрицания.

Царь принял инструмент, не стал возвращать свисток в исходное положение, пару раз продул его, неловко приложился пальцами к дыркам - играл на публику. Далее он выдал неплохую «балканщину».

Не могу сказать, что он играл лучше блондина. Косячил знатно. Видно, что очень давно не тренировался. Но общая экспозиция сложилась в пользу Царя по той причине, что ужимки блондинчика успели надоесть за два захода. «Балканщина», в случае Царя, выглядела выигранно и свежо. Быть может, блондин и так мог, но поставил не на ту коняшку. Не в последнюю очередь сказался эффект неожиданности. Удача была не на стороне блондинчика.

Царь поступил грамотно. Не стал долго мучать людей вокруг, закончил, прежде чем мелодия успела надоесть. Буквально обрубил ее. Это большое искусство, пустить пыль в глаза, делая вид, что ты не пускаешь пыль в глаза. Царь посмотрел на меня, именно на меня, и спросил:

— Ну что скажешь?

Потому, видимо, и блондин на меня посмотрел вопросительно и раздраженно. Я невольно, если не считать небольшой спекуляции Царя, стал судьей. Потому и сказал с очень дружескими интонациями новичку, при том абсолютно честно:

— Последнее было интереснее, объективно.

Царь отдал флейту блондину и протянул руку. Ведь дух соревнований подразумевает солидарность. Но блондин руки не пожал, чем окончательно себя дискредитировал. Незнакомец с достоинством встал, подошел к сосне, поглядел на нее, потом обернулся, посмотрел поверх наших голов куда-то в сторону берега, хитренько улыбнулся и ответил:

— Лень о смолу пачкаться. Можете вместо меня лезть, если хотите.

А мы ничего не ответили. Надоел. Пришел, развлек - молодец, дуй по своим делам. Только спасибо скажем.

Делать ему в нашей компании, после такого демарша, было категорически нечего. Блондин в белом махнул рукой и побрел в сторону дороги. Следом за ним поспешила Лена:

— Подожди, проводишь меня до дома?

Они скрылись за изгибом берега.

— Что с ним не так? — спросил Царь задумчиво.

Будто мысли мои прочитал. Я ответил:

— Вроде бы и интересно, что с ним не так. Но если такое поведение становится понятным, то это плохой звоночек.

— Есть такое. Вообще не понимаю, как вы так спокойно с ним. Я бы ему вхлопал, — заявил Вадим.

Он был вспыльчивый немного, помладше нас на пару лет - еще студент. Не могу сказать, что мы были против насилия как такового. Но оно уместно в обществе, которое принимает его в соответствии с категорическим императивом. А устраивать расправу перед девушками было, как минимум, стратегически неверным ходом.

Мы с Царем остались довольны проделанной работой. Константин был нам благодарен, но чем-то Елена успела его зацепить. По мне, так это был отличный пример отсева. Константин впоследствии признался мне, что вопрос был не в Лене. Девушка симпатичная, но не терять же голову из-за первой встречной? Просто друг понял, насколько непросто ему будет повстречать барышню, с которой он может построить нечто, вписывающееся в его представление о достойной совместной истории. И, вероятнее всего, ему следует распрощаться с уже сложившимися своими представлениями об этой эфемерной достойной совместной истории.

Все же Константин немножечко, да лукавил. Непростая ситуация не пощадила его самолюбие. Он чаще обычного стал прикладываться к пиву. Молчал, курил и снова пил и, в определенный момент, сказал:

— Хватит мне уже. Я спать.

Он встал и ушел в палатку, махнув нам рукой. Подруга Марины, посмотрев, что Константин ретировался, с грустным видом взяла свой велосипед и понуро побрела к шоссе. Не туда смотрел мой товарищ, ох не туда.

Я же дождался от Евгении нормального, надежного, проверенного: «а ты что такой молчаливый?» Тут-то я свою варежку и раскрыл во всю прыть. А почему так произошло? Я не торопился быстро получить женского внимания, а смотрел и слушал, давая возможность барышне диалектически дойти самой до интереса к моей персоне. Врать не буду, кроме понимания механизмов диалектики, мне еще помог, в тот раз, видимо, случай.

Стало чуть холоднее, все придвинулись к костру. Наступила темная августовская ночь. Царь продолжил почитать нас байками:

— У нас в конце шестидесятых в институтах проводили эксперименты. Разгоняли частицы. Не как сейчас, в коллайдерах, а допотопными небезопасными методами. Один раз деятели науки переборщили с разгоном и открыли портал непонятно куда. Или не портал, не знаю. Но знающие люди говорят, что они выпустили на волю натурального древнегреческого беса.

— Фавна, — поправил я.

— Ладно, фавна.

Так как Константин ушел спать, тяга Царя к спорам утихла. Он продолжил:

— Фавн с территории института убежал к нам в город. Тогда еще поселок. Очевидцы говорят, что ему приглянулась мозаика у нас на стене дома культуры. Это он отколупал рогами эмалевые чешуйки с нее. Еще он повредил скульптуру с ласточками. Запрыгнул на остановку. До сих пор там вмятины от копыт. Сходите завтра, посмотрите, если не верите. Руководство пыталось это скрыть. Говорили, что инцидент дальше институтской ограды не распространился. Проводили беседы с очевидцами. Для надежности пустили слух про опыты над обезья-

нами. И что одна обезьяна сбежала. Формировали мнение, что инцидент в институте и побег обезьяны между собой никак не связаны. А потом книжка вышла, популярная фантастика, про всякие чудеса в научно исследовательских институтах. И все стали говорить, что слухи - байки, навеянные сюжетом книги.

— Сам сочинил? — спросил Вадим.

— Нет, — вдруг ответил вместо Царя Максим: — Я что-то подобное тоже слышал.

Максим был старше нас, мог помнить подобные рассказы.

Я сидел разморенный, но более менее адекватный и думал про Женю. Симпатичная брюнеточка, перекрашенная в блондинку. Мы уже неплохо пообщались, но не более чем. Надо было определить, есть ли у нее насколько-нибудь устойчивый интерес ко мне. Друзья были заняты оживленной беседой. Я спокойно встал и пошел по тропинке в лес, прогуляться. Евгения, будь она заинтересована в более тесном общении, могла бы и последовать за мной. Но, то ли она отвлеклась, то ли не была заинтересована в сближении, догонять не стала. Огорчаться мне было рано. Ее отношение могло еще много раз поменяться. Я с удовольствием прогуливался по ночному берегу.

Тут мне на телефон пришло сообщение от Константина, довольно странное: «Видел Юрца с Илюхой. Привет передают, завтра будут». Юра постарше, а Илья помладше. Они были настолько разные, насколько вообще можно себе представить, может потому они так хорошо и дружат. Ну, думаю, запоздалое сообщение. Видимо, Константин его отправил еще утром, телефон далее потерял сеть, а тут поймал снова. Иначе как Константин мог увидеть ребят сейчас, в палатке?

Незаметно я подошел почти к противоположенному концу озера. Внезапно услышал неожиданные для ночного леса звуки, кто-то играл на флейте. Никак блондин? Уже больше часа прошло, как он ушел с поляны. Я тихонько пошел на звук, выглянул из-за кустов. Интуиция меня не подвела - блондинчик сидел на бревне и сосредоточенно дудел балканщину. Когда он прервался, я старательно прошелестел в кустах, чтобы не напугать, и спросил, довольно беззлбно:

— Ты чего тут один ночью?

Он посмотрел на меня немного растеряно и ответил тихим голосом:

— Надобно бы мне мелодию друга твоего освоить, пока она еще в ушах звучит.

— А барышню где потерял?

— Обиделась походу, — грустно ответил блондин, — но если я забуду, как твой друг играл, то потом уже не вспомню.

— И оно того стоит?

— Нет конечно, но я ж по другому не могу, — ответил блондин, так, будто я застал его за чем-то предосудительным.

Он сейчас выглядел практически трогательно, вовсе не таким напористым, как ранее в нашей компании.

— Ты бы вернулся к нам, да Царя попросил научить, дел то на пять минут. Ты быстро все просечешь, — посоветовал я.

— Да я там не очень удачно себя повел.

— Это точно. И зачем - непонятно.

— Вроде так принято у молодежи. Репрезентативное хамство, разве нет?

Вот уж неожиданная мысль, будто блондин пришел непонятно откуда и пытался сойти за своего в незнакомой ему культуре. Я ответил:

— Глупости какие. Мы же нормально с тобой разговаривали.

— Да я уже понял. Ну теперь ничего не поделаешь, сам виноват.

— Не засиживайся, лучше Елену догони - проводи до дома.

— И то верно, удачи тебе добрый человек, — ответил блондин с хитрой улыбкой.

Я не был уверен, что он сможет догнать обидевшуюся свою подругу, но блондинчик решил, что еще не все потеряно и стремительно умчался в темноту. Не такой уж и противный оказался, дурачок конечно, но не злой по натуре. Станным показалось, что он убежал по направлению от города. Но блондинчик во всем оказался странноват. Говорю же - дурачок.

Я повернул обратно, шел по берегу в благостном состоянии духа, самом безмятежном. Рыба плещется. Наверное, это окушок ходит. Ночные птицы пролетают, если долго смотреть вверх леса на противоположенном берегу. Все бы хорошо, если бы не комары. Я нехотя заспешил к костру.

Евгения выразила мне явное недовольство:

— Единоличник. Мог бы меня позвать.

Действительно, мог бы. Облажался. Но было приятно, что девушку задело мое отсутствие. Я поспешил оправдаться:

— Так и хотел, но решил опасных зверей сначала разогнать.

— И как? Разогнал?

— Как сказать. В таких шортиках, ты всех комаров соберешь.

Евгения улыбнулась, значит благосклонно приняла мои оправдания. Друзья уже не болтали оживлено, попивали пиво и смотрели молча на костер. Изредка только Царь что-то негромко вещал. У костра, кроме меня, оставались он и Женя с Машей. Я решил напоследок развлечь барышень. Есть у меня способность волшебная. Ночью, если в водоеме есть тина, я в любой летний день могу поймать вьюна. И в том ли дело, что у нас их пруд пруди, или в том, что я обладал некоей квалификацией для того, сложно сказать. До сих пор не уверен, кто же меня этому фокусу научил. Вроде бы троюродная сестра. В тот раз я действительно на спор достал скользкого вьюна, чем заслужил одобрение девушек.

Все же женское внимание не бесконечно. Подруги пошли спать в палатку. Мы с Царем без них тоже долго засиживаться не стали. Еще не светало, а я ушел со спальником чуть подальше в лес. Прямо там и заснул. Мне захотелось раз в жизни поспать в лесу под открытым небом. Учитывая, что ночь стояла теплая, проблем мне это не доставило.

Проснулся я часов в двенадцать дня чудесно выспавшимся. Хорошо, что не делал резких движений. Обнаружил, что на мне восседает небольшая лягушка, молоденькая совсем. Грелась ночью. Я ее аккуратненько смахнул и выполз из спальника.

Максим возился с мангалом. На озере плескались барышни. Царь искал по берегу пакет с пивом, который должен был бы охлаждаться в воде, но пропал. Пастораль. Я подозревал, куда делось пиво, но объяснять другу не стал - не поверит.

Я сварил кофе и покурил в тишине, пока все заняты делами. Еще пару часов, и можно лениво побрести домой по лесной тропинке, таща велосипед за руль. Но не сразу, а рассчитав время так, чтобы и Евгении настала пора идти домой.

Я как раз рассчитывал время ухода, когда со стороны шоссе на меня вышли Юрий с Ильей.

— Явились? — поприветствовал я их.

— Вчера патлатого видели. С гаражей шли, смотрим - ковыляет. Он напомнил, что вы тут, — ответил Юрий.

Патлатый - это Константин. Под такой партийной кличкой он проходил по номенклатуре Юрия.

— Как так? Он же всю ночь в палатке проспал.

Илья улыбался, думал, видимо, что с Константином затеяли подурить голову Юрию. Но подобного и в мыслях не было. Я встал и пошел к палатке, оттуда на меня вылез Константин, продирая глаза.

— Ты как умудрился раньше нас тут оказаться? — спросил Илья.

Заспанный Константин что-то промычал невнятное.

— Он еще вчера на рогах домой шел, — махнул рукой Юрий.

В целом, действительно, чего такого особого? Мог же Константин выскользнуть незаметно из палатки и вернуться под утро. Не самые сложные маневры. И не такое бывало. Парни оставили нас, ушли помогать Царю.

— Пройдемся? — тихо спросил Константин.

— Ну, пошли.

И тут Константина прорвало. Он не затыкался пол часа. Занятную историю выдал.

Долгое время я пытаюсь отделаться от власти снов. Не то, чтобы я сны не любил, очень даже их люблю. Но в разных мистических историях уже давно наметился переизбыток сомнофилии. Будто бы без них нельзя ничего написать. Сны стали откровенным литературным клише. Что можно понять, так как сон очень удачно позволяет прикрыть дыры сюжета. Некоторое время назад я зарекся писать о своих снах. Но, человек слаб. Я оставляю за собой полное право описать сон Константина. Это же его сон, не мой. Для меня он - не более, чем рассказ. И не разрешен еще главный вопрос: был ли это сон. Дано ли мне право назвать спящего Константина пьяным, или напротив, пьяного Константина спящим?

Приведу его рассказ от третьего лица. Константин напился, расстроился, пошел в палатку, залез в спальник и только более менее задремал, как мы его разбудили своим «пьяным» хохотом. Он проснулся и подумал, что хочет побыть один, пройтись по лесу, принять душ, поспать у себя в кровати. Константин спокойно вышел из палатки, сказал нам, что вернется завтра утром с пивом, а мы ему помахали руками. Этого я напрочь не помню.

Константин пошел домой пешком не тем путем, каким мы добирались на велосипедах, а через лес, по тропинке с левой стороны озера, ближайшей к нашему лагерю. По той же тропинке, по которой я собрался возвращаться домой в компании Евгении. Там идти всего минут двадцать пять, максимум тридцать, до города. Выходишь из лесу и вот они - дома наши. Видны через поле. Каждый из нас в любом состоянии и в любое время суток спокойно добирался до города не раз и не два. Без всяких фонарей и электронной навигации. Дорога знакома с детства, включается автопилот.

Константин вошел в лесную темноту и настроение у него поправилось. Он уже забыл про свою сердечную неудачу. Благодный, чуточку протрезвевший, с баночкой пива, прогулочным шагом Константин брел по ночной тропинке.

Как только глаза его привыкли к темноте, оказалось, что по левое плечо, на уровне головы, раскинув руки в стороны - имитируя самолет, летит д'Аннунцио. А с правой стороны, таким же манером летит Маринетти. Константин подумал: «Ведь это сон; что ж, буду грезить дальше».

Маринетти с акцентом, будто запыхавшись, запальчиво вещал:

— Вот и молодец! Нечего там ошиваться, среди этих консумеристов и конъюнктуриков!

Д'Аннунцио же резонно заявил:

— Отнюдь, на твоём месте я бы вернулся. Там еще остались бесхозные барышни.

— На кой они ему! Когда синее небо манит! — оппонировал Маринетти, накренившись так, что правая рука указывала в темное звездное небо, которое было видно сквозь верхушки елей.

— Как на кой? Стихи им декламировать! — отвечал д'Аннунцио.

Константин спросил:

— Вы о чем? Какие стихи?

— Мои конечно! — возмущенно ответил д'Аннунцио.

— Не читал, — отрезал Константин.

Маринетти довольно заулыбался.

Но д'Аннунцио это не смутило:

— Я тебе нового своего насыплю. С барского плеча. Запоминай.

Д'Аннунцио снизился к тропинке и приземлился на четвереньки. Маринетти последовал
него примеру. Д'Аннунцио встал, отряхнул колени и приплясывая выдал:

Черные тучи в небе над лесом,
Там где летают ведьмы и бесы.

Маринетти стоял в сторонке, но начал притаптывать одной ногой и хлопать в ладоши.
Улыбка ехидная красные щечки,
Локон витой убежал из платочка.

— Оп, опааа! — аккомпанировал Маринетти, пускаясь в пляс.
Слезы сладкие искусом полнятся,
Видел украдкой я Черное Солнце.

— Оп! Оп!
Бежишь по дороге где август пылится,
Бубликом хвост и сверкают копытца.

Константин не знал, как на все это реагировать. Стоял и смотрел. Маринетти спросил у
товарища с картинным удивлением:

— Это ты написал?

— Да - я, — ответил д'Аннунцио игриво улыбаясь, как первоклашка на конкурсе талан-
тов.

— Молодец какой, — прокомментировал Маринетти, не без некоторой издевки.

Константин ждал, когда же д'Аннунцио поймет, что товарищ над ним откровенно изде-
вается. Но поэт принял глумливую похвалу как должное.

Вдалеке послышался конский топот. Маринетти сморщил нос и гнусаво прокаркал:

— Фу, чую духом музейным пахнет, античной библиотекой.

— Полетели к актрисам? — предложил ему товарищ.

Маринетти ответил:

— Полетели!

Константина окутал смрад выхлопных газов. Оба итальянца взмыли над вершушками
самых высоких сосен.

Не успел смрад рассеяться, как Константина сбил черт, который несся прямо на него со
стороны озера. Черт выматерился, из чего Константин заключил, что это сатир. Ведь черти,
по идее, боятся мата. От сатира разило перегаром. Был он крупный - метра два ростом. Рога
большие, витые, как у барана. Загорелый весьма, оливковым загаром. Роба сама у сатира очень
была характерная, но при том крайне интеллигентная. Не бритая роба, очевидно. Копыта круп-
ные, хвост длинный, толстый, как нагайка. На хвосте кисть. Задняя часть туловища поросла
темно рыжей шерстью и удачно прикрывала срам.

Сатир, упав, умудрился поймать улетевшее из рук Константина пиво. Он осушил банку
за секунду и кинул ее Константину, уже смятую, сопроводив сей акт комментарием:

— Не мусори! Лес - храм природы.

Константин как задом упал на тропинку, так и сидел, только закурил. Сатир жестом
попросил сигарету и зажигалку, и тоже задымил, сидя на тропинке.

— Ты из этих рыбачков? — спросил персонаж античных мифов, сделав движение рукой
в сторону озера.

Голос у него оказался спокойный и бархатистый.

— Каких рыбачков? — уточнил Константин.

— Которые на озере с палатками, костер жгут.

— Вот черт! Удочку не убрал.

Константин было осекся, так как припоминание рогатой нечисти могло несколько обидеть собеседника. Но того слова Константина нисколько не задела. Значит, действительно, перед другом сидел сатир, а не обиженный ущемленный черт. Сатир тем временем отвечал:

— Да и пес с ней, с удочкой, все равно клевать не будет. Там только у одного твоего товарища есть шанс выюна выудить. Он блатной. За него важная персона у моих водных коллег в свое время слово замолвила.

Константин ничего не понял, но кивнул. Сатир - экзотика, как никак, вызывал интерес.

— Вы чего тут делаете?

— Гулял за речкой, пасся помаленьку. Слышу - родное фракийское играет. Дай думаю гляну, кто промышляет. А это вы сидите.

— Это с какой речки, хм... шли?

— Торфяная, на восток отсюда. Там угодня у меня по левую сторону.

— И давно тут? — продолжал интересоваться Константин.

— Лет сорок, как минимум. Вынужденно имигрировал.

— А сами из Фракии значит? — полюбопытствовал Константин.

— Ты что-то больно любопытный!

Сатир, вдруг встал в полный рост. Он спросил настороженно, хотя и не агрессивно:

— Ты, случаем, не из культурных интервентов?

Константин тоже встал, и, замаявшись, уточнил:

— Кого?

Сатир будто бы успокоился.

— Не суть... Летают тут два аэроафта.

Константин понял, о ком идет речь, но решил соврать, так как почувствовал нотки неодобрения в голосе собеседника.

— Не видел таких.

— Вот и хорошо. Ты бы так беспечно не шатался по ночам. А то и в аэроживопись недолго скатиться. Повезло тебе, что я сегодня тут патрулирую. Ни одна сволочь мимо не проскочит.

— А что в аэроживописи такого плохого? — поинтересовался Константин.

— Мне признаться, самому нравится как она выглядит. Но не люблю, когда идея вперед художества бежит. Художество либо вечно не догоняет, либо, если до идеи добежит - заканчивается. Тем более, если идея ангажирована. Сегодня все с ней носятся, завтра она никому не нужна. Актуальность - ходунки дрянного искусства. Все, что сильно толкают вперед, заглохнет, если перестать его толкать.

— Так наоборот же. Искусство как раз и начинается, когда идея заканчивается.

— Хитрец какой! Думал меня в силки диалектики поймать? Это только ты живешь в становящемся. А я всегда в ставшем. Мне идея движения уже сама по себе не интересна. Ну да не страшно, сообразишь еще, не дурачок.

Константин, когда описывал этот момент, особенно был возбужден. Сатирия мысль сильно ему понравилась.

Он ответил:

— Постараюсь, рано или поздно должно получиться.

— Непременно... Ладно, дела не ждут. Бывай, рыбак! — попрощался сатир и добавил, исчезая в кустах: — Ио Пан!

А Константин зачем-то пробурчал тихонько в ответ:

— Иншалла.

Мой друг со смятой и мокрой пивной банкой направился сквозь темный лес в сторону дома. Он уже забыл о том, что спит, поэтому очень удивлялся и аэроафтам, и сатиру. И тому удивлялся, как он сумел разглядеть детали их внешности в темном лесу. Больше ничего стран-

ного с ним не произошло. Только за полкилометра до дома, он услышал откуда-то сверху гнусавые крики:

— Пространства и времени нет!

В этот же момент в воздухе запахло отработанным керосином.

Константин вышел на поле, пересек его и у подъезда своего дома встретил Юрия с Ильей. Тогда он и написал мне сообщение на телефон. И друзья подтвердили факт встречи. С этого момента мне все стало представляться в ином свете. Не то, чтобы я сразу принял за чистую монету ночные приключения белобрысого, но стало немного завидно, что это он с сатиром познакомился, а не я. Пусть даже в мареве ночных походов, которые в полной мере к реальности отнести было невозможно. Хотя внутри у меня теплилась некоторая надежда, что если рогатый эгрегор над местными лесами довлеет, в виду каких-то специфических предпосылок, то и мне, рано или поздно, удастся засвидетельствовать немного античности.

Далее Константин поднялся домой, принял душ. Потом курил на балконе и пытался высмотреть - не летают ли над лесом футуристы. Но футуристы не летали. Константин лег спать, а проснулся в палатке. А потом повел меня в сторонку обо всем рассказать. И пусть мне все начало в ином свете представляться, я решил не кормить гипертрофированное воображение моего друга лишними домыслами.

— Ты помнишь сколько историй, когда кто-то сначала пьет без оглядки, а потом случается всякая дичь? — спросил я его вместо того, чтобы выдать какое-либо заключение.

— Каждая история такая и есть.

— Вот и не бери в голову, — успокоил я друга.

Константин убежал искать свою удочку. А сразу после этого, ко мне подошел Юра и обратил внимание, что надо бы в лесу ходить аккуратнее. Когда они с Ильей шли к нам по лесной тропинке, то обнаружили отпечатки кабаньих копыт во множестве. Константину про это я рассказывать не стал.

История странная, но не единственная подобная. С Константином такое периодически случалось. Но после встречи с сатиром он перестал носиться со своим «творчеством». К тому моменту мы уже успели сделать первые записи и потихоньку начинали знакомиться с около-музыкальной социальностью. Манеры в той среде были экспансивны до грубости. Раньше Константин позволял себе трубить о каждой демо-записи изо всех щелей. Теперь же мой друг начал работать тихо: выкладывал результаты без помпы и рекламы, никогда не устраивал презентаций альбомов, не навязывался на выступления. Константина перестало волновать, кто его слушает. Он стал спокойно воспринимать критику.

Чем его сатир пронял, я так и не понял. Но, благодаря этим изменениям, многие воспринимали Константина как удивительно скромного и взвешенного человека, эдакого святого в около-музыкальной тусовке. Как же они ошибались. Я то все прекрасно понимал - эго Константина было настолько всеобъемлющем, что его просто не волновали многие вопросы. Его мало слушают? Это же замечательно, значит он выдал настолько гениальный результат, что его сходу и не понять. Если Константина похвалили за музыку, тот начинал нервничать. Думал, что же он сделал не так, где не доработал? И не приведи Господь, если его музыку охарактеризовали как «актуальную» или модную. Это могло вогнать друга в депрессию - зря делал. Что до критики, это никак не могло покорибить эго Константина. Он искренне считал, что никакого вреда его гениальности критика не может нанести. Не видел в этом проблемы. Во-первых, а что могут понять критики в его сложном мире? Во-вторых, гений имеет право на ошибку или бездействие без потери своей квалификации, ибо она абсолютна. И вообще, все это мелочи, шелуха. Не зазорно выслушать совет и поправить материал в соответствии с комментариями, от него не убудет. Со стороны все это выглядело весьма благообразно.

Мне идеи трезвого отношения к творчеству и определенного изоляционизма тоже по душе пришлась. Но только отчасти, я был не настолько строг. Так или иначе, у Константина

приверженность к изоляции от конъюнктуры была выражена в гипертрофированной форме и во многом определила дальнейшие события.

Константин

Не помню, когда увидел его впервые, в третьем или пятом классе. Он учился в параллели. Пересекались мы с ним во время физкультуры или общие друзья у нас были, не помню. Как-никак школа пришлась на девяностые. Атмосфера была по тем временам весьма неплохая. Все ученики спокойно друг с другом общались. Не было сильной сплоченности, но люди были более менее адекватными. Мы вполне могли поиграть футбол или командную чехарду с товарищами из соседнего класса, если не хватало людей. Девяностые обошли наш городок в плане криминала и агрессии. Родители работали в институтах, у всех было одинаково мало денег. Потому шальной бизнес к нам не приходил, а за ним и криминал не шел. Тихие и спокойные времена.

В пятом или шестом классе Константин уже демонстрировал все те свои особенности, которые и сейчас его характеризуют, внешне, по крайней мере. Длинный, худой, патлатый и белобрысый. Нос острый. Выражение лица отстраненно-сосредоточенное. Сам какой-то все время оцепеневший, буратинистый. А глаза бледно-голубые. Константин и сейчас смотрит ими на людей редко, а если и посмотрит, то будто сквозь тебя. За ним я с детства замечал одну странность. Бывает, кто-то знакомый носит очки. Типаж внешности такого знакомого со временем запоминается. А потом этот человек снимает очки и определенным образом изменяется. Константин никогда очков не носил. Но выглядел так, словно всю жизнь носил и вот только-только снял. Может показаться, по моим описаниям, что Константин был болтуном и любителем фантазировать. Так вот - нисколько. Молчун был, говорил только о том, о чем сам хотел. Прорывало его с собеседником один на один. В большой компании чаще молчал.

Характер у друга моего был отвратительный. С виду приличный парень, молчаливый, интеллигентный, себе на уме. Но это пока не втерся в доверие. Тогда-то открывается его истинная сущность. Вредный, язвительный и абсолютно спокойный. Это вдвойне бесит. Я всегда специфического рода цинизм за ним наблюдал. Обычно, циники своим цинизмом бравировуют, ибо он для них приобретенный. Все же прекрасно знают, что циники вылупляются из побитых идеалистов. А Константин был урожденным циником, который решил ни с того ни с сего, что он идеалист. Над цинизмом идеалистов удобно потешаться. Если идеалист развил свой цинизм до вида искусства, то можно и художественную ценность за ним признать. А идеализм циников, хуже кислоты, чистая левиафанья желчь - могучий раздражитель. Поначалу принимаешь его за чистую монету, но потом приходит осознание, что с идеалами что-то не так. Сразу понять, что не так, не выходит. С таким притворщиком идеалистом, как Константин, никогда нельзя быть уверенным, серьезен ли он, или только представляет себя серьезным.

И в целом социопат он, конечно, знатный. Не подобный образу, пестуемому в нуарных детективах и комедиях про гениев. А приземленный бытовой социопат, который «проблема в семье». Которому затрещину хочется дать иной раз.

Всю школу мы пересекались, но особенно не общались до класса десятого.

А потом подружились. Большой компанией сидели у кого-то в гостях. В школе, как водится, все вкусы диктовались мейнстримовыми медиа. МТВ маршировало по стране. Ребята и девчонки хвастались своими интересами и соответствием медийному образу актуальной молодежи. И кто-то заметил, что Константин молчит. Этот некто задел его фразой, вспомнить бы ее поточнее. Косте вменили, что ему нечего сказать, так как он отстал от современной культуры. Константин очень по доброму посмотрел на обидчика, выдержал театральную паузу и спокойно сказал:

– А чего мне бисер метать? Вы - блаженные, ни в граинджоре не смыслите ни в берлинской школе электронной музыки, да ни в чем. А если и смыслили бы, то это не повод себя считать сильно культурным.

Заявил так заявил. Вроде слова грубого не сказал, а будто ушат помоев вылил. Воцарилось напряженное молчание. За ребят вокруг я не слишком переживал. Не мои проблемы. Моя соседка по дивану ответила Константину:

– Ты хоть сам понял что сказал?

Я тогда задумался, к чему эта фраза с ее стороны? Если уж человек что-то говорит, то, надо думать, понимает свою речь. Или она, сама не имея способности воспринять новую для нее терминологию, думает, что это набор звуков? Вроде щебета птичьего? Мне эта фраза представилась неким лингвистическим туалетным шупом. Так кривляющаяся обезьяна ожесточенно тыкает палкой в платоновскую пещеру. Не для того, чтобы понять, что там внутри, а для того, чтобы там гарантированно ничего не выжили и не порушило бы картину мира бедной скотины. Исключительно в пику девице, чтобы дать понять, что за словами Константина стоят вполне внятные термины, я ответил:

– Граинд лучше слушается, когда переписан с чужой кассеты. Раз его левые придумали, то платить за него - буржуазно.

— Вы что, бредите? — удивилась девица.

Ошибкой было бы думать, что я брызгаю ядом, как еще один «интеллигент», который вымещает на бумаге свою неудовлетворенность социумом юношеского периода жизни. Компания была отличная, мне там было более чем комфортно. Просто рай для маргинала средней руки. А девушка вызывала симпатию. Я хотел ее внимания. Думал, что более тесное общение поспособствует взаимному культурному обогащению. Тщетно, конечно. Константин меня в последнюю очередь интересовал. Более того, меня несколько раздосадовало, что я не один оказался такой просвещенный. Но, объективность выше ревности. Я очень аккуратно попытался объяснить:

– Вера, то, о чем Костя говорит, это не что-то из ряда вон выходящее. Зря вы его задели.

В итоге девочка примирительно пожала плечами, а Константин кивнул мне, мол солидарен. К моему неудовольствию, он поднялся со своего места, сел между мною и барышней и начал втирать мне про пионеров берлинской школы, дадаизм и манифест *Neue Slowenische Kunst*. Как будто мы не могли обсудить что-то поинтереснее? Дети, что тут сказать.

Сейчас я все это с улыбкой воспринимаю, ладно бы «берлин». Но граиндкор? Мы никогда его всерьез не слушали и не интересовались им. Максимум в шестом классе, когда приходили на городской рынок к лавке «Граммфон» с кассетами и спрашивали дяденьку, что там у него появилось потяжелее. Граинд только для того и нужен был, чтобы потом не воспринимать всерьез всякие «металлики».

Не стоит думать, что я делаю акцент на этих культурных явлениях с целью популяризации или из любви к ним. Даже напротив, в большинстве случаев я старательно избегаю писать о той музыке, которую люблю. Пускаю в расход те музыкальные явления, которых мне совсем не жалко. Музыкальный прозелитизм, это всегда слабость и малокровие. Попытки измазать все вокруг своим вкусом. Морализм худшего толка. Его можно оправдать только экспансией, наглой и явной. Строго не наоборот. Морализм следует раздавать грубо и громко, манифестами. А манифесты сейчас - дело провальное. В том числе и манифестация в аспекте самого высказывания.

В момент нашего с Константином знакомства я принялся самозабвенно поливать грязью массовую «культуру» и сетовать на наш век, не любящий манифестов. Но Константин меня мягко остановил:

— Не грехи на МТВ, оно нам необходимо.

— С какой это стати? Я без него проживу легко, — засмеялся я.

— Пока оно есть, ты - молодец среди овец, — парировал Константин и добавил: — А как бы ты попсу чехвостила, если бы ее не было? Или представь, вдруг бы ты сам ее изобрел случайно? И что бы ты тогда делал?

Меня такая постановка вопроса сильно озадачила. А новоявленный мой товарищ продолжал:

— Ты хочешь культурных революций, манифестов?

— Как минимум, хочу тотальный диктат искусства, — это даже не я, а молодость во мне говорила.

Константин же был неуместно трезв и разъяснял мне свою идею как семинарист юному студенту:

— Только крепкая поп-культура и позволяет манифестировать. Когда манифест посягает на поп-культуру, монокультуру, только тогда он громкий. Потому манифест обожает поп-культуру, он на нее молится, он ее хранит. Он не предполагает, что с ним согласятся. В этом его сила и уникальность. Сам подумай, что будет, если с манифестом согласятся?

— Он займет место поп-культуры?

— Именно, со всей ее инерцией и посредственностью. Еще есть, конечно, вариант, что он раздробит монокультуру и потеряет смысл.

— И ни туда, и ни сюда.

— Вот вот. Ты любишь манифесты. И я люблю. Это весело, как минимум. Поэтому, ты уж прости, мы с тобой культурные паразиты, жирующие на огромной туше левиафана массовых предпочтений.

Мне тогда очень понравилась фраза про тушу левиафана, я ее с той поры себе и экспроприровал в бытовой словарь.

Тем не менее я нашел что ответить:

— А как быть с тем, что я хочу свое? Свою культуру хочу. Твоя эта монокультура забивает эфир собой. А я хочу того, что мне нравится. И слушать, и сам делать. По мне, нет левиафана - нет проблем.

— Не понял ты до конца. Ладно, смотри, что будет при отсутствии монокультуры, вообще, как понятия? Будет сколько людей, столько и микро-культур. В каждой культуре только один человек. Он ничего не сможет услышать, кроме как от себя, и ничего высказать, чтобы это услышал кто-либо, кроме него самого.

С одной стороны, Константин меня уел. С другой, я чувал, что подобные мысли занимают его давно. Так что у него некоторая фора уже сложилась в предметной области. Чуть поднатерев в понятиях, я мог бы спокойно полемизировать. Только зачем? Мысль Константина вполне себе адекватной мне показалась.

Вот так тот памятный вечер ознаменовался первыми нападками атомарности на монокультуру, а может и наоборот. А мы с Константином стали больше общаться. Мог бы я тогда предугадать, сколько раз придется выручать Константинову тощую задницу впоследствии? Да и обратное тоже верно. Не обольщайтесь, что я тут пишу про настоящую мужскую дружбу. Не тут-то было. На каждый дружеский акт приходилось десять фактов изощренных обоюдных издевательств. Физическую силу, мы, правда, никогда не примеряли по отношению друг к другу. Но не потому, что не хотели. Мы бы и подрались, но я считал Константина дохляком и не хотел ни его самолюбию вредить, ни себя достоинства лишать, побивая его. Судя по всему, Константин так же ко мне относился.

Если говорить откровенно, зря я жалуясь на Константинов характер. В конце концов, это я ему свинью в мешке подбросил, посадил на синтезаторы. Есть основания полагать, что не будь их нашей жизни, то и мучений было бы поменьше. Но, это, конечно, спекулятивный вопрос. Тонкий.

Рубль

Сложно объяснить, в чем причина такой особенной любви к синтезаторам. Есть у меня одна мысль, почему я к ним так прикипел. Только не понятно, пойдет ли речь о причине, или о следствии того, что лежит изначально в моем характере.

Я гостил в Липецке летом у бабушки, когда девяностые годы не дошли до своего экватора. Мне тогда было девять лет, а двоюродному брату семь. То лето не помню досконально, так как давно это было. Помню некий набор фактов. Липецк еще не утратил атрибутов советского прошлого. Трамваи ходили бесплатные. Во дворах стояли гаражи, местами деревянные. По городу активно колесили горбатые «запорожцы», «москвичи», «волги» и «победы». Чекушка водки, как мне виделось, входила в комплекс понятий - «магарыч». Ларьки, конечно, уже везде стояли. В них можно было найти штампованных пластиковых зверо-роботов и прочие чудеса. По городу ходили аколиты Аум Синрике. Возродили православный храм, тот, что на спуске в Нижний Парк. Из него вынесли стенды с историческими фотографиями, чучела животных и тушки жуков в застекленных ящиках, сняли вывеску «краеведческий музей» и поставили на купол крест.

В кинотеатре шли «Ниндзя терминатор» и «Кошмар на улице вязов», причем афиши были исполнены все еще в советском стиле.

В магазин «Спорт» завезли углепластиковые удилица российского производства. Но перед магазином функционировал старый добрый стихийный рынок, где моя прабабушка еще до моего рождения продавала зелень с огорода.

Самые стойкие долгожительницы из ее подруг торговали там и в девяностых. Среди них была бабка в красном платке - Зинаида Агафьевна. Ни в коем случае не Агафоновна. Я спросил у бабушки, вправду ли людей в старые времена могли называть Агафий. На что бабушка произнесла, скорее себе под нос, чем в качестве пояснения: вопрос в том, был ли отец Зинаиды в полной мере человеком. Мы брали у бабки Зинаиды закваску для белого кваса. Моя бабушка всегда относилась к ней с неким осторожным пиететом. Дальняя родственница как-никак.

Моя бабушка работала педиатром, могла в любой момент выдать на латыни что-то соответствующее ситуации. По внешнему виду пациента она легко определяла, стоит ли заморачиваться с лечением. А Зинаида была, в некоем роде, идеологической предшественницей моей бабушки. Она знахарствовала и когда-то даже работала в старой советской аптеке. Она являла собой недостающее звено между деревенскими корневыми врачебными практиками и официальной школой советского здравоохранения. Талант у бабки Зинаиды был очевиден, она при-торговывала лучшим квасом в Липецке. И закваска, которая доставалась нам бесплатно, на правах родственников, тоже давала чудеснейшее пойло.

Липецкий квас, это не просто квас. Точнее сказать не Липецкий, а черноземный белый квас, так как Черноземье подразумевает целый ряд замечательнейших областей. Этот напиток только в профаническом понимании может считаться образчиком гастрономии, со странным, как ни поверни, вкусом. В полноте смыслов белый квас есть символ причастия к Родине. Ибо ингредиенты для него возвращены на родной земле, сам он сделан руками пращуров и восхвален черноземным логосом. И сделан он не просто руками предков, а из закваски - единой конгломерации микроорганизмов, колонии которых передаются от дома к дому многие сотни лет. Возможно даже тысячи. Симбиоз черноземца и дрожжей дает миру великих богатырей, искусных мастеров и больших мыслителей. А варка, распространение и питье кваса суть есть ритуал привязки к потаенной автохтонной, забытой, но не почившей традиции.

Вкус у пойла, конечно, еще тот. Всегда любил смотреть, как человек впервые его пробует. В своем гостеприимстве Липецк весьма неоднозначен, раз встречает своих гостей квасом и бюветом. Бювет из Нижнего Парка - серьезное испытание для неподготовленного человека.

Это вовсе не та водица, которую можно купить в пластиковых бутылках по всей стране. Натуральный бювет страшнее, но на нем я акцентироваться не буду.

Не могу раскрыть всех секретов белого мучного кваса. Но на правах представителя высокой черноземной культуры могу дать ключ к пониманию вкусовых качеств этого напитка. Сам он, в сыром виде, пресный, отдает метаболитами брожения и легче всего ассоциируется с жижей от квашеной капусты и с айраном. Раскрывается он в полной мере, если предварительно подсолённый, еще и сдобрен тертыми огурцом, укропом, редисом или хреном. Если в стакан разместить тертые овощи с солью, а потом залить их белым квасом, жидкость начинает пениться — происходит реакция царской тинктуры с дарами земли. Благодаря ей вскрываются потаенные грани вкуса. Эта реакция способствует алхимическому преобразению человека в липчанина.

В контексте алхимии, липецкий бювет соответствует «нигредо», квас - «альбедо». А про «рубедо» я могу рассказать только прошедшему посвящение обладателю достаточной духовной квалификации. Дело нешуточное, тут уже речь о высоких градусах посвящения. Прошу простить мне метафизически-кулинарный экскурс. Но говоря о Липецке, преступно не сказать и о квасе.

Возвращусь к описываемым мной временам. При протекции бабки Зинаиды, моя тетушка - матушка двоюродного брата, устроилась в то лето работать в аптеку администратором, в ту самую старую советскую аптеку, в которой Зинаида Агафьевна когда-то работала сама. Аптека располагалась недалеко от улицы Плеханова, где в хрущевке проживала моя бабушка, а я был расквартирован на летний период.

Здание аптеки представляло собой замечательный образчик советской архитектуры. Одноэтажное, полностью побеленное небольшое здание с толстыми стенами, колоннами, эркерами и арочными окнами. Нечто среднее между мавзолеем и античным храмом, вероятно Эскулапу. Меня всегда удивляла подобная архитектура, она намекала на определенную культурную принадлежность. Такая аптека лучше смотрелась хотя бы на побережье Крыма, на месте старых греческих колоний. Но в Липецке, среди лопухов и мальв, где во дворах еще куры бегали, там это здание создавало специфическую атмосферу. Представляя сейчас, как выглядело здание, я будто погружаюсь в атмосферу беллетристики девятнадцатого века. В литературе подобного толка эмпузы и ламии запросто путешествуют за главными героями с Корфу в русскую глубинку.

В этих эскулапных чертогах мы с братом проводили некоторое время, пока у тетушки были смены. На улице стояла жара, а в тени аптеки царила прохлада. Здание было ветхим, но очень опрятным, насквозь пропахшим сушеной ромашкой и полынью. Торговая зона ничего интересного собой не представляла. А вот подсобные помещения могли удивить. На склад, довольно небольшой, нас не допускали. А в комнату для сушки «сырья» - легко. «Сушка» - так, вроде бы, она и называлась. Просторная продуваемая комната со стеллажами. На натянутых между ними шнурках сушились пучки лекарственных растений, а на самих стеллажах лежали бумажные конверты, куда ссыпали измельченные части высушенного сырья. Конверты большие и из того рода бумаги, которую нынче называют крафтовой. Мы с братом при любом случае прибирали к рукам каждый бесхозный конверт.

Любой житель Липецка мог собрать ромашку, цикорий или полынь, принести их в аптеку и получить за это некоторую копеечку. Насколько я помню, тетя никогда не занималась приемкой сырья и заготовками, для этого был выделен отдельный сотрудник. Аптека могла похвастаться специализированным помещением для нарезки и фасовки сырья. В небольшой чистой комнате стоял железный стол с ручным резчиком. Мы с братом много времени провели возле него примеривая, как мог бы быть отрезан таким ножом палец. Кроме туалета, воду провели в отдельную комнату с несколькими широкими и глубокими раковинами. Мне ее очень хочется назвать «помывочной», уверен, что именно так ее называли. Хотя слова такого вроде бы и нет.

А рядом с «помывочной» находилась еще одна комната. Маленькое окошко-форточка выходила оттуда в «помывочную». Дверь в комнату была замурована и довольно халтурно заштукатурена.

Если бы я писал кондовый «weird fiction», то рассказал бы, что в плане здания комната не значилась, что углы у нее были неестественны, а умозрительная геометрия - «неправильная». До сих пор не могу понять, что значит «неправильная» геометрия. Но плана я не видел. Мы с братом об этой комнате не догадывались, пока к нам не заглянула в один день бабка Зинаида.

Заглянула она, собственно, подменить тетушку, по ее же просьбе. Мы с братом ошивались в аптеке на свободном выпасе. Были уже относительно взрослые, могли уйти в магазин или к бабушке на пол дня. До бабушки было всего три минуты ходьбы пешком. В тот памятный день мы предпочли остаться в аптеке, понаблюдать Зинаиду Агафьевну. Бабка Зинаида интересная была личность, несколько с прабабушкой ассоциирующаяся. Выглядела она как сухонькая старушка со сморщенным светлым лицом, аккуратная, в юбке бордовой и кардигане. Глаза у нее были не пронзительные, не колючие, но очень осмысленные. Эпитет может показаться неудачным, но он точно выражает впечатление от ее взгляда. Если внешний вид у бабки был хрестоматийно деревенский, и говор деревенский, то взгляд, не иначе как у самого Хайдеггера. Бабка Зинаида смотрела определенно дальше бытия и времени. Характером она была не то, чтобы доброжелательная, скорее ненапряжно безразличная. Искренне люблю таких людей. От них никогда не бывает много хлопот. Тем более мне странным казалось, что люди ее или побаивались, или, как моя бабушка, сохраняли почтительную дистанцию. По неявным намекам бабушки, я, будучи весьма смышленным, понял, что за Зинаидой Агафьевной с давних времен закрепилась репутация натуральной ведьмы. В то же время, она не была замечена среди кликуш, которые визжали и катались по полу храма во время исполнения значимых молитв. Выглядела старушка вполне респектабельно. Если и не числилась серым кардиналом Студенок, то значимой фигурой, точно. А Студенки - не самый маленький район Липецка.

Мы с братом в тот день сидели в комнате с резаком и читали что-то, болтали - скучали. Очень сложно имитировать корневую липецкую речь в печатном виде, у меня не получится сделать это в полной мере. Но придется попробовать. Бабка Зинаида заглянула к нам и сухоньким голоском прошелестела:

— Милки, подсобили бы.

Она поманила рукой. Мы встрепенулись, повскакивали со стульев и посеменили за ней в «помывочную». Она показала на форточку в замурованной комнате и попросила:

— Слазали б за книгой моей поваренной. Замуровала в кладовой, номенклатура, а я и запамятовала. В долгу не останусь. Табаретку тока держити крепка.

Нам с братом только и нужен был повод, чтобы куда-то залезть. А тут еще и санкционировано. Я был повыше брата, худой, легкий. Деревья меня выдерживали. Да и с форточками опыт был, на спор залезал. Мы принесли стол, на него взгромоздили табуретку. Я бы и так залез, но с такой конструкцией, плевое дело. А вот про то, что в комнате темень кромешная, про это мы и не подумали. Пришлось дойти до моей бабушки и взять фонарик.

Дураком я никогда не был, поэтому прежде чем лезть в форточку, посветил фонарем и все внимательно рассмотрел. Комнатка мелкая, четыре на три метра, почти пустая. Пол в пыли, тазик эмалированный валяется на полу. Комод стоит. Вот это удачно, без него вылезти обратно не удалось бы.

Я подтянулся, одну ногу крюком пустил в проем форточки, вторую завел следом. Чуть протолкнул их поглубже. Перевернулся на пузо, зацепившись руками за низ оконного проема и тихонько стал заваливаться вовнутрь. Дальше плечи протиснул. Голова нормально прошла. Повис на руках, спрыгнул. Все, я внутри. Достал фонарик, посветил. Комод крепкий, выдержит. Открыл ящики, а там практически пусто. В верхнем ящике тетрадка: нехитрая советская бухгалтерия. Во втором ящике я нашел книгу. Старая, еще с «ятями», пожелтевшая вся.

Травки нарисованы, календари со значками разными. Схемки-кружочки интересные. Мало я в них понимал тогда, но картинки красивые. Тетенька и дяденька голые, но «по гречески», так, что и мне, мальцу, скучно рассматривать. Точки подписаны на руках, ногах, голове. На иностранном языке. Не буду врать, что я много языков тогда знал. Так что скажу, что подписи были либо на немецком, либо на латыни. Я слегка полистал книгу в свете фонарика. Кроме рисунков дяди с тетей, трав да схем кишок, мне еще понравилась френологическая голова и старик в покрывале, который в одной руке держал решетчатый глобус, а другой показывал на луну и солнце. Солнце сверху, луна снизу.

Я, не без труда, передвинул комод под форточку. Это было непросто: руки обе нужны, фонарик зубами зажимать неприятно, все в пыли. Знатно я грязи наелся. Да и старый советский комод не чета современным. Из массива дерева, тяжелый. Пока двигал, с пола пыль поднял. На полу обнаружили нарисованные мелом круги. Почти во всю комнату. Один в другом. Круги были рассечены линиями, между ними надписи. Скорее всего, это тоже латынь была. Передвигая комодом я, конечно, половину этого художества стер.

На всякий случай заглянул и в третий ящик, там лежали пару упаковок соли. На полу ее тоже было предостаточно. Будто специально сыпали. Напоследок я на стены посветил. Но на стенах ничего не было. Только в одной из них - дверной проем, заложённый кривой кирпичной кладкой, а на нем углем намалеван крест в круге.

Я влез на комод, передал брату книгу через форточку. Далее сам вылез тем же методом, каким и забирался. Без стула было сложнее, локти с коленками ободрал. Но это привычные сопутствующие потери для юнца.

Бабка Зинаида была счастлива. Улыбалась. Спросила меня с наигранной строгостью:

— Поди глядел книгу?

Я ответил без смущения:

— Конечно!

Ну и как тут ругаться? Она только рукой махнула.

Через пару дней Зинаида Агафьевна вернулась. Тетя была занята бухгалтерией, и особого внимания на посетительницу не обратила.

Бабка Зинаида преподнесла нам по старому советскому рублю, мне сказала:

— Табе рупь за хлопоты, — а брату сказала: — табе рупь за тайну.

Мы были, в целом, вежливыми детьми. Начали пищать: «да ладно вам, да зачем, дел на минуту». Но бабка строго отрезала:

— Чтобы рецептура работала, надо честь по чести труд оплатить. Магарыч получил - дух книжный от себя отвел. И на мене греха нет. Рупь свой берегити.

Мы рассматривали свой первый заработок. Рубли советские, с профилем Ленина. Не сразу, брат обнаружил, что звезды на рублях перевернуты. Такой, получается, курьезный дефект. Значения особого мы этому не придали. Куда брат дел свой рубль, я не знаю. Он не помнит о нем ничего, будто и вовсе не было аптеки и бабки Зинаиды. Это его стандартная отповедь по поводу моих сочинений: память у него плохая, поэтому я могу врать с три короба, он все равно не вспомнит, что было вправду, а что я сочинил.

В один момент ничего значимого не происходит, добротная история созревает за год. А эта аж на три года растянулась. Мне было уже двенадцать, серьезный возраст. На все лето, я, как водится, опять приехал в Липецк. Стоял добротный жаркий июнь. Градусов тридцать на солнце в полдень, и хорошо, если восемнадцать ночью.

Мой неразменный «рупь» валялся забытый в армейском металлическом сундучке деда, который я экспроприировал у него ранее. Я уже недели три гостил у бабушки в хрущевке на «Плехановке». День проводил у брата в старом частном деревенском секторе города, а вечерами уделял внимание библиотеке бабушки. Это была самая замечательная советская «всемирная библиотека». В то время зацепил меня «Упырь» Толстого, а после него и святочные

рассказы и мистическая беллетристика рубежей девятнадцатого и двадцатого века. Не могу ручаться за то, что я стал бы читать все это, если бы проводил лето дома с доступом к компьютеру. Но, за неимением лучшего досуга, я проводил вечера с книгами и не без доли романтики.

А летний Липецк хорош именно ночной своей романтикой. Как бы вам его описать правильно. Начну с того, что Липецк по сути своей, брат Петербурга по отцу. Они совсем не похожи, но все же братья. Не даром липецкий Нижний Парк - то еще болото. Была совершенно специфическая старина в городе. Ветхость, где через металлургию и колхоз проглядывали уезд и губерния. Липецкая ночь вскрывает слои этой ветхости, выпускает многое то, что прячется в тени чердаков, подвалов, под насыпями дорог и в монастырских катакомбах. Ночью город затихал, точнее наоборот, затихали люди, а город просыпался. Проявлял себя в скрипах, шелестах, криках ночных птиц, которых никогда не обнаружишь в крупном мегаполисе. Так было в те времена, пока рыночная экономика и ремонтные работы нулевых не задушили необыкновенную атмосферу.

Ставни летом открыты, тополя отбрасывают тени листвы на стены и потолок. Фонари ниже уровня окон четвертого этажа. Тени эти еще и отражаются в зеркалах комода. А я смотрю в зеркала ночью и боюсь своего отражения. И мне бы не стоит смотреть, а я все пялюсь и пялюсь. И думаю, читает ли «он», когда читаю я? Или, когда я отворачиваюсь, «он» смотрит на меня и улыбается? От таких мыслей жутковато становится.

Если потушить свет, то видно, что листва колыхнется, на стенах и потолке идет постоянное движение теней разной плотности. Машин на улице почти нет, очень редко проезжает троллейбус и выпускает запоздалых пассажиров на остановке чуть влево от балкона. Если пьяная компания проходит под окнами, их шаги и разговор отчетливо слышны в течение минут пяти. Особенный опыт, это когда глубокой ночью в нескольких километрах от дома по железной дороге пронесится поезд. Лежа в кровати можно почувствовать, как колеса стучат на стыках рельс: «ту-ту, ту-ту, ту-ту».

Как можно спать в летнем Липецке? Это приступление против природы и красоты. Прямая и неукоснительная обязанность юного липчанина - свидетельствовать величие ночной поры черноземного края, порой даже несколько разнужданное и неаккуратное в своем плодородии. Чернозем порождает массу зелени и многообразие ползающих, бегающих и летающих тварей. Так же и фертильная ночная черноземная тьма плодоносит гротескными образами, удивительными фантазмагориями. Тьма буквально истекает довольно-таки спорными, а местами и откровенно раблезианскими фантазиями. Плехановская тьма девяностых - рай для полуночника. Лучшее место и время, чтобы читать книгу, включив настольную лампу, или стоять на балконе, смотря как пролетают мимо летучие мыши и тяжелые бражники кружат под фонарями. В отличие от подмосковного леса, в Липецке действительно много летучих мышей. А бражники там уже по южному тучны. Это вам не утонченное дыхание романтизма на ладан, а полнокровный уездный сивушный декаданс.

Я лежал на кровати. Всего лишь полночь, сна ни в одном глазу. Настольная лампа освещала строчки:

«Когда Жар-Цвет цветет, то ночь бывает яснее дня и море колыхается. С громом раскрывается почка папоротника и распускается золотым цветком или красным, кровавым пламенем, но в тот же миг увядает, листочки его осыпаются и бывают расхвачаны нечистыми духами...»

Приятно было представлять подобные чудеса, но я поглядывал на часы.

«...Огненный Цвет, указуя владельцу своему глубочайшие золотые месторождения, открывает ему не только возможность обогатиться больше всех земных владык, но и найти великую тайну победы над смертью. Владая Огненным Цветом, легко достать из земли жизненные волокна...»

Настало время идти на балкон. На цыпочках, чтобы не разбудить бабушку, я прошел на кухню, налил в стакан квас, так же тихо проскользнул на балкон и закрыл за собой дверь. Заступил, так сказать, на пост.

Ждал я долго, но вот по дороге слева показался троллейбус. На остановке вышли две пары: женщины одеты в вечерние платья, мужчины в костюмы. Точно не помню, но все выглядели относительно прилично, для того времени. Одна пара скрылась за углом. Другая - молодой человек с девушкой, остались стоять, будто чего-то ждали. Ждал и я.

Собственно, в этом и заключалась моя ночная служба. Люди ехали с театрального представления. И каждый раз случалась одна и та же история. Женщины выходили на единственной остановке на маршруте, которая могла похвастаться густой зеленью, и шли справлять нужду прямо под наш балкон. Я это воспринимал как вызов. Я очень не любил театр, так как меня заставляли туда ходить, да еще в самой нелюбимой моей одежке. Кроме того, на одном из таких представлений я увидел престарелого Леля в обтягивающем трико. На меня это произвело удручающее впечатление. Сам факт орошения газона под балконом меня оскорблял не сильно. На это можно было бы закрыть глаза, если бы дело не касалось театралов.

Как только любительница театра присаживалась у меня под балконом, я поливал ее тонкой струйкой кваса. Заметить меня сверху было сложно, фонари слепили с дороги. Тем более, я неоднократно проверял, как выглядит наш балкон снизу, и как лучше спрятаться, чтобы меня не было видно. Полив оказывал значительный эффект. Девушки понимали, что занимаются делом неловким, и не хотели быть обнаруженными. Поэтому они давили крик, неловко дергались, суетились, иногда улепетывали, подтягивая белье на ходу. Они никогда не смотрели наверх. Сопровождающие их молодые люди так же терялись от неожиданности. Меня ни разу никто не поймал. Я специально не использовал воду, надеялся, что пятна от мучного кваса на черных вечерних платьях озадачат мои жертвы.

Развлекался я подобным образом раз в неделю, пока идет летний театральный сезон. В этот раз молодой человек просто посадил девушку в такси и ушел. Ну и ладно, еще минут пятнадцать постою, для очистки совести, и можно оставить пост. Я решил подготовить себя ко сну прослушиванием тяжелого португальского фадо и достал из кармана плеер. Минут десять предавался блаженной меланхолии, пока сквозь привычные рифы не услышал в голове странный голос. Глухой, не иначе, как из могилы. Некто шептал зауспокойную молитву.

Я не большой любитель голосов в голове, читающих зауспокойные молитвы. Читать - пожалуйста, но в отведенных для этого местах. Я был исключительно против того, чтобы молитвы за упокой читали в моей голове незнакомые голоса. Напрягся я серьезно, подумал, что это тревожный звоночек. Оценил свое состояние: вроде спокойный, страх еще не успел проникнуть внутрь. Он пока еще только зрел в стадии напряженной озабоченности. Я оценил свое поведение за последние недели - оно было нормальным. Тем хуже, так как если не было явных проявлений какой-либо симптоматики, то голос этот - явление из ряда вон выходящее. Надо готовиться к гипотетической возможности серьезного моего помешательства. Точнее не помешательства, а откровенного сумасшествия. Я как раз подросток почти - гормональная перестройка идет во всю. Меня успокоило только то, что психи, по слухам, сами себя психами не называют. А я уже себе диагноз успел придумать.

Что делает нормальный ребенок в подобных ситуациях? Бежит к мамке. Я решил так и поступить. План готов, можно было идти спать. На свое удивление я быстро заснул.

А на следующий день я попросил бабушку позвонить маме в Подмосковье. Мать выслушала меня спокойно, выдержала паузу и излишне успокоительным, для таких историй, тоном произнесла:

— Дим, не бойся, ничего страшного не происходит.

Она начала повторять мой же тезис о гормональной перестройке и перешла к вопросам дисциплины, когда я почувствовал неладное:

— Дим, ты должен осознать сейчас, что твое полуношничество не может не способствовать...

— Мам, ты, серьезно?

— А как, ты думал, подобное начинается?

— Я вообще не думал.

— А должен бы...

Голос у матери сорвался в довольное хихиканье, а уже через секунду в хохот.

— Так, это что? — призвал я матушку к порядку.

— Ты, когда в следующий раз услышишь на балконе голос в голове, посмотри вниз наискосок. У меня в детстве так же было. Не сразу сообразила, что это сосед бормочет.

На заднем фоне с обратного конца трубки я услышал хохот отца. Ох мама... поиздевалась вдоволь. Я вспомнил - на третьем этаже справа от нас жил старичок с психическим расстройством. Я его видел днем во дворе, он выглядел спокойным и бубнил себе тихонечко что-то под нос.

Но всю мою голову занимала другая мысль: оказывается не только я могу издеваться над родителями, но и они надо мной. Я было хотел картинно обидеться, но мать так талантливо меня развела, что это вызвало у меня уважительное восхищение.

Мама словно подслушала мои мысли и добавила:

— Ты представь, как мне было в твоём возрасте, мне же никто не подсказал, что дело в соседке. Не сразу его вычислила.

На следующую ночь я не ожидал театралов под окнами, уже усвоил, что два дня подряд они не атакуют кусты за остановкой.

Помню, я почувствовал терпкий папиросный дым через открытое окно, когда читал строки:

«...но достать Огненный Цвет удастся едва ли одному человеку в столетие; ибо, не считая естественных препятствий к его добыванию и крайней редкости самого растения, оно охраняется неусыпною ревностью злых духов, всегда враждебных человеку и закрывающих для него двери благополучия. Так как злые духи сами не могут, по божественному милосердию, касаться Огненного Цвета, разящего их, как молнией, если он не был еще в руках человеческих, то, когда искатель подступает к таинственному растению, бесовская сила окружает его со всех сторон, и допустив человека сорвать цветок, затем стращает его зрелищем всяким чудовищ, пока человек от ужаса не умрет или не выронит драгоценного цветка, пламенеющего в руке его...»

Должно быть бормочущий сосед покурить вышел. Надо проверить. Я высунулся в окно. Действительно, темный силуэт и огонек сигареты у головы, голос бормочет:

— «О» - два, «П» - четыре, «О» - два, «П» - четыре.

Что бы это ни значило, молитвой за упокой оно уже не казалось. Но голос тот же, что я слышал накануне. Видно мой мозг сам достраивал впечатления под мрачнейший из расхожих сюжетов.

Мужик бормотал всего лишь набор букв и цифр:

— «А» - пять, «О» - два, «П» - четыре, «П» - четыре, «И» - один, «Н» - шесть, «И» - один, «Н» - шесть.

Счастливый, от того, что инцидент исчерпан, я побежал спать. Утром проснулся еще позже обычного. Мать права, с этими ночными чтениями, режим совсем пополз. Весь день мы с братом играли в денди у него дома. Пришел я поздно, пообедал и снова за книгу. Намеревался читать, пока будут силы. Было уже за два часа ночи. Я услышал странные звуки с улицы, когда читал следующие строки:

«...сорвавши цветок, надо сжать его в руке крепко-накрепко и бежать домой без оглядки; если оглянешься – весь труд пропал: цветок исчезнет. Ну, если не больше того – не весьма же изобретательна в страхах и ужасах нечистая сила...»

Где-то за окном словно бы пели сотни голосов. Голоса сливались в один хор, тихо-тихо, на грани слышимости. Этаким ангельский хорал. Но он не производил впечатление церковного хора. Он навевал дремучую тоску. А сквозь тоску ощущалось нечто необыкновенное и чистое. В голову прокрадывались странные доисторические, смутно знакомые образы. Меня манило выйти на свежий воздух. Я потушил свет, и медленно и торжественно побрел на балкон.

Сначала я ничего примечательного не видел, но тут справа на дороге заметил яркое пятно. Прямо по разделительной полосе шла в сторону остановки Зинаида Агафьевна. Я подавил в себе желание ее окрикнуть, все таки ночь на дворе. Пригляделся и понял, с ней что-то не так. Она была выше, чем я ее видел последний раз. Фигура изменилась, осанистее стала. Она не шла, а парила в сантиметрах тридцати над землей. Несмотря на то, что нам разделяли метров тридцать, если не все пятьдесят, бабка Зинаида будто почувствовала мой порыв и посмотрела мне прямо в глаза. Хотя я доподлинно знаю, что заметить меня на балконе четвертого этажа сквозь кроны тополей с дороги было крайне сложно. Бабка Зинаида словно заранее знала, что я выйду на балкон. Я мог бы поклясться, что в глазах ее плясали тусклые синие огоньки, какие бывают, если поджечь лужицу спирта.

Зинаида Агафьевна парила по дороге не отворачивая от меня головы ни на секунду. Не доплыв до остановки десятков метров, она плавно повернула к моему балкону, пролетела пешеходную дорожку и направилась к живой изгороди. Кусты сами расступились перед ней чудеснейшим образом. Через пару секунд бабка Зинаида оказалась прямо под балконом.

Я остолбенел. У меня ярко выражен рефлекс «бей или беги». Но тут я будто оцепенел и не мог двинуться, словно мне на плечи положили тяжелые чугунные руки, да с острыми когтями, или зубами змеиными, через которые в кровь впрыснули наркоз.

Между тем, Зинаида Агафьевна медленно поднималась вверх, влекомая незримой неведомой силой. Литературные описания страшного обычно опускают самую важную деталь. Человека может обуять насколько угодно сильный ужас, но захватывает он только один участок мозга. Другой продолжает думать и анализировать. Сознание внутри меня металось, как мартышка по клетке. В это же время, довольный внутренний аналитик думал о том, что свидетельствует тайну. Думал, что сила, поддерживающая бабку Зинаиду в воздухе, велика, возможно не в полной мере ей самой принадлежит. Корни этой силы уходят вглубь веков, они не опосредованы научной мыслью, казуальностью и номинализмом. Аналитик думал, что замкнутый наш шар из глины, о котором мы знаем все, за пределы которого не выйти, который заставляет нас вечно возвращаться, может вовсе и не ограничен. Компактность земли - фикция. Дамоклов меч замкнутости и ограниченности над всеми нами не висит. На бумаге эта идея особого впечатления не производит. Но будучи подкрепленной феноменами, меняет некоторые взгляды. За страхом было свидетельство существования совершенно другого мира, живущего по своим правилам, более плотного и настоящего. Там каждое слово имело тяжесть и одно к другому притягивалось или отталкивалось. По солнечному лучу можно было путешествовать. Там все было живое, точнее сами понятия «живости» или «неживости» лишались смысла.

Истеричная мартышка внутри меня, похоже, отключилась и пребывала в обмороке. Как мало надо, чтобы сойти с ума. Всего лишь одна летающая старушка. А она уже парила в паре метров передо мной. Старушкой Зинаиду Агафьевну уже сложно было назвать. Она преобразилась самым драматическим образом. Не то, чтобы помолодела, просто возрастную оценку уже нельзя было применить к женщине неопределенного возраста. Красивая, волосы льняные, взгляд чуть усталый, но спокойный. И огоньки в глазах сине-зеленоватые, как светлячки.

Аналитик внутри меня продумывал, как мне завтра говорить с матерью на счет посещения психиатра. После такого, мне точно надо задуматься о своем здоровье. Если все со мной

в порядке, то парадигму отношения к миру придется менять. Зинаида Агафьевна приоткрыла рот. Она не говорила, просто открыла рот, а я слышал голоса. Будто две помолодевших Зины Агафьевны синхронно шептали мне в уши слова, стоя вплотную, слева и справа. Меня совершенно неуместным образом насмешил тот факт, что вчера я переживал из-за голоса в голове, который оказалось легко объяснить. А теперь я слушаю то, что объяснить нормальным образом никак нельзя, но, будто бы уже и не переживаю.

«Не бойсь, мамке ниче не говори, никому не говори. Слушай тиха, мотай на ус. Рупь, что я тебе дала - неразменный. Мудро с ним обходися. Про нега молчи, а то уйдет».

Я начал вспоминать, где же мой рубль заветный, надо в кладовке покопаться. Бабка продолжала:

«Слушай и запоминай мое тебе наследство, как троюродивому внуку. Окромя тебе никто квас варить не сподобится».

Тут Зинаида Агафьевна поведала мне секрет своего мучного кваса. Его я разглашать не буду, достанется он только моим наследникам.

Бабка Зинаида заметно потеряла в плотности, пока говорила. Она стала полупрозрачной и поднималась уже выше балкона на целый метр. Близился, судя по всему, конец нашего разговора.

«Подруга твоя с Ниженки тебе привет шлет. Говорит - старших чти и помни ея. И меня добрым словом помянай. Плетеносца не гневи».

Должно быть Зинаида Агафьевна совсем растворилась в воздухе или улетела в высь в светлеющее небо. А я так и стоял на балконе. Из оцепенения меня вывел голос соседа, шепчущий:

1

— «В» - один, три; «О» - четыре; «И» - два; «В» - один, три; «О» - четыре; «И» - два.

Оказалось, что подобная феерия здорово уматывает. Я еле стоял на ногах, добрал до кровати и повалился на нее нисколько не заботясь о грохоте, о том чтобы снять одежду и забраться под одеяло.

Уже засыпая я подумал о дальней родственнице с Ниженки. Когда мне было лет пять, она за мной приглядывала и учила ловить вьюнов. Вспомнил подругу детства и взгрустнул. Где она сейчас? Я почувствовал себя старым и оторванным от каких-то чайний детства. То ли еще будет... дурачок.

Наутро я встал будто с похмелья, хотя я еще не знал, каково это. Казалось, ночные приключения отделились в сознании на задний план, будто происходили десятки лет назад. Я посчитал себя нездоровым, но все же поехал с бабушкой на рынок, чтобы помочь с сумками.

В мясном отделе мы повстречали бабушкину знакомую со Студенок. Я вполуха слушал их беседу и в один момент встrepенулся. Оказалось, что Зинаида Агафьевна этой ночью почила с миром. На улице, где стоял ее деревенский дом, всю ночь выли собаки, блажили как безумные. Одна соседка видела, как в трубу влетела шаровая молния. Другая говорила, что бабка Зинаида не спала, до рассвета в окнах мигали огни разными цветами. Кто-то из пятиэтажки, окна которой выходили на частный сектор, уверял, что на крыше дома Зинаиды Агафьевны скакали странные тени - худые и в лохмотьях. Утром же оказалось, что бабка Зинаида отошла в мир иной.

Эту информацию я воспринял стоически, понял, что маме по поводу психиатра можно уже и не звонить. В голове у меня началась смена мировоззрения, которая длилась некоторое время, возможно года, словно алхимический процесс - то затихая, то проявляясь сильнее.

Рубль неразменный я нашел быстро, сам же его спрятал пару лет назад в армейский сундук деда. Но более него меня занимала мелодия, которую пели голоса той ночью. Она меня заморозила, никуда не желала деваться из головы. Я ею бредил. Она стойко ассоциировалась

у меня с каким-то доисторическим светом, потерянным раем, миром до некой катастрофы. Хотя, если спросить у меня, что это за катастрофа была, ответить не смогу.

Я очень хотел эту мелодию чувствовать всеми способами, не только в голове, а ушами, пальцами, хотел проглотить ее, ассимилировать. Хотел «разместить» ее в себе, внутри, чтобы она стала неотъемлемой моей частью. Я попробовал играть ее на ученической гитаре, которую надоумили приобрести в музыкальной школе, но мелодия не звучала.

Поэтому я и купил на блошином рынке детский синтезатор «Соловушка», отдал за него как раз неразменный свой рубль. Как я увидел красный корпус «Соловухи», так сразу и понял - надо пустить в ход неразменный мой «рупь». А что я мог бы на эту монетку еще купить? В ходу уже совсем другие деньги были.

«Соловушка» - довольно топорный инструмент для двенадцатилетних, но больно он мне приглянулся. И мелодия на нем зазвучала. Но мелодия и так сформировалась уже достаточно, чтобы я порадовался. Прошло еще десяток лет, и я стал использовать эту мелодию в каждом своем проекте.

«Соловухи» у меня уже давно и нет, потерял. А мелодия с той поры всегда со мной. Простая донельзя - всего пяток нот. Когда я приобрел свой первый аналоговый синтезатор, то после распаковки сразу проиграл на нем ту мелодию.

Что же касается рубля, он был со мной очень долго. Еще будучи ребенком, я сообразил, что вещь полезная, даже если на него ничего путного и не купить. Я стрелял им из рогатки. Показывал фокусы разные. Как медиатор использовал, когда терял нормальные. Да и подросток когда, пускал в ход вместо жетонов метро, пока те были в обороте. В качестве штрафа за мат в офисе рубль подходил очень кстати. Идеальное воздаяние офисным ужимкам. В фонтаны кидал. Мне это особенно нравилось. Люди кидают монетки в фонтаны, чтобы вернуться, а я редко когда хочу куда-то вернуться, кроме дома. Поэтому оставлять в фонтане неразменный пятак казалось мне очень забавным. С фокусами я завязал, когда в какой-то компании напугал своим неразменным рублем одну девушку. Она просекла, что дело не в ловкости рук, и устроила истерику. Благо я, впоследствии, мог спокойно сослаться на то, что все были в некотором подпитии. Механика работы с рублем была проста: стоило отправить его в какое-либо путешествие и забыть о нем, вскорости «рупь» уже можно было обнаружить в кармане, например, штанов. Потерял я его при обстоятельствах, которые непосредственно касаются моего повествования.

Даже сейчас, когда неразменный рубль канул в Лету, я, в некотором роде, все равно его использую. Мне очень весело рассказывать про него, потому что «рупь» мой являет собой, с одной стороны, совершеннейшее чудо, которое надо хранить в секрете. С другой стороны, я точно знаю, что никто мне не поверит. Получается, я спокойно предаю огласке вот такой лютый оккультный секрет. Я вижу в этом прекрасное хулиганство и обратную мистификацию.

Синитез

Вне зависимости от того памятного случая, понять, в чем причина особенной любви к синтезаторам, довольно сложно. Хотя красная пластиковая «соловушка» и радовала меня некоторое время, она потерялась, а я сильно и не горевал. Не ассоциировал ее с миром синтеза, так как еще и о мире синтеза не знал ровным счетом ничего. В пещерных девяностых эстрада и электронная попса взрастили некоторое слепое пятно на синтетическое звучание. Клубная музыка настолько не интересовала, что даже не вызывала отторжения, как некий бытовой шум. Апологеты клубной электроники воспринимались не более, чем персонажи рекламы или известные спортсмены, за ними не наблюдалось ни силы, ни культуры. Мы знали про берлинскую и дюссельдорфскую школы электронной музыки, но обращались к ним исключительно в общеобразовательных целях. Не было предмета концентрации смысла - синтезатора.

Началось все невинно, мы с Константином слушали разное, в том числе и металл. С металлом в нашу жизнь проник и «данжсинт». Самый одновременно недооцененный и переоцененный стиль электронной музыки. Учитывая неуживчивые характеры, опыт музицирования в группе был сопряжен с идеологическими конфликтами. Мы с Константином не могли играть вместе в принципе, даже ругаться было бессмысленно. У обоих главное кредо жизни было следующее: хочешь делать хоть как-то, делай это сам. Тогда и затесалась в голову мысль, что играть с людьми крайне хлопотно. Делать же в одно рыло всякую обскурантскую электронику - вполне себе почетно.

Недолго мы мучали убогие цифровые музыкальные технологии, всего пару лет. Подобные практики все еще оставались для нас с Константином не более, чем приятным развлечением. И все же мы начитывали музыкальные форумы и открывали для себя тематические барахолки музыкального оборудования. Время для аналогового синтеза шло золотое - середина нулевых. Аналоговые синтезаторы были никому не нужны. Тогда ценились цифровые машины с тысяча одним патчем на все случаи жизни. Диджей уже начал лютовать в столице. Аналог стоил копейки.

Институт был позади, работа начала приносить некоторые доходы. Я прикупил себе первый аналоговый синтезатор в году две тысячи седьмом. Это был Korg MS 10. До сих пор нежно люблю эту модель. В тяжелое время пришлось его продать, но я купил такой же позднее, а потом продал и его. Странное дело, до сих пор считаю этот синтезатор идеальным для большинства моих целей, но играю на других. Почему? Может потому, что с MS 10 у меня и так все в порядке. Я могу бесконечно слушать его перегруженный рев, и больше мне ничего не надо, даже MS 20, разумеется я говорю о винтажной версии. Один раз я собрал себе MS 10 и 20, был счастлив, играл месяц и вскорости со слезами продал. Ибо нечего человеку реализовывать заветную мечту, он не знает потом, что с нею делать. С другими же синтезаторами сохраняется некая интрига. И их потом легче оторвать от сердца, когда вожжа под хвост попадет что-то поменять. Мы называем эту вожжу — GAS (gear addict syndrome), благородная вполне болезнь.

Помню как купил MS 10. Нашел на барахолке очень дешево, четырнадцать тысяч рублей. Договорился с продавцом и после работы рванул в Москву по пробкам. Ноябрь шел, неуютный и снежный. Продавали аппарат на Ленинском Проспекте. Проспект всегда продувается по особому злу. Чувствовал я себя в холодном пальтишке на этом ветру крайне неуютно. Продавца не помню совсем. Помню, что болтали с ним полчаса. Его внешность для меня давно слилась с сотней других продавцов и покупателей музыкального оборудования. Да и аппарат я тогда толком не услышал, понял только, что он рабочий. А MS 10 килограмм семь весит и формфактор у него не самый удобный для переноски. Запаковали мы с продавцом синтезатор в «два пакета». Это когда с одного края натягиваешь продуктовый пакет на одну половину синтезатора, с другой стороны внахлест надеваешь второй пакет. Эта конструкция обычно

фиксируется кое-как скотчем и несется потом в руках. Провод всегда выскакивает и неудобно свисает из неожиданной дырки в промерзшем полиэтилене. В тот раз я впервые метод «два пакета» опробовал. Невеликое удовольствие - тащить в объятиях угловатый MS по ветреному проспекту, в метро с ним как-то кантоваться, объяснять работникам метрополитена, что эта груда железа не взорвется. Уже не говоря о том, чтобы ждать маршрутку на Щелковском автовокзале, в ней с железным гробом на коленках трястись в тесноте и холоде.

Добрел я в тот раз до дома, наплевал на совет продавца - дать синтезатору нагреться. Включил аппарат, нажал клавишу, повернул потенциометр частоты фильтра, исполненный из старого пластика, какой в ходу был в конце семидесятых, и пропал. Сразу понял, что это на всю жизнь. Конечно, я продемонстрировал покупку Константину. Тот был в восторге. Сам вскорости заимел себе аналог. Заранее было очевидно, что он на это дело подсядет - душила же. Аналоговый синтез заполнил идеологическую пустоту возникшую на том месте, где должны были, в теории, править бал популистские идеи.

Чем нас покорила аналоговый синтез? Будучи молодым, я попытаться бы описать свой опыт в восторженных эпитетах. Сейчас же я «предметную область восторженных эпитетов» описывал бы как нечто похожее на то, как ведет себя фильтр MS-10 на резонансе. Но слишком романтизировать синтез не буду. Потому и пишу про него сухо и понемногу. Суше, чем в голове у меня звучит. Никогда не доверял всяким прозелитам и амбассадорам. Прозелитизм всегда говорит об ущербности идеи, ведь если идею надо непременно популяризировать, то она несамостоятельна и слаба. Тем более я не хочу приумножать сонм любителей синтезаторов. Редких аппаратов на всех не хватит. Поэтому долго носиться тут с синтезом не буду, не более одной главы. И то, по совершенно бытовым причинам - добрать объем текста, да создать флер некоего экзотизма, который позволит мне занять свою нишу в беллетристике. Так что потерпите одну главу, больше про синтез вы почти и не услышите.

Как бы объяснить, в чем вся соль синтезатора? Не так, как принято во всякой музыкальной «псевдокультуре», а человеческим языком, без эпитетов «жирный», «кислотное», «текстуры», «пульсации». Вся эта немощь и так уже достаточно представлена в пресс релизах проектов и групп. Музыкальная журналистика скончалась и лежит без дела, полуистлевшая, раскинув ноги, подобно девке площадной. А из-за куста, все в коросте, косят на нее злые свои зрачки «личный брендинг» и «продвижение».

Попробую описать адекватно, хотя, без сносок вникнуть в эту главу будет хлопотно, но таково ограничение черновиков. Цифровой синтезатор, который пылится на шкафу, который огульно называют «фоно», который вроде как поможет научиться играть на пианино - это, в целом, неплохо. Но по большей части, не более чем некий специфический рыночный феномен. Цифровых синтезаторов много, они разные, не только те, что со шкафа. И все неплохо, для своих нужд. Есть и замечательнейшие. Но сердце и основа синтеза лежат в аналоговых синтезаторах. Что значит «аналоговые»? Это те машинки, в которых честные электроны снуют по транзисторам, резисторам и конденсаторам. Им там холодно, или тепло. Иной аппарат теряет строй, даже если вы просто открыли форточку. На аналоге никогда в точности нельзя повторить одну и ту же партию. Там нет ситуации, что электрон окопался в некоем малюсеньком транзисторе и поворачивается к вам либо передом, либо задом, что считывается как сугубо единичка или нолик. Там все гладко, непрерывно - есть топология. И вся культура синтезаторная из аналога выросла, так или иначе.

Синтезатор начинается с осциллятора, того, что, собственно, и жужжит. Это, по сути, жук в спичечном коробке. Как только вы включаете ему питание от сети, он начинает жужжать. Даже когда вы ничего в наушниках не слышите, жук уже жужжит, просто заперт в коробке. Жучара не просто «жужжит». Вот он раскрывает свои надкрылья - пошла одна волна, пусть прямоугольная. Крылышки тонкие расправляет - звучит другая волна, пилообразная. Как сами, наверное, уже догадались, звучат волны по разному. А потом жук машет двумя парами

крыльев - волны складываются. У него таких пар крыльев некоторое количество. Машет жук с разной интенсивностью - частота махания соответствует ноте. Можно было бы сказать, что это аналог грубых голосовых связок. Для залетного физика пришлось бы со всей строгостью описывать нюансы. Но физик и сам все знает, так что смысла перегибать с матчастью нет. Самое важное тут, это то, что жуки все разные. Навозники - это, определенно, осцилляторы Moog. Майский жук, это СЕМ3340, который использовали в своих аппаратах Roland, Sequential Circuits, Oberheim. Korg серии MS, это плавунец окаймленный, зверушка могучая и немного придурковатая. Есть, конечно, и экзотика: Buchla - то ли шмель, то ли бражник; Serge - богомол или тайландский водяной клоп. В этом и суть. Их можно любить так, как можно любить перепончатокрылую мелочь, которая копошится в траве и пасется у вас на цветах. Важно отметить, что жуков в коробке может быть несколько. Даже если они одного вида, природа эквивалентности не знает. Жук есть какая-никакая личность, он индивидуален. Соседи по коробке немного запаздывают друг относительно друга, крылышки у них со своими особенностями, небольшими отличиями. Когда отряд жуков работает вместе, это дает приятное ощущение роя, даже на одной ноте.

Все было бы слишком просто, если бы я на этом закончил. В моей действительности коробок с жуком расположен не где-то, а, например, в скотине. Так навозников Moog проглотила корова. Даже более того, у коровы вместо голосовых связок размещена коробка с жуком. В нашем мире мы предполагаем, что одна корова без жука не будет звучать. Нас интересует именно пасть животного, это фильтр частот. В самом общем примере, это тот фильтр, который срезает высокие частоты. Корова вытягивает харьку свою трубой и получается гулкое мычание, где не так много высоких частот. Так коровка говорит «муууу». А может, если постарается, как осел пасть разверзнуть на всю ширь и получится: «иаааа». Там высоких частот будет побольше. У каждого синтезатора фильтр определяется особенностями своей уникальной скотины. Фильтр Korg, это свинья или кабан - визжит только в путь. Фильтр Sequential Circuits, это барашек златогривый. А вот некий специфичный, в своей самости, фильтр Roland TB 303 - редкостная козлина, причем в самом лучшем смысле.

Понятное дело, что этим скотским комплексом необходимо управлять. Мы можем хвостом заставить скотину выдать нотку. Или, к примеру, крутим один рог - корова пасть закрывает, другой рог крутим - жуки драться начинают. Можно научить жуков даже менять угол махания крыльями с той же скоростью, с которой у скотины вертится хвост. В сложных случаях мы можем выхлоп из одной коровы пустить в другую, вырастить кабана с двумя головами, привязать к ослу три хвоста. Можно сделать отдельный загон для телят, которыми управляет молчаливая мартышка. Да много всего можем сделать.

Для зануд отмечу, что про усилитель я сознательно не упоминаю, выделять еще один абзац под него тут неуместно. Только запутаю приличных людей. Неприличные же люди уже в курсе, что усилитель в синтезаторе есть.

Не занудства ради, мне крайне необходимо пояснить еще один нюанс. В противном случае меня в неаккуратности будут обвинять друзья - педанты самых высоких степеней посвящения, когда дело касается теории. Они будут пенять, что я не упомянул «west coast» синтез. Так вот, до текущего момента я рассказывал про субстративный синтез, ассоциируемый с «east coast» подходом к синтезаторной архитектуре. А «West coast», это те самые богомолы и клопы - Buchla и Serge. Они живут без коров, в больших ульях в четыре рековых единицы, питаются бананами и все делают по своему. Я обозначил данный момент, ограничившись небольшим абзацем, прикрыл тылы. Купил себе спокойствие пятью минутами скуки читателя. Поэтому более не буду к данной тематике возвращаться. Перейду к более общечеловеческим проблемам.

Синтез вошел в нашу жизнь в период особенной гормональной активности, когда неведомые эндогенные вещества заставляют выбросить якорь интересов в ту культурную гавань,

которую в момент юности рассчитываешь проплыть без задержек. Что ни поднеси молодому организму в это особое время, то он запомнит и полюбит.

Но аналоговые синтезаторы вовсе не зацементировали наши вкусы. Наоборот даже, запустили некоторые алхимические процессы в голове, и душах. Мы научились бескорыстно любить культурные феномены прошлого. Поначалу мы пытались ассимилировать стилистику восьмидесятых годов, времени подъема аналогового синтеза до массового уровня. Дурачки, мы еще тогда не знали, что в семидесятых синтезаторная культура была чище и концентрированнее. Мы все же чувствовали, что раньше было лучше. Молодежь вообще остро чувствует всеобщую деградацию. Любовь к ретро, как мне сейчас представляется, это неосознанная попытка консервативной революции. Это уход от деградации «назад и вверх» из Кали Юги если и не в Золотой Век и Потерянный Рай, то хотя бы в лес. Но по лестнице Иакова не пятаются. А время бежит по свиридовски - только вперед. Забавно, что подобные регулярные попытки реинтегрироваться в Золотой Век представляются в виде если не синусоиды, то хотя бы пилообразной волны того же аналогового осциллятора.

Были у нас и игры в авангард. Мы не сразу дошли до того, что если делаем нечто новое и понятное нам самим, то это уже и не авангард вовсе. Ибо понятное и, одновременно, новое - очевидное противоречие. А делать то, что нам самим непонятно, оказывается, совсем не интересно. Музыкальный псевдо-мистицизм тоже стороной нас не обошел. Самый убогий период. Вся эта суэта вокруг идеи «выхода за рамки человеческого». Разумеется, нет ничего более человеческого, чем романтизировать представления о том, что есть нечеловеческое.

Но то - опыт. Не виню себя за него. Есть вещи пострашнее. Например, говорить о каких то подходах к синтезу категорично. Или советовать другу купить неликвидный аппарат. И нет большего греха, чем давить из синтеза самые очевидные клише с лицом ювелира. В отношении подобных практик лучше всего высказался мой друг Артем: «Мне кажется, когда ты вот такой херней занимается, у тебя не самоуверенность должна на рыльце быть, а вина». Не мое, конечно, дело, осуждать. Но отметить - право имею.

Музыка, звук, и, в частности, аналоговый синтез, как наиболее пластичная методика формирования тембра, дают независимость и власть. Звук обогащает среду. Вместе с музыкой ты живешь уже не в декартовой системе координат. Музыка создает отдельное измерение. Любое пространство с музыкой увеличивается в объеме смыслов. С нею потому уже не так душно и скудно жить. И если на природе и так хорошо, то я не понимаю, как можно существовать без музыки в городах.

Я написал абзац выше, а потом решил покопаться в культурных пластах прошлого в отношении данного вопроса. Не может быть, чтобы никто кроме меня не замечал влияние музыки на мир вокруг. И верно, все давно придумали. Более всего процесс обогащения мира с помощью музыки может ассоциироваться с «поэзисом». Тот же Аристотель получил данный термин в пользование уже сложившимся. Когда я о поэзисе узнал, то сильно смутился. Налицо огромные пробелы в образовании, раз такое фундаментальное понятие прошло мимо меня. Но отойдя от самобичевания, я понял, что это удачный повод для спекуляции. Если я не знал даже такой элементарщины как «поэзис», то теперь друзья не смогут укорять меня в том, что я пишу с заумных позиций.

Одна из основополагающих проблем современности состоит в том, что современность - не античность. О каком поэзисе можно говорить в применении к текущему положению дел в культуре? У нас все, любой стиль или направление, рано или поздно, сводится к мейнстриму, который есть бесконечная калька с самого себя. Нам привычно думать, что если популярная музыка и создает некую новую область пространства идей, то надо полагать, что это общественное место. И да простят меня читатели, но очевидно же, что место это - отхожее. Но андеграунд стал пометкой на ценнике примерно тогда же, когда поп стали раздавать бесплатно.

Мы просто платим за отхожее место классом повыше. Можно ли тут говорить об обогащении пространств музыкой?

Даже уходя в кусты экзотических стилистик и лова жемчужины в безднах музыкальных форм, человек все равно потребляет нечто не свое. Как вы думаете, хорошо жить рыбам в аквариуме, воду в который сливают из другого аквариума некие «рыбы музыканты»? Если баловаться музыкой помаленьку, то не страшно. Но если вы потребляете музыку в больших количествах, очень быстро станет в крайней степени дискомфортно. Хочется жить если и не в чистой воде, то, как минимум, не загаженной чужими образами. Хочется, чтобы своя декартова клетка деформировалась и раскрашивалась по своим же правилам, а не по правилам неких людей, с которыми, иногда, присесть на одном поле брезгливо. Это один из самых честных и адекватных поводов делать музыку. Такая возможность, очевидно, дает независимость, и, в некотором смысле, власть. В любом случае, это определенного рода сила. Вы можете сколько угодно думать, что это глупости, мальчишеская патриархальная бравада. Можете думать, что речь должна идти о каких-то образах, искусствах, вдохновении, вкусах... Конечно, да, вы правы. Но это нисколько не умаляет и моей правоты. Музыка - всегда оскал. Какая бы мягкая и вкрадчивая, веселая и развлекательная она ни была.

Согласитесь, недавняя история про монокультуру, атомарность и манифестацию начинает играть яркими красками. Сами понимаете, сколько тут питательных для мозга ассоциаций с политикой. Как и в политике, в музыкальной культуре тоже не все просто. Не про «красных и белых», которые хорошие и плохие в зависимости от того, кто заказывает кино. Так и истории про «свою» музыку, это далеко не всегда вопрос банального артистического эгоцентризма. Все, местами, еще грубее. Это вопрос борьбы за культурную территорию. А ее, культурную территорию, приходится отжимать у того, что находит отклик в массах, то есть буквально от того, что нравится «по средствам», у потоковой отвратительной отрывки коллективных предпочтений - кривляющейся обезьяны содома. Константин с отрочества примеривал на себя роль культурной лярвы, паразитирующей на содомской обезьяне или, как он любит говорить - левиафаньей туше. Думаю, так ему легче свыкнуться с тем, что война за культуру, это, очевидно, донкихотство. Меня же борьба с ветряными мельницами не сильно смущала. Ведь настоящим джентельменам могут прийтись по нраву только заведомо проигрышные предприятия. Звучит несколько по-мазохистски: добровольно обречь себя на несправедливую долю. Но я не знаю толком, что такое справедливость. Очень спекулятивная история, очень субъективная в самом плохом смысле. «Справедливость», «правда», «права». Как слышу от кого эти слова, сразу перестаю такому человеку верить. Она - справедливость, всегда сопряжена с искушением какими-то бенефициями. Предпочитаю ситуации, когда чаша эфемерных весов справедливости склоняется самую чуточку не в мою пользу. Я же человек, слаб. Вляпаюсь еще в эти непонятные бенефиции, потом не отмоюсь.

К постановке подобных вопросов и приводит аналоговый синтез. Играя из-под палки на фортепиано в музыкальной школе у вас, по крайней мере, есть шанс возненавидеть все, связанное с музыкой, и избежать кучи проблем. Хотя бы остаться в своем уме. А аналоговые синтезаторы потворствуют тому, чтобы затрагивать подобные сомнительные вопросы.

Потому-то я и считаю, что соблазнять музыкой - дело нехорошее. Меня очень напрягают ситуации, когда в кругу друзей заставляют показать инструменты или поиграть на чем-либо для детей. В глазах части моих знакомых, не воцерковленных в синтез, искусство до сих пор имеет атрибуцию некоего положительного феномена. В то время как оно ни разу не положительно, ровно как и не отрицательно. Что оно сотворит конкретно с вами, только Бог ведает. Но, в любом случае, легче с искусством жить не станет. Меня вовсе не прельщает возможность оказаться тем человеком, который подтолкнул чьего-то ребенка к бессонным ночам, нервному истощению и, что важнее прочего, к музыкальной тусовке. Вот уж не то место, куда бы я желал попасть своим отпрыскам.

Гораздо приятнее вкрадчиво навязывать детям философию. Когда племяшка бегает в свои четыре года по дому, а ты ему, пока мама не видит, нашептываешь: «диалектика, а ну-ка повтори, ди-а-лек-ти-ка», а иной раз и «лови кота - экзестируй аутентично».

С музыкой сложнее. До сих пор пишу эти строки в надежде выяснить, что же все таки с ней должно происходить?

Социум

Мы с Константином обзавелись аналоговой аппаратурой и некоторое время варились в собственном соку. Сидели на музыкальных форумах среди таких же как мы «пионеров». Стоит отдать должное некоторым мэтрам синтезаторного социума: старики охотно делились своими знаниями. С их стороны не было замечено каких-то вопиющих случаев пренебрежения к молодежи. Но за рамками форумов, суетливые малолетки были нужны были только производителям массового сегмента рынка музыкального оборудования.

Как водится, значительные изменения происходят в кризисные времена. Так и в нашем случае. Я плохо помню глобальные кризисы, напрямую они меня не затрагивали. В две тысячи восьмом году я нормально работал, в четырнадцатом, да и двадцать втором годах не было никаких проблем. А между глобальными кризисами приходилось, иногда, и нелегко.

Десятый год у меня не задался. Ранее бывший начальник сманил меня в агрономическую компанию с иностранным капиталом. Мы должны были насаждать «процессную» методологию. Но не прошло и месяца, как начальника уволили. Про меня руководство забыло. Вместо проведения высококвалифицированной аналитики, я помогал финансистам с документами и читал книги. Спустя три месяца, генеральный директор увидел меня в коридоре и спросил у кадровика: «А это кто?». Гендир мог показаться вам туповатым, если целых три месяца я был у него на иждивении. Но этот эпитет сделал бы ему честь. Он каждый месяц нанимал нового аудитора, потому что старый говорил ему, что воровать надо как-то элегантнее. Недостаточно просто тратить деньги на себя и списывать их как затраты на командировки. Не смотря на свою непроходимую тупость, гендир догадался, что со мной что-то не так, раз я не работаю, пребывая у него на зарплате. Он не сразу понял, что со мной делать. Я успел еще два месяца поработать перед тем, как генеральный все же пришел к выводу, что ненужных людей принято увольнять. Кадровик - отличный мужик, не пожалел инвесторских денег: меня отпустили с тремя окладами, премией и отпускными.

Я отдохнул, проехался по родственникам, увидел друзей, погостил у родителей. Но хватку терять нельзя. В какой-то момент я сбрил щетину, достал пиджак и ботинки для официальных мероприятий, обновил резюме. Отец хлопнул меня по плечу и сказал: «У тебя все получится». Я пошел рыскать по собеседованиям. Шел ветреный неуютный апрель.

Первое собеседование не задалось. У обшарпанного кирпичного двухэтажного здания на задворках Москвы меня встретила молоденькая девочка, на вид совсем школьница. Она провела меня через пахнущую проходную в каморку со старой мебелью. Там меня ждала строгая дама. На вид ей было лет сорок пять. Это только по молодым временам мне она казалась дамой. Она представилась президентом группы компаний и поведала мне о ее деятельности. Контора в ее «группе компаний» была всего одна. Ее гордо определяли «государственным подрядчиком». На деле компания являлась не более чем канцелярским ИТ для локальных министерских отделов. Деятельность компании была построена вокруг междусобойчика с ненавязчивым распилом. Начальница преподавала в каком-то условно технологическом институте, и вместе со своими бывшими студентами проводила неказистый «внедрей». Рассказывала она о своем детище в красках, будто все министерства и ведомства нашей необъятной Родины загнуты без ее системы учета ИТ «макулатуры» или приложения для согласования приклатенных, по тем временам, тендеров. Дама пальцевала аббревиатурами подмосковных опытно-конструкторских бюро, лютых дотационных шарашек и инновационных комбинатов. Она мне напомнила такой типаж девочек, которые, когда подсаживаются на уши, бесконтрольно мечут именами своих «друзьяшек». Такая девочка не отдает себе отчет в том, что ты находишься вне контекста ее тусовок, и для тебя всякие «Димы и Вадимы» не значат ровным счетом ничего. Такая девчонка усердно втирает тебе о них целые истории, словно ты в этой компании с дет-

ства, а ты путаешься в именах и не понимаешь, зачем вообще это слушаешь. Все равно что читать эту книгу без сносок. Так и в данном случае, у меня уши вяли от всяких «ИПИ РАЭМН» и «КАПО ИК», услышав о которых, я должен был бы упасть ниц в благоговении. Но скажите мне, до какого такого бюрократического дна надо пасть, чтобы на полном серьезе использовать словосочетание «инновационный комбинат»? А мы сидели в обшарпанном здании со старой советской мебелью, побитым пенопластовым потолком и вздутым линолеумом. При этом, я уместился на школьном стульчике. В какой-то момент дама дала слово мне. Не успел я толком рассказать о своем опыте, как она перебила:

— Хватит, я все поняла.

Она постучала пальцем по папке с моим резюме.

— Опыт у тебя смешной. Знаю я эти богадельни. Порог вхождения - первый курс. У меня второкурсники и те больше могут.

Она посмотрела на меня строго. А я молча смотрел на нее в ответ. Зачем мне комментировать ее выпад? Все что я мог бы сказать, прозвучит как оправдание. Женщина, не дождавшись от меня реакции, несколько стушеввалась, собралась с духом и продолжила:

— Ты еще наглость имеешь мое время занимать? Ну... не знаю, что сказать. Не знаю. Я, лично я, возможно, готова пойти тебе на встречу. Взять стажером на пол ставки? У меня нет уверенности. Не хотелось бы терять время на посредственность. Я смотрю на тебя и не вижу готовности учиться.

Мне было любопытно, какая логика позволяла пойти столь вельможей особе на компромисс? Очень резкий переход от моей «наглости», до ее «готовности» пойти на встречу, а потом и к неуверенности в моей квалификации.

Если не ерничать, то мой опыт был уже относительно неплох на то время. Еще в начале ее монолога я начал улыбаться. К тому моменту, как она была «готова пойти мне навстречу» я начал дергаться - давил в себе хохот. Под конец монолога из меня полился поток всхлипываний переходящий в искренний смех. Мне было очень стыдно, но чем больше я сдерживался, тем сильнее распалчлся.

Тетка покраснела от гнева и заревела белугой:

— Да что ты себе позволяешь!

Я с трудом ответил, заикаясь:

— Спасибо за щедрое предложение. Я подумаю.

Нельзя сказать, что я чувствовал себя вальяжно и спокойно. Вовсе нет. Мне нужна была работа, я был максимально напряжен. Но ситуация выглядела настолько глупо, что напряжение вышло со смехом. Я попытался встать, и не смог, так как разразился уже не сильно сдерживаемым хохотом.

Женщина, увидев, что веселье мое совершенно искреннее, вдруг сама прыснула со смеху, смутилась, закрыла глаза рукой и хихикала минуты три. Она пыталась прекратить хихиканье, но видела меня, дергающегося от сдавленного смеха, и заводилась снова. В какой-то момент я все же встал, одернул пиджак, и сказал тихонько, чтобы не засмеяться опять:

— Спасибо, мне пора.

Начальница махнула рукой, будто бы уже немного по доброму.

Когда я вышел, девочка «проводница» смотрела на меня круглыми глазами. Подобное обращение с «партайгеноссе» не укладывалось в ее представления о мире.

Я услышал крик в спину:

— Ты еще вернешься, еще будешь на коленях...

Фраза потонула в заливином хохоте.

Второе собеседование проходило по телефону. Мне позвонили из крупного агрономического холдинга. Я был бы рад там поработать. Звонила женщина, судя по всему, очень даже адекватная. Голос у нее был настолько густой и полный сил, что я представил ее крутобокой

румяной валькирией с печальными глазами, понимающей, что завтра опять рано вставать на ежедневную «последнюю» битву вырожденцев. В этой битве заведомо не было героев, которые обеспечили бы ей аусвайс в родную Вальгалу. Мы прошли формальную часть разговора и дама очень четко изложила все особенности вакансии:

— Дмитрий, у нас децентрализованная история. Распределенная. Региональные подразделения работают по своим процессам. Нам надо свести все к одному стандарту.

— Спасибо за предложение. Я правильно понял, что задача методологическая. Сверху идет единый формат, надо править описанные процессы под него?

— Нет. Все сложнее. Регионы не зависимы друг от друга, а часть процессов перекрывается. Вам придется снизу подгонять процессы один под другой. А регионы... Понимаете, они друг с другом на ножах.

— А у меня будет административный рычаг со стороны управляющей компании?

— В том то и дело, что нет.

— Знаете. Врать не буду. Если вы меня возьмете, я буду рад. Но, вам как-то надо сменить парадигму. С таким заходом на аналитика, работать согласится либо человек, мало понимающий, либо откровенный проходимец. Даже если вы привлечете опытного аналитика, регионы будут играть им в футбол. Никто не справится без административного рычага. Никак без иерархии. Нужно объединение, централизованное управление и кастовая сегрегация.

Тут я понял, что хватанул немного мимо корпоративной терминологии. Но девушку это не смутило.

— Дмитрий, спасибо большое. Я думала так же. Но начальство не всегда аргументы слушает. Мне сказали: «а ты сначала попробуй». Сами знаете, как это бывает.

— Сочувствую вам.

— Если у нас все срастется, обязательно позвоню.

— Спасибо, надеюсь на это.

Собеседование оставило приятное впечатление, но я понимал, что вряд ли они наладят нормальную вертикаль власти в ближайшем будущем. А к тому времени, как наладят, обо мне и не вспомнят.

На третье собеседование меня позвали только через неделю. Снег уже полностью стаял. Апрель вступил в полную силу. Контора известная - крупный ИТ интегратор, или, скорее, соковыжималка. Компания проводила все виды внедрений, имели место постоянный поток заказчиков и такая же текучка кадров.

Миленькая кадровичка в зеленом платьице «колокольчике» с белым воротничком провела меня через внушающий доверие ресепшн аккуратными коридорами в респектабельную стеклянную «переговорку». Нас ожидала ее подружка - начальница отдела аналитики. Если кадровичка была блондинкой в зеленом платье, то начальница аналитики - брюнеточка в черном «колокольчике». Такая же маленькая и аккуратненькая - белый воротничок, туфельки. Обе они были младше меня на пару лет. Голосочки у них такие были характерные - повизгивающие полаивающие. Милашки начали наперебой рассказывать мне об удивительной сплоченности вечно молодого коллектива. Поведали про множество заказчиков и перспективы роста. У них были игровые комнаты, спорт по скидке, корпоративная культура высочайшего уровня. Я сразу же отключился, для меня этот щебет был не более, чем белым шумом. Девчонки спросили у меня про опыт, вопросов по нему не возникло. Мы успешно поговорили по английски. Я так и не понял, зачем. Заказчики были отечественные. Барышни определили, чем я могу быть полезен в их деятельности. Они покивали друг другу, мол, хорошо все идет. Я смотрел на свою перспективную начальницу и думал - она всерьез мне затирает эту корпоративную чушь? Или вопрос в том, чтобы побыстрее заткнуть дырки в проактивно расползающемся вечно молодом коллективе?

Девушки удалились на пять минут сделать кофе. Скорее всего они хотели в обсудить в приватной обстановке мою кандидатуру. С одной стороны, мне такой опыт был не безынтересен. С другой, я не мог всерьез воспринимать всю эту суету. Даже если принять условия игры в некую корпоративную секту, долго я подобный цирк не вытерплю и начну ерничать.

Между тем, прошло уже минут десять. Я заскучал, достал свой неразменный рубль и стал его подкидывать. Я уже принял решение. Если пригласят, соглашусь. Терять мне нечего. А дальше что будет, то будет. Мне крайне не хотелось идти в этот корпоративный вертеп. Но на то и нужны испытательные сроки, чтобы отказаться, если что-то не нравится. В этот период испытывают не только сотрудника, но и компанию. И все же соглашаться не хотелось. Чем больше я себя убеждал принять предложение, тем активнее искал способ запороть собеседование. Что характерно, не мог себе в этом признаться. В голову пришла блестящая в своем идиотизме идея. А почему бы не поэкспериментировать? Я много лет живу с неразменным рублем, вроде бы все с ним сделал, что мог. Но я его еще не глотал. По идее, это должно как-то сказаться либо на моей харизме, либо на навыках коммуникации. Звучит глупо, да? Сам по себе неразменный рубль был штукой крайне глупой, так почему бы не следовать принципу «падающее - толкни»? Я взвесил монетку в руке - легкая. По диаметру не более иной пилюли. Я с детства был научен, что денюжку держат в руках множество людей, и она - рассадник микробов и вирусов. Но, если рассудить здраво, рубль при пространственном переходе должен терять покрывавшую его патогенную фауну. А пространственные переходы случались регулярно. Монетка должна быть чистой. В абсурдной ситуации можно было бы и поступить абсурдно. Я кинул монетку в рот и неожиданно ловко ее проглотил. Успел ощутить холодок желудке, когда вернулись девчушки.

— У нас остался последний вопрос, — прочирикала кадровичка.

Начальница аналитики спросила меня своим гнусавеньким, но милым голоском:

— Дмитрий, а что по вашему мнению есть удачное внедрение?

Я картинно склонил голову, словно обдумывая ответ. На самом деле в голове свербела одна мысль: «Дима, нет, не надо, это будет слишком». Но, я не смог сдержаться, поток слов вырывался из меня сам:

— Хорошее внедрение, это когда мы окучили заказчика достаточно, чтобы он не смог отвертеться от оплаты нашей кривой автоматизации по договору. Отличное внедрение, это если мы можем еще пару лет доить его на доработках, пока он не соберется с духом и не убежит к другому такому же интегратору.

В «переговорке» воцарилась напряженная тишина. Девочки были в шоке. Я тоже. Я не собирался так откровенно рубить правду матку. Рубль драматически стимулировал наш и без того неловкий диалог. Для милашек напротив, моя сентенция, видимо, не сочеталась с принципами корпоративной культуры. Они сидели обе с потухшим взором и смотрели с минуту куда-то мимо меня. Потом я услышал тихий шепот начальницы:

— Доить?

Далее тишину прорезал дрожащий писк кадричочки:

— Спасибо Дмитрий, мы примем решение и сообщим вам.

Я сразу понял, что вижу этих барышень последний раз в жизни. Об этом я не переживал, но еще одна неудача немного подпортила мне настроение. Казалось бы, такой свеженький и умненький аналитик нужен всем вокруг, но нет. Никто не спешил попользоваться моим высоким потенциалом. В брюках потяжелело - рубль вернулся. Я посмотрел на часы. «Рупь» находился в желудке не более получаса. Как же он работает при проглатывании? По первому опыту похоже, что он либо заставляет говорить правду, либо провоцирует окружающих. Надо бы проверить аккуратно, но глотать его перед собеседованиями я больше не хотел. Да и вопрос с занятостью закрылся уже через две недели - меня позвала к себе в команду бывшая начальница с одной из моих прежних работ.

Рубль же в качестве БАДа себя особо не проявлял. Я не стал удачливее или талантливее с ним. Мысли у меня никак не менялись. С людьми же я экспериментировать побаивался. Решение пришло неожиданно. Мне позвонили с очередным предложением по кредиту. По номеру телефона сразу угадываешь, когда звонят из условно титульного банка. Я не долго думая закинул монетку в рот и ответил на звонок. Женский голос проямлил:

— Дмитрий, хочу предложить вам кредит на выгодных условиях. Скажите..

— Шем ха Мефораш, — отрезал я в трубку, озадачив сам себя смыслом произнесенного.

На том конце «провода» я услышал вздох, глубокий, две долгие секунды собеседник набирал полную грудь воздуха. А потом раздался истошный крик. Крик от души, долгий, страшный, переходящий в хрип. Он даже перегрузил нехитрые динамики моего телефона. Потом, видимо, трубку повесили.

Очень любопытно и неуютно вышло. Я ждал еще звонков с подобными предложениями. Но мне перестали звонить не только из банка, сотрудница которого визжала в трубку, но и из других подобных. Словно между такими учреждениями ходит некоторый черный список, в который занесли и меня. Если все так, то рубль принес мне серьезную выгоду.

Через некоторое время я расхрабрился до того, что проглотил монетку перед покупкой сигарет в ларьке. Ничего особого не произошло. Я не говорил никаких гадостей и продавщица была адекватна.

Прорыв произошел, когда я работал со звуком. Это был первый раз, когда я попробовал озвучивать синтезаторы через гитарное усиление по всем правилам. Я снял репетиционную базу, привез синтезаторы и начал работать. Раньше я не подключал синтезаторы в усилители. Потому и поехал на репетиционную базу, чтобы полноценно исследовать вопрос. Очевидно, что уровень громкости синтезатора должен соответствовать гитарному, а форма волны ближе к синусоиде. Какой смысл в перегрузе квадратной формы волны? Никакого. Забавно, что не все это понимают, когда первый раз играют на синтезаторе в гитарный аппарат, а потом пренебрежительно отзываются о данной практике. Не все доходят до необходимости подавать на усиление нечто синусообразное.

На тот момент, моя метода все еще пребывала в состоянии гипотезы. Из двух часов времени, минут тридцать я потратил на подключение, еще час я играл на синтезаторах по одному и вместе. Получалось хорошо, мои гипотезы проверку прошли. Делать записи я не стал, осталось пол часа. Пытаться что-то записать, только суетиться. Есть у меня некоторая манера специфическая: если что-то получается хорошо, я не форсирую события. Когда много интересного сваливается за один момент времени, упускаешь порадоваться всему полноценно.

Я решил расслабиться, отдохнуть и повеселиться, поиграть в power electronics. Как-то у меня не задалось. Нет во мне ни грамма артистизма. Звук шел тот, что нужно, а крик мой был вялый и не к месту. Я пытался изображать из себя Клауса Хильгера, а выходило совсем паршиво. Будто феминистке дали микрофон. Тут я вспомнил про рубль и, не долго думая, проглотил его. Пасть моя распахнулась и я начал выдавать бессвязные глоссолалии. Не задавался смыслом, исторгал из себя поток звуков, зато все стало звучать как надо, прямо по канону. И так хорошо это звучало, что я по приезду домой наваял минут тридцать отборного power electronics и побежал к знакомому с просьбой подписать меня поиграть на ближайшем фестивале.

Вторая половина нулевых - непростое время для молодых музыкантов. Тогда еще дешевого барного формата выступлений не существовало. Более или менее серьезные площадки требовали некоторых условий. Чтобы нормально выступить вживую, надо было собрать побольше проектов и выбить себе какой-нибудь вечер четверга для фестиваля. Один раз мы провернули такой фокус со знакомыми. Проектов набралось с десятков. Получилось очень весело, хотя и хлопотно. Посетители были из тех же самых проектов, не считая небольшого количества людей не из числа музыкантов. В основном друзья - по «полтора» от каждого про-

екта. Мы не имели ресурсов ни моральных, ни материальных, ни репутационных, чтобы организовывать что-то самостоятельно с завидной регулярностью. А играть вживую по молодости все время хотелось.

Вписаться без усилий можно было только в какой-нибудь нойз междусобойчик. Благо знакомые были и там. Организаторы мероприятий сами же там и играли. Шумовая сцена, как оказалась, выгодно отличается солидарностью. Так что уже в начале июня десятого года я положил в рюкзак аппаратуру, и направился в никому не известный «клуб», который был совмещен с отвратительной репетиционной базой, пропахшей грязными носками и пивным перегаром. Что обнадеживало, помещение клуба было переделано из большого гаража, летом оно активно проветривалось. Я выступал первым, как новичок.

Времена были такие, десятый год, все еще относились серьезно к «сцене». Потому еще до начала мероприятия в зал набилось прилично народу. Человек двадцать до начала выступления. Для шумового мероприятия такое количество голов можно считать полным залом. Пройдет еще лет десять, и мы будем легко и часто выступать, но у же в пустых залах. Звучит так, как будто это проблема, но, напротив, это прекрасно. Думаю, пройдет еще лет десять, и мы будем вспоминать, как же интересно и необычно было играть в пустых залах. Только не факт, что мы через десять лет еще будем играть. В чем, опять таки, нет ничего плохого.

Тогда я волновался, молодой был, первый раз играл не среди близких своих соратников. Помню очень плохо, как это проходило. Мы все были одеты как по форме: штанишки-карго, говнодавы, черные майки. Сцена была небольшая, но мне и такой было много. На момент моего выступления на улице было еще светло, зал напоминал ангар, где проходит сходка подпольной партии, принадлежность которой ко всему чистому, светлому и благостному довольно сомнительна. Вопросы звукорежиссуры на шумовых мероприятиях не ставились как таковые. Надо сказать, что мода на аналоговые синтезаторы тогда только начала делать свой второй виток. Шумовики часто ограничивались кассетными плеерами, парой примочек и отдельным микшером. Наличие синтезаторов на сцене компенсировало отсутствие видеоряда на заднем фоне. Собственно ничего особенного я и не делал. Технически я только шумел с синтезаторов и уверенно орал в микрофон. «Рупь» работал как надо. Я поддавал с железок мраку, сгибался разок другой за композицию, сжимая микрофон, покачивался вправо влево, грозил кулаком потолку, прямо как взрослые дядьки с лейбла Tesco. Вот и все выступление. Ребята в зале и потолкались, и покричали. Организаторы похлопали меня по плечу, мол отлично для первого раза. И действительно, это было одно из лучших моих выступлений. Глупый я тогда был, думал, что если первый раз такой веселый, то дальше будет еще лучше. Однако, напротив, мне посчастливилось приблизиться к атмосфере того вечера всего несколько раз за всю оставшуюся жизнь. Может дело в том, что тогда я был молодой, полон всяких эндорфинов, или что там еще с ними в гормональном букете? Да и рубль сыграл роль свою.

После этого концерта меня стали резко активнее звать на мероприятия. Точнее меня вообще стали звать с выступлениями. Рубль помог и мужики организаторы помогли. До сих пор им благодарен. Но с рублем я завязал на выступлениях. Хочется же сделать что-то полностью самому. Иначе не интересно. Неудобно придумывать ответ на вопрос: каков концепт моего проекта, и что я в конечном счете ору.

Третий

После того, как я получил возможность периодически выступать, я стал подтягивать на концерты и Константина. Он играл реже меня и крайне неохотно. Но играл, тем не менее. Надо сказать, что это было самое курьезное время для выступлений, потому что ты не знаешь заранее, куда попадешь. Сегодня сходка ребят в «карго» штанах и в арафатках. Завтра придется стоять перед какими-то случайными расширителями границ человеческого. После завтра окажешься в кругу металлистов на районном фестивале. Период этот был нестабильный и длительный, но и он закончился. К году семнадцатому, музыкальный рынок дорос до более или менее компактных аппаратов, удобных для выступлений, а столичные бары стали пускать поиграть экспериментальную электронику за неимением лучшей культурной альтернативы. Тогда мы и вышли на некоторое «плато» стабильности, которое больше всего походило либо на музыкальный лимб, либо на день сурка.

Как на деле выглядит день выступления? Не тяжкие рабочие будни, а именно день среднестатистического выступления. С простым рутинным днем все просто: приходишь с работы, занимаешься час на гитаре, пару часов набиваешь материал в секвенсоре или крутишь ручки. Ложишься спать, встаешь среди ночи и крутишь ручки еще часа полтора.

Типовой день выступления немножко не такой. Попробую описать один подобный день, который я запомнил из-за неожиданного знакомства. Скажу как есть, я буду немного привирать, потому что не помню точную последовательность событий. Все подобные дни похожи один на другой, все они сливаются в один бесконечный день сурка. Очевидно, что события разных дней у меня сбиваются в одну кучу, но тем полнее и достовернее будет мой рассказ с позиции мифологического мышления.

Шел конец мая, года девятнадцатого. Я встал с утра разбитый и ленивый, добрался до кухни и сварил себе кофе. Стоял на балконе с кружкой и сигаретой, просыпался и думал, как бы так одеться, чтобы было не холодно и не жарко. Читал сообщения на телефоне. Организатор мероприятия просил в чатике принести компактный микшер и длинные провода для какой-то группы. По возвращению с балкона я открыл сумку с оборудованием и заменил длинные провода на короткие. Мне будет тяжело с короткими проводами раскладывать синтезаторы на столе, зато я не потеряю свои любимые длинные шнуры. За всю историю моего взаимодействия с «артистами», мне всего два раза вернули периферийную мелочь, которую я одалживал. Знаете, есть такое поверье: чтобы цветок хорошо рос, его надо украсть. С проводами у «артистов» ходит похожая примета. А как вы думаете, у меня появились мои любимые провода?

Я оделся поудобнее, понимая, что мне весь день таскать две сумки общим весом на шесть килограммов. Может показаться, что шесть кило, вполне себе подъемно. Но они распределяются в двух угловатых баулах. Благо выбор компактных семплеров и секвенсоров сегодня даже избыточен. Пусть такие приборы звезд с неба не хватают, в плане какой-то синтезаторной эзотерики, зато они позволили мне сильно сократить объем и вес моего «чемоданчика» для выступлений.

Вышел я из дома поздно и не особо торопился. Смысл торопиться, если надо во что бы то ни стало опоздать? Утренний трафик немного разгружается, а мне с моими сумками гораздо приятнее ехать в полупустой маршрутке, а потом и в метро. У метро я вынул из кармана телефон, подготовился. Контролеры на «Первомайской» пригласили меня просветить сумки, а я сфотографировал экран рентгена, это уже ритуал. У меня организовалась коллекция фотографий разных синтезаторов с рентгена в метро.

На проходной в офисе охранник лениво заинтересовался содержимым моих баулов. Он уже знал меня в лицо и понимал, что ничего особого я не покажу.

В офисе я убрал аппарат в шкаф для одежды и включился в рабочий процесс. Про рабочий процесс стоило бы рассказать отдельно, но я еще не выработал позицию в отношении моей работы того времени. То ли чистилище, то ли аскеза. Не знаю. Не сложилось у меня однозначного мнения о том, чем же я там занимался семь лет. По истечении рабочего дня я задержался в соответствии со своим опозданием. Слишком рано приезжать нет никакого смысла. Во-первых, любые мероприятия всегда задерживаются. Во-вторых, мне не нужно долго разбирать аппаратуру и настраиваться. Самое главное - скука.

Если я приеду на место выступления рано, то буду торчать в пустом зале, где только бармен и администратор сидят скучают. Вероятнее же всего, это будет один и тот же человек. Хорошо, если он же окажется и звукооператором. У меня будет вариант поболтать, почитать книгу, пойти во двор покурить. А потом я потеряю бдительность и возьму стакан пива. В этом нет ничего страшного, но это только начало скуки, а, стало-быть, далеко не последний стакан.

Поэтому, на мероприятие я сознательно опаздывал. Подошел к бару, поздоровался с охранником и заглянул внутрь. За баром стоял администратор, в остальном зал был абсолютно пустой.

— Привет. Думал, что последний приду, — поприветствовал я беднягу.

— Ха, — ответил администратор абсолютно безэмоционально, повернув голову в мою сторону ровно на один градус из триста шестидесяти возможных. Я понимал его реакцию. Мир — одна лишь суета и тщета. Как я ни старался, все равно коллеги мои всегда умудрялись опоздать еще сильнее. Я отнес аппарат на сцену и вернулся к бару.

— Лагер, — процедил я.

— Не бери — он совсем паскудный.

— Налей сам не паскудного чего-то.

Администратор посмотрел на меня не удостоив даже презрением. Пиво налил, но, ясное дело, весьма паскудного.

— Как дела? — спросил я.

Мой собеседник видно подумал, что я над ним подшучиваю. Кивнул мне в знак уважения, мол - хорошая попытка.

— Как насчет настроить звук? — уточнил я.

— Я сегодня на баре — вам повезло. Ночью второй концерт, весь день будет Рома строить.

Действительно, повезло. Роман был из тех золотых звукооператоров, которые, казалось бы, вообще не могут родиться среди поколения младше меня на десять лет. Но Роман и выглядел соответственно, на десять лет старше своего возраста. Звукооператорская работа его не пощадила. Он был сух, обросший и волосами, и бородой. Выглядел как катакомбный христианин начала эпохи. И взгляд у него тоже был как у святого. Романа считали абсолютно сумасшедшим, при том, что он был самым адекватным человеком в звукорежиссерской среде рубежа десятых и двадцатых годов, которого знала столица. Именно поэтому его справедливо и считали сумасшедшим. Сохранить адекватность при его образе жизни никак не представлялось возможным. Это он и сам признавал, но завуалировано, так как называть себя адекватным - слишком самонадеянно для действительно адекватного человека.

— Когда он придет? — спросил я, без особой надежды.

— Кто бы знал.

За подобной оживленной беседой прошел еще минимум час и был налит еще один стакан пива, прежде чем появился хороший товарищ, который так-же должен был выступить. В принципе, он был и есть отличный гитарист, но играл на семплерах.

Товарищ гитарист разогнал мою скуку. Недолго мы делились личными новостями, а потом перешли к обсуждению аппаратуры.

— Взял клон «Pharaoh». Хороший фуз. Не могу понять, чем он хуже оригинала, — поведал гитарист.

— Он лучше оригинала, потому что там плата не крепится к корпусу клеевым пистолетом.

— А в оригинале так?

— Из двух, которые у меня были, оба - такие, — ответил я, покопавшись в памяти.

— Чертов бутик.

— Ручная работа. А зачем он тебе?

— Не знаю. Купил, чтобы понять, зачем он мне, — пожал плечами гитарист.

— И как?

— Мафф на стероидах. Теперь охота гитару купить для низкого строя.

Ничего принципиально нового гитарист не поведал. Я подвел резюме:

— Вот и сэкономил на клоне, теперь гитару придется покупать.

— Мне всего лишь одну.

В ответ я даже смеяться не стал, кивнул сочувственно.

Со стороны, этот диалог кажется максимально занудным. Вы можете подумать: «звук, сука, фу». Но так и художники говорят о красках, и никогда по существу. А что тут обсуждать, суть картины, музыки суть? Как танцевать об опере. Бред. Сами подумайте, о чем мы должны говорить? О метафизических образах, которые овеществляем в композициях? Попробуйте такой диалог вообразить у себя в голове. Попробуем вместе. Я спрошу у гитариста: «дорогой мой друг, какую замечательную идею ты постулируешь последней своей инструментальной композицией?». А он ответит: «Дмитрий, я апеллирую к тем глубинным силам, которые, в виду своей мощи, людьми до поры остаются совсем и не замечены; мой крупнозернистый гитарный дрон позволит слушателю причаститься тем потаенным силам». Не кажется уместным? То-то же и оно.

Человеческие образы - удел первых лет музицирования. Пока романтизм еще человечий. После десятка лет в синтезаторном контексте, романтизировать начинаешь сам синтез. Уже он становится предметом музицирования. Синтаксис и семантика схлопываются. Это совершенно прекрасно, упоительно. Я не наблюдал в природе синтезаторщиков, которые утверждают, что надо ставить средства в служение к каким-то особенным идеям, подавать слушателю что-то там близкое людям.

Любой человек, разбирающийся в синтезе понимает, что истинное всегда невыразимо. О чем бы вы хотели, чтобы играла электронная музыка? О любви, боли, о радости? «О любви» - надо любить, «о боли» - болеть, а «о радости» - радоваться. Играть и петь так, чтобы оно оставалось органично, можно только о древних богах, тщете существования и, пожалуй, метафизике. И что, мы с моим другом будем это обсуждать? Нет. А аппаратуру - легко.

Пока я болтал с гитаристом, подтянулись остальные выступающие. Звукооператор Роман, разумеется, не подошел. Краеугольным камнем, частенько, встает вопрос о том, кто играет первым. Первый артист должен собрать какой-то минимальный кворум посетителей, чтобы начать выступать. Если к началу мероприятия явятся все выступающие, то, в принципе, этого уже достаточно. К моменту выступления следующего артиста подтянется максимум еще несколько человек: общий друг и регулярный посетитель бара.

Есть еще коллеги, которые думают, что выступление обеспечивает улучшение некоторых позиций. Каких? Мне понять сложно. Но таких коллег немного. Отказываться от того, чтобы выступать первым, это, как минимум, мелочно. Особенно - среди друзей. Есть и совершенно прагматичные доводы в пользу открытия мероприятия. Ты можешь сразу отиграть, собрать вещи и отдыхать весь остальной вечер. Я знаю довольно старых и маститых ребят, которые всюду стараются играть первыми по этой самой причине. Второй немаловажный положительный момент: если ты играешь первым, то те твои друзья, которые играют после тебя, обяза-

тельно опоздают и не застанут твое выступление. Поэтому у тебя появляется полное право уйти домой не слушая их. Категорический императив - святая святых современной морали.

Что люди теряют, играя первым? Не всегда, но часто - звук. Основная работа барного звукача состоит в том, чтобы как можно реже подходить к микшеру. Но, несмотря на это, звук поначалу все равно слабый. Сначала меня это заботило, но, по прошествии лет десяти, перестало волновать. Если людей в зале почти и нет, то и разницы нет? А на мероприятиях посерьезнее, там и звукачи не допускают подобных ситуаций. Таким был, например, Роман.

Что еще теряешь, когда открываешь мероприятие? Публику. Что такое публика? Эфемерность. Друзья, которые приходят на мероприятие, тем и ценны, что они твои друзья, а не слушатели. Мне абсолютно плевать, как мои друзья относятся к моей музыке, у них всех есть пожизненная индульгенция от моих потуг. Я же не изверг.

Что же касается пришлых людей, то они ни коим образом не могут быть ни показателем чего-либо, ни, тем более, гарантом. Люди приходят расслабиться. Им надо выдохнуть, они будут расслабляться подо что угодно. Я не ругаю стихийных слушателей за этакую неэтичность, я сам такой. Если я собрался отдохнуть, то буду делать это даже тогда, когда звуковое сопровождение идет вразрез с моим вкусом.

Может быть, когда-то было и по другому. Но я уже не помню этих времен. Я знаю пару объединений, которые до сих пор действуют в старой парадигме «продвижений» и «донесений» своего «творчества» до «слушателя». Парни вкладываются в мероприятия и издания участием и финансами, делают рекламу, снимают для выступлений места в соответствии с неким табелем респектабельности. Это прекрасные и вовсе не глупые люди. Насколько я понял, в их случае имеет место такое же своеобразное донкихотство, подобное моей борьбе за свое культурное пространство. Даже если я не разделяю их взгляды, то определенную симпатию питать могу.

Самым же ценным эквивалентом артиста и зрителя в одном лице, для меня стали люди, с которыми я играю на одной сцене. Я и играю сейчас, по большей части, чтобы увидеться с ними. Мне везло на одноклассников и одногруппников. Но со времен школы и института у меня осталось всего по паре друзей. К своему стыду, должен признать, что не помню имена и фамилии всех тех ребят, с кем учился. А вот коллеги с лейблов, музыкальных чатиков и фестивалей, это те одноклассники, которых я заслужил. Тут вся моя социопатия испаряется. Специально резервирую внутренний ресурс на прослушивание их работ. В мире бесконечного потока новой музыки, мне сподручнее слушать то, в исторический бэкграунд чего я более-менее воцерковлен. Учитывая андеграундный характер тусовки, получается презабавная ситуация - я являюсь эксклюзивным слушателем десятка проектов, работающих, в некотором роде, эксклюзивно для меня.

Но, не буду надолго отвлекаться от того, что происходило в тот день в баре. Кворум был собран, и даже подскочило несколько случайных людей. Роман резко, будто из воздуха, возник у микшера. Он ловко, без лишней суеты, отстроил первого выступающего. Мероприятие началось. Я слушал первого артиста в зале половину выступления, потом удалился в курилку. От всех остальных выступающих я так же собрался сбежать на улицу. У меня ресурса не хватает терпеть переизбыток людей рядом. Чтобы вытерпеть толпу вокруг себя, придется брать еще одно пиво, а то и два. Это хлопотно для здоровья, а звук во дворе самый замечательнейший получается.

Следующее выступление должно быть мое. На сбор и настройку аппарата мне требовалось минут пять. Константин планировал подойти, но запаздывал. Меня это волновало только по одной причине, если он подойдет после выступления, мы не успеем нормально поболтать, будет шумно. А сейчас мы могли бы нормально пообщаться. Хотя, общаться лучше всего не в Москве. Что угодно лучше делать не в Москве, если возможности позволяют.

Ко мне во двор вышел Роман.

— Этот, — Рома кивнул в сторону бара, — хочет утомить всех, уже превысил лимит на десять минут. Можешь его выгонять идти.

— Мне лень, долго играть не хочу. Мне от тебя только две дырки нужны.

— Как обычно?

— Да. Только дай минут пять - прогреть аналог мой, — попросил я.

— Ладно.

Я докурил, прошел через бар к сцене и взял припрятанную заранее сумку с аппаратурой. Предшественник мой смекнул, что пора завязывать и показал мне руку с растопыренными пальцами. Пять минут не жалко для хорошего человека, я кивнул ему в ответ.

Пока предшественник собирал свое оборудование, я достал Digitakt и «Ритм 2.0». Если говорить о монофоническом аналоге, то я надолго остановился на Ритме 2. В отличие от того же Korg MS 10, Ритм 2 не «ревет»: его фильтр не перегружался сильно. Потому я не залипал на этот рев, как обычно происходило с MS 10, и видел перед собой кучу остальных замечательных возможностей для синтеза. Двух коробок мне хватало. С одним семплером играть скучно, а работать в более чем три коробки - хлопотно. Три аппарата усложняют жизнь в геометрической последовательности. Везти сложнее, подключаться дольше, состраиваться - тем более. Я повидал ребят, которые тащат на выступление драм-машину, а то и две, и два клавишных аппарата, каждый не менее семи килограммов весом. Считаю их героями, но в том числе и безумцами. Забавно, но у таких ребят всегда отличная музыка.

Синтезатор я включил сразу, чтобы он успел прогреться и стабилизировать строй. Скоммутировал железо между собой, запустил тестовый паттерн. Не понимаю людей, которые требуют на настройку кучу времени, когда из железа только семплеры и синтезаторы. Модулярщикам и шумовикам это легко простить. Но если у человека только семплер и пару аппаратов, что там состраивать?

Роман был такого же мнения, подал мне стереопару, мы вывели звук на мониторную колонку и в зал. Без особого предупреждения я начал играть первый трек. Синтезатор я настроил кривовато, или поторопился, прогревая его. Поплыл злодей, не строил с семплером. Мониторинг, конечно, отвратительный, но я более менее подкрутил высоту звука как надо. Заиграл вторую композицию. В ней присутствовал момент, который надо было не прозевать и вовремя нажать пару кнопок. Когда дошло до него, я провел все манипуляции и окончательно расслабился, ничего сложнее уже не придется исполнять. Третий трек. Я подкрутил фильтр на синтезаторе, иногда подстраивал управляющие напряжения, посматривал на часы, Скука. Сколько мне тут еще торчать? У меня сет на сорок пять минут, формально - час за вычетом саундчека и последующего разбора оборудования.

1

Я подумал, что сорок пять минут мне не выстоять. Я не мог все это слушать по сотому разу. Если бы альбом с этой программой был издан, я прекратил бы играть программу, однозначно. Но я его еще не записывал, и мне стало тоскливо. Я чуть подался вперед и посмотрел, что там за микшер? Пишет ли он? Вставлена ли в него флешка? Вставлена! Меня это обрадовало. Решил - издам живую запись и все, к чертям, ближайшие пол года не буду выступать. Подумал, что отигрываю последний раз сегодня и прикрываю этот проект. Сколько же можно одно и то же, одно и то же.

2

Кажется очень неблагодарным и циничным? Так оно, наверное, и есть. Но уж как ощущаю, так и ощущаю. Все очень просто, ты ищешь звук, набиваешь секвенцию и мучаешь синтезатор до того момента, пока секвенция не станет жить своей органичной жизнью. И так годами. Нормальный человек, исходя из свойства диалектичности мышления, спустя некоторое время все это возненавидит. Только небольшая оставшаяся часть людей, для которых это не более, чем нюанс, станет крутыми инженерами, готовыми часто играть. У них совершенно особый

редкий менталитет. Таких людей заведомо меньше, чем выступающих артистов. Я подобного свойства не имел и делал все только для своей радости. В результате, если меня все это задалбывает, я прекращаю деятельность.

3

С подобными мыслями я отыграл четвертый трек. Пятый пошел. Пятый у меня самый молодой, я на него потратил меньше всего времени и он довольно халтурный. Но мне он больше всего нравился мне именно из-за этого. От него еще не тошнило, на тот момент. Я глянул в зал и подумал, что хватит и получасу. Хорошего понемножку. Тем более, ребятам после меня останется больше времени на сборы. Время выступлений немного сместилось вперед, а я очень удачно верну его на исходную позицию. Все только в плюсе останутся.

Шестой по счету я поставил самую надоевшую и самую ротируемую композицию. Она будет последней, но тут краем глаза я заметил Диму, хорошего друга. Пришел таки, тезка мой. Для него надо было поставить композицию из сборника, который он выпускал. Оно того стоит. Я уж потерплю еще минут пять, а Диме приятно будет. Я все же запустил седьмой, последний трек.

4

Завершив программу, я сразу выключил аппаратуру, убрал громкость на микшере до нуля, отсоединил провода и начал убирать железки в сумку. Сразу понятно, что сет закончен. Во время выступления, оказывается, пришли мои друзья Андреи. Один, как тот «дядюшка» из приключенческих романов, который объездил весь мир и знает все о эзотеризме. Другой, что самое смешное, такой же «дядюшка», тольк объездил всю Россию и знает все о контркультуре. Мы двинулись в курилку, захватив в баре по пиву, а там нас уже ожидал Константин. Мы обменялись новостями, и Андреи вернулись к сцене.

5

Слава нечестивым богам, следующий артист играл техно, я его не знал. Можно было с чистой совестью его не слушать. Народу в баре набилось неожиданно много, и к нему было не подойти. Мы с Константином пошли в заведение напротив нашего бара. Заведение это славилось блэк-металлическим антуражем и наличием соответствующим музыкальным сопровождением. Там было почти пусто, только бармен болтал с пареньком. Видел этого парнишку раньше, вроде бы. Судя по тому, как парняга поздоровался с нами, он нас тоже знал. Внешность такая, не особо запоминающаяся. Ровно такой типаж, которого ожидаешь увидеть в баре: средний рост, татуировки, одет в среднестатистический мерч. Парень мог иметь принадлежность к любой около-культуре, да ко всем разом. Парень спросил, кивнув в сторону нашего бара, где проходили выступления:

6

– Что там сегодня?

7

– Обычный разносол. Сейчас техно какое-то, – ответил Константин.

8

– Не любишь техно? – спросил парень.

9

– С ним так нельзя...Любить или не любить, – замеил я.

10

– Техно, оно как блэк-метал или индейка. У нее ж вкус не особенно явный. Как приговоришь, так и будет.

11

– Стиль - не стиль. Больше метод, – добавил я.

12

– И какое там техно? – спросил третий наш собеседник.

13

– Паскудное, – отрезал Константин, – калька с того, что сейчас массовое.
– Тогда останусь.

14

– Правильно, – заметил Константин, – хоть тут нас левиафан моды не достанет. Прордыху от него нет.

15

Мне стало немного грустно и я заныл:

— В барах еще пол беды. Плохо, когда левиафан твой прописывается у меня дома или в машине. Близкие, они как троянский конь. Нет нет, да и включают дома телевизор или радио, а там дичь, эстрадный угар или клубная содомия.

— И ты не можешь им ничего объяснить, без того, чтобы тебе не сказали: «будь проще». В лучшем случае, тебя просто назовут снобом, – заметил наш новый знакомый.

Мы со знанием дела покивали. Я немного лукавил. С близкими у меня был негласный договор, все свои худшие качества - снобизм, деспотизм и нетерпимость, я проявлял в культурных аспектах, оставаясь за их рамками практически агнцем. Невелика плата, как по мне. Но я еще недостаточно похныкал товарищам в жилетку.

— Снобы не работают на истощение десятилетиями в ущерб своему здоровью и достатку, — продолжил я.

— Так и есть - сизифов труд. Обогастил только твой собственный невроз. Хорошо, если над тобой просто беззлобно посмеиваются, – заметил Константин.

– Если так, считай тебе еще повезло, – ответил паренек.

Мы словно играли в игру, соглашаясь друг с другом по очереди.

Я вспомнил свой печальный опыт:

— Стараюсь контролировать себя, но я же не железный. Прорывает иногда. А в ответ: «будь терпимее, в кого ты такой тиран».

— После такого, остается только виновато улыбаться и помалкивать, — ответил Константин и продолжил: — Плохо. Но хоть в чем-то найди для себя плюсы. С паршивого левиафана тоже можно клочок шерсти поймать.

— Как например? – спросил заинтересованно наш с Константином собеседник.

— Как громоотвод для твоего негатива.

Константин умудрился и меня заинтересовать.

— Давай, поясняй, — скомандовал я.

— Люди несовершенны. Настроение у нас плавает. Жизнь, – начал было Константин.

Парнишка его перебил:

— На это и причин не надо. Поводы для перепадов настроения с потолка берутся обычно.

— Мы в этом профессионалы. Но речь не о том. Представь, что у тебя отложены к прослушиванию десяток заведомо великолепных альбомов. Из них, как минимум, три штуки покажутся неинтересными на фоне остальных, – продолжил Константин.

— Природа не знает эквивалентности. Мне настроения и внимания на все разом не хватит, – заметил я.

Константин согласился:

— Да. Два альбома ты забракуюешь, или три. А они могут быть вполне себе удачными и стоящими. Вот для того и нужна петушиная эстрада, рэп в такси и диджеи. Они забирают на себя избыток раздражения, твое дофаминовое дно. Выливай свою неудовлетворенность через громоотвод убогого радио эфира и телевизионного паноптикума сколько твоей душе угодно.

— Кесарю - кесарево, – наш новый товарищ заговорил поговорками.

— Выльешь, и слушай потом с удовольствием все десять хороших альбомов, – продолжал Константин.

—И волки сыты, и овцы целы, – опять выдал паренек.

Как бы его назвать? Неловко вышло, мы даже имени его не спросили.

Константин распалялся:

— В этом мире много негатива. Поэтому ему нужно больше битмейкерства, больше диджейства.

— Предлагаешь им молоко выдавать за вредность? — спросил я.

Константин пропустил реплику мимо ушей:

— Пусть они поглощают друг друга. В итоге их всех съест бесконечный поток ИИ. Чем больше, тем лучше. Большому негативу, большой громоотвод.

— Чем тотальнее культурная нищета, тем менее ее жалко. ИИ - бедный козел отпущения, – заметил парнишка.

Я еще не догадывался, что скоро огромный поток ИИ музыки действительно захлестнет все, что можно. А Константин уже чувствовал. Он ответил довольно резко:

— Вот пусть и идет к дьяволу в пустыню.

— Как робот-бомж из рассказа того фантаста, – припомнил я сюжет из далекого детства.

— Это там, где в мире будущего правительство населило города андроидами маргиналами для того, чтобы эту нишу не занимали люди? – спросил Константин.

— Оно, да.

— Лютый расизм с позиции трансгуманизма, – вставил свои пять копеек наш новый знакомый.

— А нечего пытаться объехать метафизику на кривой козе трансгуманизма, – довольно отозвался Константин.

— Тщета. От того трансгуманисты вечно недовольны. У них сама природа - расистка, раз эквивалентности не знает, — подтвердил я.

Мне еще более грустно стало. Приходим развеяться и поиграть, а в итоге толчем в ступе одни и те же разговоры. Константин посмотрел на топливо для философии, которого в стакане осталось всего-ничего, и словно уловил мои мысли. Он помялся и прогундосил:

— Обесценивание, ИИ и трансгуманизм - все это навевает эсхатологическое настроение.

Мне захотелось возразить, просто чтобы прервать круг взаимных поддакиваний:

— Оно не печальное, даже праздничное немного. Эсхатология - очищение и исправление. Популизм - точильный камень идей.

Вообще-то я хотел сказать совсем другое, что время идет, а мы не умнеем. Но сливать негатив на усталого друга поостерегся.

— Вроде того, что если кто-то в мире бесконечного ИИ все же возьмет в руки железный синтезатор, то у него серьезные мотивы? — спросил Константин.

— Да, вроде того, — ответил я.

Сам я, правда, как раз не планировал на пол года что-то в руки брать, и стыдно мне не было. Напротив, надо быть честным с собой: если мои образы не желают овеществляться, то они еще не дозрели. А если они изначально слабые, то пусть сгинут. Как известно - падающее следует еще и подтолкнуть.

То мое возражение переключило общий настрой компании с солидарности на оппонирование. Парнишка вполне приветливо, но с некоторой иронией, проговорил:

— Если самые важные твои проблемы - такие, то ты - счастливый человек.

Меня это задело, потому-что парень, по логике, прав. Но я себя счастливым не чувствовал.

— Так не спроста же боль эта вся. Ты сам-то играешь? — спросил я, чтобы парнишка не задавался.

— Нет, — ответил тот.

— Странно, — заметил Константин, — сейчас все играют. Спроси у бобика, бегущего по обочине Золотого Кольца, не записывает ли он музыку. Тот ответит: «гав, гав, качай мой гав-кор в сети».

Но парнишка ответил со смехом:

— Никогда не играл, просто рядом стоял.

— Вот и не понимаешь тоску нашу, — назидательно ответил я.

— Прямо таки тоску? Дела все переделаны, чтобы время на тоску появилось?

Парень должен был давно нас взбесить, но он был настолько не напрягающий и не экспансивный, что мы очень спокойно реагировали даже на довольно агрессивные его реплики. Будто приняли условия игры: не допускать бессмысленных и пустых эмоций.

Константин решил чутка парнишку подзадеть:

– Видно, ты - деловой прагматик рационалист.

Тот ответил:

– А ты - еда для твоего левиафана.

Мы даже засмеялись с Константином, парень был не промах.

– А ты не обольщайся. Ты - крипто-интеллигент, – заявил он мне.

– Почему «крипто»? – спросил я.

– То есть ты уже согласился с тем, что ты интеллигент? – вставил Константин.

Я начал оправдываться:

– Мне рабочий класс ближе. Сейчас, когда рабочего класса и нет почти, то снулого «айтишника» можно под рабочего прописать, хоть на пол-шышечки.

Наш новый знакомый ответил:

– В тебе от рабочего - только рудиментарный гештальт. И тот - не закрыт. Поэтому ты и крипто-интеллигент. Нужно тебе одно, а занимаешься другим.

– Каких еще слов модно ожидать от прагматика рационалиста? – засмеялся я беззлобно.
– Пошли курить.

16

Мы вернулись во двор, который для обоих баров был, по сути, общим. Подошла знакомая и спросила, когда я буду в следующий раз выступать. Сказала, что ей очень хочется послушать. Не более, чем реверанс. Понимаю, поощряю. Ответил, что в следующий раз буду играть через пару месяцев. Соврал, но очень по доброму. Она и сама уже назавтра забудет. Так или иначе, она напомнила мне про концертную запись. Благо звукооператор сам подошел к нам, закуривая на ходу.

17

– Ром, ты звук писал? – спросил я его.

18

– Писал, писал.

19

– Скинешь мне запись?

20

Роман замешкался, посмотрев на нашего нового товарища, а потом как-то очень рассеяно ответил:

21

– Постучись завтра к вечеру. Ладно?

22

– Спасибо.

23

Роман постоял молча, посмотрел на нас, а потом произошло странное событие. Он протянул руку парнишке и произнес:

24

– Привет, прости, не узнал. Имени не помню, рассеянный стал.

25

Паренек что-то ответил и пожал руку в ответ.

26

К своему стыду, я сам был не менее рассеянный и не запомнил имени нашего нового знакомого.

27

Роман кивнул, скорее себе, чем нам, с таким видом, будто проверил некоторую свою гипотезу и удовлетворился результатом, а потом убежал работать по звуку дальше.

28

Ну и ладно, вот и обнаружили за ним странности, теперь можно уже не считать его безумно адекватным. Я больше за альбом радовался. Запись у меня будет завтра, значит прикрою наконец ненавистный проект.

С выступлениями все просто, это отчет о проделанной работе - школьный, институтский и офисный рудимент. Не изжил я в себе музыкальную школу, которую бросил, чем, скорее, горжусь. Можно убрать мальчика из музыкальной школы, но нельзя музыкальную школу убрать из мальчика. Лайв превращается в «отчетный концерт» по классу «занудный эксперимент». Но почему альбом так важен, если ради него столько мучений? Будто бы исторически сложившийся момент. Во-первых, альбом легитимизирует музыкальный проект. Ты можешь играть сколько угодно и где угодно, но пока ничего не записано, то нет и некоторой точки либо отсчета, либо завершения. Альбом, это что-то вроде «дипломной работы», которую худо-бедно зачли.

Дело не только в формальностях. Изначально, еще в нулевых, в мире старых парадигм, альбомы слушали без реклам, продвижений и прочей содомии. Потому они казались некоей вехой, удобряли локальный историзм. Любой, даже дерьмовейший альбом был, так или иначе, прецедентом. Он мог быть часовым, а мог быть и «эйпишкой» минут на двадцать, не важно.

29

Ною ли я о старых временах? Совсем нет, даже напротив. Чего хорошего в том, чтобы слушать даже то, чего лучше было бы и не записывать вовсе? Ничего хорошего. А то, что альбомы стало проще делать, чего в этом плохого? Абсолютно еичего страшного. Но подобный формат выпуска музыки себя изжил, а нового формата, который казался бы ограничен, придумать никак не получается.

— То есть ты считаешь, что он пытается закрыть гештальт рабочего музыкой? – говорил Константин запальчиво.

Я вернулся мыслями к сотоварищам. Обо мне спорят, значит?

– Нет, наверное нет, – отвечал знакомый без имени, – рабочий полнится работой. Это даже дурак понимает.

– Вот мы и работаем. Днем - на айтишной своей работе, вечером звук мучаем, – отвечал Константин.

Что характерно, я бы ответил примерно так же.

– Парни, вы тут про меня без меня спорите? – вклинился я.

– Да, – ответил Константин, так, будто это было абсолютно нормально и корректно.

– Ты почему музыкой занимаешься? – спросил меня парень.

– Как почему? Исследую пространство идей, пробую виды материи на вкус, – ответил я дежурно.

– Ты как крипто-интеллигентный бобр? Должен обязательно что-то грызть все время? – уточнил безымянный знакомый.

– За исключением твоей «крипто» гиперфиксации, метафора отменная, – согласился я.

Парнишка с самым серьезным видом заявил:

– Мне кажется, прости уж, что ты подсел на музыку - был ею удачно искушен. Попав на ее крючок, сам взялся искушать, с переменным, конечно, успехом.

– Ты уже достаточно гадостей сказал, чтобы извиняться еще и за это, – опять рассмеялся я. – Почему акцент именно на искушении?

Тут взял слово Константин:

– Есть тут момент, связанный с искушением. Выводя музыку в публичное поле, ты манифестируешь, высказываешь. А мне еще в детстве отец объяснял: если мне кто-то что-то втолковывает за рамками дома, то этот некто от меня что-то хочет. Тем сильнее, чем больше обещает и объясняет. Что хочет от тебя музыка? Что она обещает?

– И что ты хочешь, когда делаешь музыку? – подлил масла в огонь безымянный товарищ.

– Ты так говоришь, будто уже знаешь ответ, – ответил я оппоненту.

– Не знаю, – признался тот. – Я поддаюсь на искушение, как и все. Только вот чем искушаюсь, не понимаю.

– Властью. Властью накручивать на мир другое настроение, – ответил я и пояснил: – Музыка, из плотского мира, полного напряжения, заключенного в материи, делает прекрасный сад.

– Прекрасный, пока сам за это дело не возьмешься. А на деле - сад пыток, – прогундорил Константин.

– Оправдывает ли музыка пытки так же, как оправдываю музыку я? – спросил паренек.

– Это тебя спрашивать надо, – заметил Константин.

– Музыка ничем нельзя оправдать, кроме того мира, который мы должны сами построить, – сказал я заведомо глупость, больше из озорства.

Безымянный товарищ отсалютовал пивом и тихонько запел:

– Мы наш, мы новый мир построим. Кто был никем, тот станет всем...

– Вопросы апологии музыки - дурная тема. Мы сломаемся, – подитожил Константин.

К нам подходили знакомые ребята и девушки разных возрастов, социальных срезов и культурных оазисов. Диалог наш рассыпался, что радовало меня. Время было позднее, мы сами не заметили, как все выступления закончились. Стояли, общались, занимались обоюдной деконструкцией наших взглядов друг на друга.

Мне было лень тащить домой аппарат, хотелось еще прогуляться по ночной столице. Я решил заехать за сумками через пару дней и оставил их в подсобке у Романа. Мы с Константином попрощались с безымянным новым товарищем и рванули пешком по бульварам. Прогулялись неплохо, хотя мне было бы еще лучше находиться одному в лесу. Все, потому, что Константин непрестанно гундосил:

— Есть один парадокс, который спасает и от тотальной культурной войны, и от заикленности на ИИ. Музыка есть власть только при одном условии: когда ты сам решаешь что делать. Если ты не знаешь, что ты делаешь, то ты и не знаешь, сколько в музыке по-настоящему твоего. И непонятно, твоя воля реализуется в творении, или чья-то воля реализуется посредством тебя.

Я лениво отвечал:

— Поварись в попытках сделать что-либо, и быстро поймешь, что ничего своего никакой «артист» не создает. Тебе ли не знать? Акта творчества на уровне человека, «создающего» некоторое «искусство», не происходит. Горе-«творец» заворожился образом, влюбился в него, а уже потом претворил в жизнь. Очевидно же, что этот образ существовал до самопровозглашенного «творца». Все, что можно любить, находится вне времени.

Доказать я это не мог, но даже не верил, а знал, что это так. Константин не стал спорить, только прокомментировал:

— Тогда лучшее, на что мы можем рассчитывать, так это на следующую идею: если мы резонируем с образом, который любим, то, возможно, наши структуры схожи, а, стало быть, мы сохраним в себе небольшой кусочек вечности.

— Да, да, — сонно отвечал я.

Всего-то и стоило, прогуляться немного, чтобы все стало на свои места. Сейчас я описываю тот летний момент и возвращаюсь к своей дежурной мысли, что музыка творится в ушах слушателя. Эта идея опять занимает меня. Не знаю, что с ней делать. Я так долго с ней носился, что сам от нее устал. Более того, она начала меня настораживать. Я боюсь, что если не могу воспринимать новую музыку, не говоря уже о том, чтобы писать, то не кончаюсь ли я? Моя воля к власти уже превратилась в волю к воле, да и той начинает нехватать.

Как я ехал домой в такси, уже и не помню. Помню, что в ту ночь я долго не мог уснуть, выходил на балкон покурить каждые пол часа. Под утро летнее небо на севере отливало латунией, к востоку оно уже переходило в золото, а потом и в медь. Где-то там должно было скоро появиться солнце. Наверху небо было как сталь всех цветов побежалости. Смотрел я на эту картину и испытывал блаженную тоску. Хотелось мне туда, между латунией и медью, аккуратно в золото. Там меня словно бы ждало обещание какого-то дивного мира, но, благо, не нового. Казалось, я слышал где-то на периферии ощущений хор голосов, как тогда, в хрущевке у бабушки, в ночь отхода Зинаиды Агафьевны в иной мир. В ее случае, вероятнее всего в тот самый, дивный мир.

Тогда меня и сморил сон. Я грохнулся в кровать, а засыпая думал о том, как здорово будет завтра получить альбом, издать его без мастеринга в цифре и забыть навсегда. Я предвкушал последующее свое спокойствие. Особое такое чувство, когда ты получил результат, и тебе уже ничего от него не надо. Ты спешишь пожить жизнью нормального человека, пока опять не захлестнула волна бессонницы и образов, насилующих мозг в попытке овеществиться более или менее целостно.

Через пару дней я поехал за своим оборудованием. Когда я подходил к бару, из него вышел Роман с сигаретой. Увидя меня, он даже не кивнул, а развернулся и ушел обратно. Через минуту он вышел с моей сумкой и молча потянул ее мне.

— Привет, — сказал я протянув руку.

— А! Да, привет, — ответил Роман.

Я особо не удивлялся изменениям в его поведении. Был адекват, да сплыл. Дожала нелегкая стезя еще одного звукорежиссера. Тут я вспомнил последнее наше посещение бара:

— Не помнишь, как того парня звали, который с нами таскался?

— Никак, — ответил Роман со странным выражением лица.

— То есть? — удивился я.

— Не было никакого парня.

— Не понял?

— Это был «третий», — тихо проговорил Роман.

— «Третий»?

— «Третий», — еще тише ответил звукорежиссер.

— Поясни.

— Их проще «третими» называть. Так-то они могут быть и «четвертыми» и «десятыми». Но тогда они совсем уже неуловимы. А если вас с другом всего два человека, то обнаружить «третьего» проще. В одиночку их не поймать.

— Так кто-же это такие?

— Бог знает, но не люди.

— Что за глупость?

— А тебя самого не удивило, что ты имя того типа не запомнил, и лица не помнишь? А голос, слова? Говоришь с ним, как сам с собой. Словечки те же, обороты.

Роман попал в точку, а потом и вовсе добил меня:

— «Третий» - не человек. На видео и фотографиях их нет. О «третьем» не все и вспомнят из компании, к которой он присосался.

— Как же мы его увидели?

— Кто бы знал.

— А ты их, значит, видишь?

Роман почти шептал, выпучив глаза:

— Вижу. Постоянно. «Третих» в столице очень много. Все, как на подбор, разные и одинаковые одновременно. Все неулавливаемые, на одно лицо. Но тем они и хороши, в них не пачкается, как в настоящих людей. От них не разит эмоцией. Не оболочка и не фантом. Сущность рожденная барными картами Москвы, рекомендациями о том, как провести выходные. Кровь у них из ИПЫ и сидра. Плоть из лучших бургеров «Покровки», бутикового текстиля и целлюлозы с километров пленки, на которой сняты сумеречные спальные районы.

Горящая сигарета приклеилась к губе звукорежиссера, он про нее забыл, рискуя обжечься. Сам он уже не говорил, а распевно подвывал:

— Идентичность на недо-эстетике панелек сделать не получилось, а легион «третих» - пожалуйста. В глазах диоды из городской иллюминации, а у тех, кто посильнее, зрачки прямо на веках вытатуированы! Да и остальная кожа покрыта непонятно чем чернильным. Одежда из коллекции, которая выйдет только завтра. Рукопожатие не случившееся, а дыхание с глицерином.

Роман резко замолчал.

— Чем они опасны? — промямлил я.

— «Третьи»? Пугают. Но они не злые и не добрые. Они сами ждут, когда ты им скажешь, какие они. То ли бывшие домовые, напуганные организационными чатами подъездов. То ли души добрых людей, которых выгнали из тела осознанность, и аффирмация, и медитация на комфорт.

— Тульпа?

Звукорежиссер зашипел на меня, как змея и пояснил:

— Чур меня! Не говори так, крайне вредно. Они кормятся столичным вип-буддизмом и разговорами о Линче. Это все питает «третих».

Занятная история. Стоило бы придумать свое название для таких сущностей. Почвенное. То, которое позволит бесхозным духам наконец укорениться в матушке земле. Там глядишь, расчистится место для настоящей культуры. Хотя о чем это я? Глупости говорю на старости лет. Я ответил Роману:

— Ты так говоришь, что оторопь берет.

— Оторопь берет от того, что они совсем нормально воспринимаются. Тут в баре нет разницы никакой между нами и ими. Теперь и думай сам, что же за место такое - бар.

Роман резко обернулся, приняхался и убежал в помещение. Жаль, добила парня среда. А мне бы стоило задуматься о том, как не оказаться на его месте.

Я взял сумки и несколько в удрученном состоянии побрел к метро.

Казалось бы, концерты должны приносить радость и удовольствие. А работа звукорежиссера, так и вообще - вечный праздник. Но вечный праздник ломает почище иного быта.

Бог с ним, со звукорежиссером. Выступление-то прошло весьма неплохо. Хотя были и поинтереснее мероприятия, где мы с друзьями грели привозы. Были фестивали, относительно небольшие, но, в виду очень узкого специалитета, более чем удачные. Были и откровенно провальные выступления, где мелкие модницы просили меня поставить что-то поинтереснее, пока я крутил модуляр.

На случай провальных мероприятий у меня всегда в рукаве были припасены определенного рода козыри. Если концерт организовывали расхристанные йогини, я вставлял в выступ-

ление песнопения ливанских христиан-фундаменталистов. Звучало очень ориентально, как они любят. Для конsumerистских фестивалей с диджеями, я семплировал выдержки из манифеста футуризма. А среди любителей трансгуманизма, пускал интервью Хайдеггера. С таким подходом даже самое провальное, в культурном плане, мероприятие доставляет искреннюю радость.

Однако, я забросил данные практики, так как позже стал играть только на мероприятиях друзей. А зачем мне над друзьями издеваться? Даже если я и взбрыкну и перегну палку с культурным глумлением, они только умиляться будут и головой кивать. Добрые.

Представьте, откололи вы едкую музыкальную шутейку, а окружающие ее слишком хорошо поняли и соглашаются с ней. Начинаешь резко взрослеть. Не к лицу человеку за тридцать проявлять какие-либо революционные и контркультурные рвения. И вовсе не потому, что они не сочетаются с нарочитой зрелостью. Все проще. Когда сегодняшние революционеры борются против «консерватизма» и «закостенелости», они идут против детей революционеров позапрошлого сезона. Зачем мне раскручивать это беличье колесо? Если человек после тридцати этого еще не понял, то, согласитесь - он обнаруживает некоторую несостоятельность мышления, либо играет удобную ему роль.

А там и другие неуместные мысли в голове просыпаются. Например, о том, что же дальше делать, когда гештальт на культурное хулиганство закрыт? ЗАкрыт он, закрыт гештальт отчетного концерта. И гештальт эксперимента, и даже гештальт внутренней выработки, гештальт «дипломной работы» - все они закрыты. Что дальше? «Прогрессировать»? Беличье колесо не превратить в лестницу Иакова.

Да и достаточно уже было отличнейших моментов. Самые лучшие выступления у меня прошли с моим другом, гитаристом Александром. Так мы один раз играли «неокраут» на серии джазовых мероприятий. Это не шло в пику джазистам, напротив даже, было воспринято положительно с их стороны. Я даже фотографию себе с мероприятия сохранил, из сентиментальных соображений. Я там лысый и дистрофичный с басом стою справа, а Александр, длинно-волосый и могучий, стоит слева с гитаркой.

Не помню, когда мы придумали шутку про «неокраут». Я не знаю, что это такое. Представить такой стиль, конечно, могу, но практика показывает, что оформленного легитимного «неокраута» в природе просто не существует. Поэтому мы в шутку и обозначили наш проект как «неокраут» и творили под его вывеской все, что хотели. Судя по всему, так поступают все, кто делает «неокраут».

С Сашей же и нашим общим другом басистом мы удачно поиграли на каком-то электронном фестивале сладж. Ничего не сравнится с чувством триумфа, когда видишь как любители плясать стремительно покидают помещение.

С этим же проектом мы отметились в Парке Горького, на мероприятиях, которые проводили под патронажем какого-то известного продюсера или театрала. Бог его знает. Нас позвал туда играть знакомый звукорежиссер. У входа в парк разбили шатры и на полукруглый свод проецировали звездное небо. Вообще говоря, у звукорежиссера был свой лейбл и куча друзей, которые могли бы играть там. Но он позвал именно нас, по той причине, что нас не очень жалко. Звук в таких местах заведомо проблемный - первый блин обещал быть комом. В то время музыкальная тусовка Москвы, как и вообще «культурка» как таковая, были в крайней степени поражены идеями франкфуртского марксизма. Недолго думая, я наваял амбиент-кавера на артиста, который подвергался тогда всеобщему остракизму за свои непримиримые позиции в отношении любого «модерна» в принципе. Послушать нас пришло всего два человека. Зато пока оба зрителя паялились на проекции в потолок, мы мило попили коньячку и получили за это действие аж три тысячи рублей наличными.

Может мне стоило бы и подробнее рассказать о наших практиках, но надо оставить материал и на потом. Главная моя мысль следующая: хорошо то, что вовремя закончили.

Ассамблея

Описанный выше образ жизни не мог не привести нас в один прекрасный апрельский день в леса под Гжель. До изоляции оставалось пару лет. Как сейчас помню, мы сидели на лесной полянке большой компанией. Жара дневная еще не спала. Сумерки уже — небо темнело. Посередине поляны небольшой костер дымился сильнее, чем грел. Мы запалили его от комаров. Вокруг был разбит палаточный городок. Константин, Александр и я прямо на земле лежали на пенках. Звукооператор Роман с незнакомой нам девицей на бревнышке напротив сидели. Роман с последней нашей встречи привел свою голову в некоторый порядок, что не могло не радовать. Артём на рыболовном стуле устроился. Он приехал аж из самого Владимира. Он, будучи сам довольно могучей комплекции, смотрелся в рыболовном кресле очень патриархально, глядел на нас, негодников, по доброму, поглаживал бороду и изредка лениво жестикулировал во время дискуссии.

Тут бы написать про благостное настроение. Но у меня спина болела и тревожила необходимость ехать на следующий день по пробкам домой. Мы приехали на фестиваль выступать. Организатор, отличный человек, делал все на совесть, и, в целом, парень был свой. Люди на фестивале такие же старые знакомые. И с погодой повезло.

Друзья болтали, курили, прихлебывали чай и отдыхали. Мы с Сашей дуэтом выступили еще вчера вечером, после нас сразу играл Артём. Константин отыграл под утро. И если мы уже расслабились, то Роману надо было часто отвлекаться на сцену для контроля звука. Сцену установили на полянке побольше в метрах ста от палаточного лагеря. Народ весь там ошивался. А мы отдыхали возле палаток в относительном уединении. Болтали о разном самом. Я то терял нить разговора, то обратно подключался.

Знакомая Романа была очень активной девушкой, болтала много - развлекала нас. Все бы хорошо, но тут она ответила на какой-то тезис Константина:

– Если бы я выбирала себе религию, то мне ближе всего был бы буддизм.

Эту фразу я частенько слышал, слово в слово. Клише расхожее. Значит своих мыслей там нет. Я как-то сразу потерял интерес к барышне. Если немного глубже капнуть, то понятно, что для понимания теизма, в человеке должно быть некое великодушие, будь то монотеизм или политеизм. А если великодушия нет на теизм, то и на другого человека точно не будет. Сама же фраза «выбирать себе религию» для меня - как красная тряпка для быка. Я еле сдерживался, чтобы не наговорить гадостей сверх меры. А вот Константин ни в чем себе не отказывал. Он ответил:

– Не понимаю буддизм, он все краски жизненные прибавляет.

– Это сложно понять, – проговорила девушка с просветленным видом, – ты должен освободиться от своего эго.

Голос у нее был спокойно-циничным такой, с душком поставленной респектабельности, как у условно молодой актриски из русского «актуального» кинофильма. Какой актриски? Да любой.

Саша с Темой заулыбались, я наострил уши. Еще бы, Константин все прекрасно понимал в отношении буддизма, гораздо лучше «ню-эйджевой» барышни с цветными волосами и в хиппанских портах. Он очень неплохо во всем подобном разбирался. Знания остальных, включая меня, ограничивались максимум комментариями к «комментариям», и то, прочитанным в двадцать лет на скорую руку. Константин поглядел на девицу вопрошающе и театрально серьезно произнес:

– И как же мне от эго освободиться, медитация поможет?

Девушка поняла, что над ней издеваются, вспыхнула и почти прокричала:

– Шовинисты! Сексисты!

Она вскочила, взбешенная, и убежала в кусты по направлению к сцене.

– Не слишком ли эмоционально для латентной буддистки? – заметил Константин.

– И как мы оказались сексистами? – удивился я.

– Нам не понять.

А потом я некстати ответил Константину:

– Ты свое эго придушишь, если альбом сотрешь.

Я просто размышлял без задней мысли, но у Константина глаза загорелись.

– Слушай, а это идея. Даже не в эго дело.

– Ты что, реально альбом тереть будешь?

– По крайней мере, подумаю о такой возможности. Имею же право. Это концептуально.

Тут не про эго вовсе, это же полноценный ритуал. Сгустил и расстворил.

Саша с серьезным видом заметил:

– Больше похоже на заклятие кошки в фундамент дома. Или другое жертвоприношение.

Мне вспомнились французские писатели - любители самострелов на парижских мостах.

Так и выглядит убийство эго, если ты материалист. Вроде как единственное возможное самостоятельное волеизъявление.

Роман меня опередил, будто в отместку за то, что Костя согнал с бревна девчонку, сказал:

– Да ничего особого: ни концепта, ни размаха. «Достоевщина» современности. Раньше хотя бы спрашивали: «тварь я дрожащая, или право имею топором поработать?». А мы тут размышляем, про то, как бы свой альбом стереть.

– Так Кали Юга же, – хохотнул Артем.

– По твоему это плохо? – спросил я.

Я специально задал вопрос так, чтобы было непонятно, спрашиваю я про Кали Югу или «достоевщину». Мне даже интересно было, про что подумают ребята.

Ни в отношении «достоевщины», ни в отношении Кали Юги сам я пока позицию не выработал. Впрочем ответил Роман именно по теме «достоевщины»:

– Не знаю, там же вымысел, в «Преступлении и наказании». Сам Федор никого не убивал.

Саша его поддержал:

– Именно так. Он всего лишь писал о убийстве. Мы путаем разные уровни абстракции.

Уничтожение альбома не сравнить с убийством. Более корректно с сожжением рукописей сравнивать.

– Рукописи горят? Вроде не горят? – спросил Роман.

Я тоже задумался о том, а горят ли рукописи? Как-то я завалил в очередной раз экзамен по теории вероятности в институте, и преподаватель сказал мне: «Дмитрий, не выучили. Думали проскочить? А ведь все тайное становится явным». А я, помню, ответил: «Так понимаете, тут «все» - неполное. То тайное, что явным не стало, не попало в статистику». За этот тезис мне поставили тройку и отпустили с миром. Так что, может, рукописи отлично даже горят. Мы ничего про это не знаем. Но я не стал рассказывать эту историю, просто ответил:

– Есть большая разница между рукописями и альбомами. Рукописи сложены из набора одинаковых букв и слов, а музыка из разных неповторимых звуков. Музыка вся разная. Сжигая рукопись ты урезаешь от пространства комбинаций тридцати трех букв. А стирая альбом, уничтожаешь практически материю. Сие есть тайна великая.

– Музыка разная? Глупости, сейчас вся музыка вторична, – отмахнулся от меня Константин.

Саша смеясь парировал:

– Да как музыка может быть вторична, если я дважды не могу одинаково сыграть даже ту партию, которую сам написал?

– Музыка могла бы быть вторична, если бы создавалась человеком. Но ее создает слушатель в моменте, – выпалил я на одном дыхании.

Константин выматерился сквозь зубы. С идеей, что «автор» не создает музыку я носился с институтских времен и давно всех ею достал.

– Интересно: стирая альбом, убиваешь ли слушателя? – поинтересовался Артем.

Действительно, интересно. Хотел бы я убить слушателя? Нет конечно. Я спросил об этом ребят, они хором наперебой загудели:

– Нет... Вообще убивать не тянет... Да зачем мне... Смысл?

А меня удивило, что я ношусь с идеей творения в мозгу слушателя уже лет пятнадцать, а ни разу не подумал про то, является ли удаление произведения убийством творца.

Артем подкинул еще одну идею:

– Если слушатель - творец, то его убийство - сатанизм. Это же акт отрицания творения. Последовательный антикосмизм.

Я парировал:

– А имеет ли тут место творение? Всюду вторичность, обилие повторений. Наоборот, бесконтрольная генерация контента снижает долю аутентичного. В ней самой и есть сатанинский анти-космизм. А стирание, это бритва Оккама. Она отчищает, как огненный меч Архангела Михаила.

– Ты сейчас очень неправ. Ты думаешь, что потеряв свой альбом, снизишь энтропию системы. Точно ты ее сначала поднял, когда альбом делал. Энтропию можно понизить, если уничтожить чужое, то, что сам не писал. Но так нельзя - у нас не культура отмены, у нас культура совести, – поправил меня Саша.

Его, видимо, не отпускала идея о жертвоприношении. Он продолжил рассуждать с учетом новых вводных:

– Стирание есть не столько убийство, сколько жертвоприношение в изначальном смысле. Стирание артистом творения или убийство слушателя, это ритуал плодородия. Высвобождение энергии из излишков материи, концентрированной ее формы. Перевод в другой вид энергии. Вроде парового котла.

Тут, признаться, я стал опять вполуха слушать. Не просто отвлекся, а почти задремал. Носом, по крайней мере, клевал знатно. По нескольким причинам. Во-первых я очень удобно лежал на пенке. Во-вторых, со сцены звучало нечто медитативное. В-третьих, Саша интересную тему поднял. Я начал усиленно его слушать и переусердствовал. Так внимательно вслушивался в его размеренную речь, что она меня загипнотизировала. Саша преподавал гитару и по конструктивной матчасти очень много знал. В его голосе успела выработаться та ценная профессорско-преподавательская нотка, которая заставляла меня спать на лекциях в институте. Чем старательнее слушаешь, тем быстрее засыпаешь. Натуральный гипноз.

Что самое важное, получасом ранее к нам заскочил наш общий друг. Он напоил меня чудесным расслабляющим заморским чаем. В первый раз тогда он причастил меня своим чаем. Пройдет еще лет пять, и я буду специально справляться, идет ли он на какое нибудь мероприятие. Ведь если он будет со своим чаем, я не буду от скуки пить пиво. В тот раз пошло было действительно убойное.

Повелитель чая всего минут двадцать назад ушел к сцене, а я был уже как мешок с прелыми листьями: полон блаженной лесной неги.

Я слышал как Константин по комариному зудил:

– Саш, ты...

И все, я выпал. Точнее продолжил лежать. В дреме я валялся на диване с полузакрытыми глазами и так же остервенело клевал носом. Собирался отложить что-то недочитанное мною и поспать. Проваливаясь в небытие я попытался посмотреть, какая страница открыта. Но не смог.

Сквозь занавески в комнату проникал приглушенный дневной свет. Я угадывал очертания облаков на фоне синего неба. Лето, окно открыто, я в майке и шортах, вроде бы. Где-то в квартире телевизор работает и посудой стучат.

Книга с шлепком упала на пол, но не поколебала моего намерения отрубиться. Со стороны коридора эхом зазвучали нагленькие быстрые шлепки голых пяток по полу. Уши засыпают позже глаз и мозга, я отчетливо все слышал. Шаги раздавались очень характерные, те, которые притворяются вкрадчивыми и тихими, но на самом деле вдвойне громкие. Раздавались они уже у входа в комнату. Я приоткрыл один глаз, но не сильно, ровно так, чтобы имитировать сон. В проход двери просунулась голова. Пигалица мелкая, лет пять от роду, смотрит на меня и шепчет, очень громко:

– Спишь?

А я молчу, надеюсь, что она не заподозрила, что я не сплю.

Мелкая начинает красться по направлению ко мне, а личико хитрое-хитрое. На полпути она роняет расческу, та с грохотом валится на пол. Бестия наглая все это комментирует громким шепотом:

– Ой!

Смотрит на меня, а я сплю, очень старательно.

В итоге эта коза надувает недовольную рожицу, задумывается, а потом достает из пижамных порток маленькое солнце и протягивает мне. Оно по краям золотистое, а внутри, в самой сердцевине, белое, но не слепит. И я глазею на него уже во все глаза, а девчонка кривит довольную улыбку, поймала меня на притворстве. А я и не против, я довольный, мне интересно, что дальше будет.

Но дальше только белизна карманного солнца и гнусавый голос Константина:

– ...в интересное русло все повернул. Стоит это обдумать хорошенько.

Я обещал снов не описывать, но это и дремой-то не назвать, так, фантазия на четверть секунды. Не считается, если даже Константин фразу договорить не успел.

Роман, видимо, самую ничтожную малость нервничал из-за того, что находился вдали от сцены. Ему стоило бы сейчас мониторить звук, а мы его, как-никак, отвлекали от работы. Он чуть раздраженно заметил:

– Так бесконечно можно накидывать. Артем всегда о космизме говорит, а Саша о жертвоприношениях. Дима опять про творчество в голове слушающего. Костя о ритуалах грезит.

Константин захихикал:

– Как всегда, каждый о своем. Диман, помнишь ты молодой читал «Рождение трагедии из духа музыки», и думал, что «трагедия», это буквально трагедия. Все время болтал по поводу этой идеи, инспирировался направо и налево. А когда оказалось, что речь идет об античной трагедии, обиделся на Ницше, почему-то. Хотя сам облажался.

– Было дело, – буркнул я.

Константин, засранец, смутил меня перед друзьями. Тыкнул носом в детскую наивность. А мне, признаться, до сих пор нравится идея воспринимать «трагедию» в «духе музыки» как трагизм материи, а не античный театр. В таком прочтении труд старого ворчуна гораздо интереснее, чем в оригинальном. Спас положение Роман, он вернул нас к насущным вопросам:

– Меня бесит, что вы - сволочи, так тут и останетесь болтать, а мне бежать надо.

Он ласково нас обматерил и ушел.

Саша заметил, посмеиваясь:

– Вообще Рома прав. Мы тут мечем каждый свои мысли. А началось все с эго.

Я сразу вспомнил нашего общего с Артемом друга, который говорил о том, что каждый видит в тексте что-то свое. Артем, словно подслушивая мои мысли, заметил:

– Один друг художник именно так про Таро объяснял. Мы смеялись над тарологинями. А он заметил, что Таро все же работает. Абсолютно не важно, какие карты выпадают. У каждого

будут свои мысли в отношении к раскладу. Поэтому кажется, что карты выпадают не случайно. И это не значит, что человек не вынесет что-то полезное из расклада.

– Главное, чтобы образы были более менее универсальными, – заметил Саша, — вроде идеи Борхеса о сюжетах, которых четыре на всю литературу. Хотя, именно к ним много вопросов.

Он был чертовски прав. Относительно универсальные образы вводятся в массовую литературу так, чтобы каждый читатель имел возможность почувствовать их близкими себе. Таро или мифы, или психологическая школа, это набор универсальных образов. Образы развертываются в мозгу читателя по своему. Каждый читатель воссоздает героев, сюжет и картины местности из ограниченного количества слов. Но создаваемые образы гораздо сложнее букв в тексте. Это очень похоже на идею творчества в голове слушателя. Поэтому я не стал об этом говорить. Меня за эти мысли опять коллективно подвергнут остракизму. Я просто сказал:

– Это основным механизм работы любых гаданий и спекулятивных психологий - предоставить набор универсалий. Такой набор идей, который в совокупности дает все целиком. Человек в них всегда обнаруживает что-то свое.

– О, давайте свою систему создадим, – заинтересовался Артем, – Вот, например - жертва и жрец.

– Надо чтобы модно и научно было, тогда люди поведутся, – заметил Константин, и продолжил: – Дающий и берущий. Нет. Собирающий и раздающий. Это будет первый срез. Второй срез - активный и пассивный.

– Третий срез - актер и зритель, – вставил Саша.

Артем подытожил:

– Не зритель, а созерцатель, так романтичнее звучит. И все, достаточно. У нас уже есть готовая психологическая школа. Сейчас наплодим «активно собирающих созерцателей», «пассивно раздающих актеров».

– Через пол года появятся психологи, сертифицированные по канонам нашей школы, – заметил Константин, – Это скучно, давайте придумаем какое-то гадание, вроде Таро.

– Как по книгам? Открывать на случайной странице и зачитывать? – спросил я, и, в виду определенного опыта, заметил: – Надо тщательно книгу выбирать.

Артем прокомментировал:

– Если гадать, то не на диалогах Платона, это точно. Надо так, чтобы четко было все и интересно.

– На Откровении Иоанна Богослова, – предложил Саша.

– На Чиоране гадать можно, куда ни ткни, ничего хорошего, — заметил Константин.

– Понятно. Признайся, ты его последним и читал?

Константин просто кивнул, но вместо того, чтобы открывать книгу в телефоне, сказал:

– Давайте, что-ли, к сцене сходим, ядом в музыкантов поплюем, обсудим железки.

Ребята поднялись и побрели к сцене.

Я же скачал Чиорановские «силлогизмы», полистал, и быстро пришел к выводу, что гадать на них не стоит: настроение не поднимет, а разлагаться в желчи мы и сами умеем не хуже автора. Не успел я убрать телефон, как вернулся Константин и начал гундосить:

– Неплохо играют.

Я уважал ребят, которые отдувались на сцене, но слишком долго их знал. Потому ответил:

– Сто раз слышал уже. Программа хорошая, но надоела. Все надоело. Все вот это вокруг. Домой бы сейчас.

– А что ты хотел? Республику Фиуме с круглосуточным оркестром? Мы на поляне играем экспериментальщину, вокруг ребята с таких же проектов или их сотоварищи. Вакуум. Все бы ничего, но, действительно, в праве надоест. Может действительно потерять последний альбом?

Признаться, мне после выступления тоже было не по себе. Живое исполнение уже пару лет стало походить на синдром отмены: отыграл, как напряжение снял, на некоторое время успокоился. Никакого удовольствия. И, как бывает, если не хочешь признаваться себе в необходимости трудного решения, начинаешь раздражаться. Я ответил тихонько Константину:

– Самому стыдно, что я как кайфолом какой-то. Отличное мероприятие — со всех сторон. Но радости нет.

– Понимаю, фестиваль удался, но не более чем. Сам не знаю, что за рамками таких сборов раз в пол года? Слишком много времени тратим непонятно зачем.

– Как зачем? Искусство, исследование идеи и материи и все такое прочее, – промышчал я в ответ.

Понятное дело, я уже знал как отвечать на такие вопросы.

– А тебе в таком виде не много ли? Ты сколько времени тратишь на музыку, и зачем? Стараешься, будто у тебя план полугодовой под отчет. Ты хоть понимаешь, что это за план?

– Я в таком ракурсе не думал.

– А стоило бы. Я подумал, ничего хорошего не вижу. С меня хватит, удаляюсь из сфер околomuзыкальных. А ты - как знаешь.

Редкий случай, Константин начал высказывать неожиданно адекватные мысли. Мне стало даже немного стыдно. Я ругал друга за музыкальное мракобесие и оторванность от жизни, а ведь он первый подумал о вещах, о которых мне бы самому впору задуматься. Я первый раз в жизни почувствовал себя младшим по отношению к Константину.

– Можно и удалить. Ритуал это или не ритуал, иногда надо завершить что-то, пока оно еще весь смысл не растеряло. Но, давай сегодня больше вопросы эти не поднимать, – согласился я.

Мне не хотелось, чтобы остальные друзья слышали наш разговор. Мысли грустные. Все отыграли, время отдыхать, расслабляться, попить пива, а не пребывать в унынии. Напоследок, хотя бы. Константин понимающе кивнул. Мог ведь, когда надо, войти в положение.

Я, как вернулся с фестиваля, принялся перечитывать «Рождение трагедии», спустя почти двадцать лет, после первого опыта. Задел меня Константин тогда на полянке за живое. И могу сказать, что мой подход к пониманию эссе так и не поменялся. Без него книга полностью теряет для меня смысл. Что забавно, я, как будучи и молодым, перечитывал про «сонную» и иллюзорную сущность Аполлона и не мог понять, почему рационалистический трезвый аполлонизм ассоциируется со сном и иллюзией. Долго, конечно, не рефлексировал на эту тему. Мало ли что я опять мог понять неправильно? Не страшно.

Константин по приезду с фестиваля не сразу, но стер все, что у него накопилось неизданного на тот момент. Переживал еще. Помню его доводы: «это будет совершенно новаторский опыт, истинно магический». «Это будет освобождение от химеры артистизма. Только вообрази, ты станешь свободным от паттернов, навязанных музыкальным истеблишментом» - примерно так говорил он. Константин, конечно, больше себя накручивал, чем меня агитировал. Я понимал, что проблема не в ритуале. Чего мы больше всего боимся? Что в какой-то момент не сможем написать новую музыку. Самый большой бытовой кошмар такого рода людей: случайно потерять наработки, над которыми корпел месяцами. А вдруг потом ничего больше не получится? Неспособность к поэзису равносильна смерти. Как можно освободиться от этих страхов? Очень просто - взять и потерять все самому. А потом придет время задать себе вопрос: «что ты вообще из себя представляешь без музыки?»

Можно уже было заметить, что я говорю об альбомах, их написании и их уничтожении, с деланным пренебрежением, наигранной иронией. Потому и очевидно становится, что я отношусь к этим моментам максимально серьезно. Шутка ли? И создавать больно, потому что получившееся мучается от своего несовершенства. И убивать уже порождение, живое - больно. И уйти от всего этого не можешь. Как материю ни поверни, одни с ней мучения. Так трагедия

сущего и рождается из духа музыки. И едва ли можно этого избежать. Слышал я, что один сердобольный музыкант в один момент озаботился вопросами благочестия и стал молить своего бога, чтобы в жизни не причинить никому боли и горестей. В итоге, он не смог больше музицировать.

Это только половинка трагедии, которая из музыки рождается. А вторая половина и того трагичнее. Какие образы обречены на овеществление, на мучение в виде несовершенной материи? Те, которые любишь. Иначе и интереса нет образы трогать. Чем же, получается, мы платим за прекрасное чувство? Болью и несовершенством? Как так? Кто допустил? Почему нам про это в школе не рассказывали, пусть даже и в музыкальной?

Трагедия искусства вообще ни разу не романтична. Это не та светлая печаль, которая возникает, когда тебя бросают девушки в твои двадцать лет. Такая светлая печаль приятна: будто кто-то стер лишнюю музыку, и это не на твоей совести. Маленький апокатастазис на халяву. Брошенный юнец чист и невинен как белый лист. Сделанная же музыка, это оскомина особая. То чувство, когда «натворил» дел, а вокруг никто даже и не упрекнет, хотя стоило бы. А уж если и похвалят, то от того еще грустнее. Будто бы слушатели не поняли, в чем вся соль. А ты, получается, обманул, нагрел, искусил. Такое оно - это ваше искусство. Кто придумал, что искусство должно непременно искушать? Красота должна вообще соблазнять? Или смысл не в том, чтобы красота соблазняла, а в том, чтобы красотой соблазнялись? Должна ли красота знать, что она соблазняет? Красота вообще - бенефиция? Какова добродетель красоты? Самоограничение воли? Когда я был совсем мелким, мне казалось, что красавицы непременно мудрые. Но, очевидно, это не в полной мере так. Ее не опасно ли любить, красоту?

За то и радуюсь коллегам, которые в моем звуке примечают, как здорово я поработал с частотами, а про красоту или оскомину тварного - ни ни, молчок. С оскоминой этой ты один на один. Не выйдет прикрыться фиговым листком дуалистического гностицизма.

Потому я и не приемлю романтизацию искусства. Потому и дегуманизирую артистов и прочих подобных. Лицедеи, кузнецы, шуты, палачи, колдуны и ассенизаторы, это касты неприкасаемых. А музыканты и адресно синтезаторщики, грешным делом, не из этих ли? Тут и гадать не надо. Контрабандисты образов. Звучало бы благородно, если бы не были они еще и спекулянтами, если не сказать откровенно - неудачливыми ростовщиками. Больше походит на параллельный импорт из Эйдоса. И снять с себя ответственность с помощью тезиса, что творчество происходит в голове слушателя, не получается. Так можно зайти совсем далеко и оправдать тот же клипотический ИИ.

Может потому я в музыке и не апеллирую к русской речи и образам. Они же из области священного и мифического. Не годится сакральные образы грязными музыкальными лапками скрадывать и обрезать на плотское существование в виде материи, пусть даже такой эфемерной, как звук.

У отличных аналитиков есть одна беда. Знаете, чем отличный аналитик отличается от хорошего? Хороший аналитик принимает информацию и выносит в отношении нее некоторое суждение, которое применимо в рамках определенной задачи. Отличный же аналитик может по абсолютно любому поводу выдать совершенно противоположенные суждения. Самое важное умение отличного аналитика - вовремя притвориться хорошим.

Так и в данном случае, тут есть другая сторона. Священное супремативно и абсолютно. Оно не может быть хоть как-то попрано моими действиями, оскорблено ими или ущемлено. Более того, грешно даже думать так, потому что подобные мысли подразумевают либо слабость и материальность священного, либо откровенную гордыню. И то и другое находится в области интересов тех сил, с которыми переговоров не ведут. Отвратительные материалисты, вскормленные обезьяной Бога. Причем, замечу, самцом.

По правде говоря, у сакрального и без меня все хорошо. Совсем другое дело, любить малые вещи - людей, например. У меня пока совсем не получается, того же Константина, к слову.

Константин, шельма, после удаления всех своих наработок, играть музыку не перестал, хотя и успокоился немного. Стал выглядеть как нормальный человек, впрочем ненадолго. Мне же, чтобы потерять все свои потуги, потребовалось полтора года. Не потому, что было жалко удалять плоды твоих трудов. Скорее я изначально не очень серьезно относился к этой идее. Так или иначе, мы оба сделали еще один шаг по направлению к изоляции. Не той, которая была спровоцирована «ковидом», а внутренней. Бог ведает, по какому такому стечению обстоятельств, изоляции совпали.

Самое смешное, ритуал ведь сработал. Во-первых, благодаря нему я избавился от некоторых иллюзий, свойственных любителям поиграть на синтезаторах. Во-вторых, после интенсивного ужаса, который я пережил впоследствии, откладываешь невнятные рефлексии на потом и некоторое время просто радуешься всему вокруг, наслаждаешься жизнью. Сейчас, когда я приступаю к описанию драматических, в некотором роде, событий, то начинаю понимать, что испытанный ужас оказался не наказанием, а благословением. Если понимать под благословением механизм избавления от лишних самокопаний.

Перекресток

Сейчас я возьму грушу для очистки объективов, совмещенную с щеточкой. Подойду к столу и буду со своей системы сдувать пыль. Она пылится уже минимум год, с тех пор, как я последний раз прикасался к ней, и то, чтобы ее на стол поставить. Полюбуюсь на нее и подумаю о том, что мне за год первый раз захотелось включить аппарат.

Минут двадцать поиграю, мне и не надо больше. Посмотрю в окно, а там сейчас темно-темно, звезды над лесом. Настроение благостное. В тот памятный день, через полтора года после фестиваля под Гжелем и за год до изоляции, стояла такая же темная ночь. Небо чистое, луны нет, звезды рассыпью. Только за полночь перевалило. Я в тот день удалил свой сорокаминутный альбом. Решился наконец. Хороший альбом, за него не было стыдно. Хотя его никто и не слышал, кроме меня. Я удалил исходники, все секвенции, все библиотеки звуков.

Знаете, как бывает в фильмах и сериалах, про какое-то условное «искусство»? В них сам предмет искусства особенно и не представлен, пунктирно. Я такой ошибки не допущу. Про альбом расскажу.

Со всеми проектами у меня одинаковая история. Я настолько мучаюсь с написанием музыки, что параллельно текущему проекту создаю отдельный - развлекательный. Я раз и навсегда решаю больше не делать ничего масштабного и оставить музицирование исключительно для отдыха и развлечения. Обещаю себе не связываться ни с какими моральными или финансовыми затратами. К тому моменту, как я прикрываю основной проект, резервный разрастается до уровня основного. Я начинаю относиться к нему серьезно и быстро устаю, а чтобы отдохнуть, делаю очередной резервный проект. Ничему меня жизнь не учит, когда дело касается музыки.

Ударные я наваял ориентируясь на дух ударной приставки к электрооргану. Это придало музыке флер конца семидесятых и начала восьмидесятых годов прошлого столетия. Да и к синтезу я подошел с душой. Привнес условную архитектуру гитарного усиления, развил ее достаточно со времен моей молодости. Я старался, чтобы получилась довольно легкая в восприятии и приятная звуковая палитра. Общее настроение никак нельзя было назвать депрессивным или давящим. Я не торопился и думал, что буду делать все только в охоту, без каких-то ожиданий.

Вроде бы я вообще не тратил свой внутренний ресурс на музыку. Даже подумал: вот она, та методология, которая позволяет заниматься творчеством без боли. Так оно в идеале и задумывалось. Думал я, что нащупал рецепт работы без мучений. Соберу инфраструктуру и на ее основе все остальные альбомы так же делать буду. Наивный. Сами посудите, я ворчу по поводу болезненности творчества, а нет-нет, да и ведусь на непонятно чью пропаганду о радостях искусства. Наверное, я обманулся рекламой продуктов музыкального рынка - обзорами железа и выставками новинок. Там у всех фигурантов один сплошной энтузиазм в отношении своей деятельности. Или меня ввели в заблуждение довольные рожи артистов на сцене. А ведь я тогда был уже не восторженным юношей. Мы можем сколько угодно думать, что независимы от пропаганды и рекламы, но она вкрадчиво работает - если не «тут», то «там».

Скоро вся легкость улетучилась. Никаких решений я не предпринимал, никакими действиями не провоцировал изменения в своем поведении. Откуда-то извнезменных пространств спустился ржавый гвоздь творчества, проткнул мне голову и пустил свою тлетворную ржу, поработавшая мою волю и разум. Не иначе, как кордицепс сотворения, антагонист левиафана популизма и кривляющейся обезьяны Содома.

В один вовсе не прекрасный день я пришел с работы, не ведая, чем буду заниматься последующие дни. Не раздеваясь я разложил аппаратуру на полу, включил запись и начал импровизировать с десятком паттернов, которые у меня были готовы на тот момент. Действовал я не понимая, зачем и что делаю. Как марионетка, управляемая неведомой силой, я жал

кнопочки и крутил ручки. Первую импровизацию запарол сразу, вторую — по истечении очередного часа работы. На тот момент я не вставал с пола уже два часа и не сразу сообразил, что ноги и спина затекли. После пятиминутного перерыва я потратил еще три часа на два захода записи. Последняя импровизация оказалась более или менее удачной. Часы показывали часа четыре ночи. Я не ел, не пил, не курил, кроме одного раза за почти шесть часов непрерывной работы. Я грохнулся спать, и, проснувшись утром, залил результат на телефон и поехал на работу.

За рабочий день я выслушал все косяки, пометил их по времени и по возвращению домой опять подключил аппарат, не раздеваясь, не отужинав. Я бы и рад был отдохнуть, но не мог. Собой не управлял. Я играл и думал о том, что никакой легкостью не пахнет. Мне нравилось, что получаются приятные и спокойные мелодии, никакой депрессивной атмосферы, даже по-пово. Казалось бы у меня случилась идеальная сессия. Ранее я на славу поработал с паттернами, они зажили своей жизнью достаточно, чтобы при их компоновке не динамика и органичность не терялись. Только вот, склонившись над аппаратами, я чувствовал дичайшее давление. Мне было откровенно паршиво - будто я кровью из вен поливаю свои железки. Раньше я по пол года мучился с записью, растягивая во времени некоторую тяжесть. Мне ее болью называть неловко, поэтому обозначу хотя бы как «тяжесть». Сейчас я эту тяжесть принял на себя за короткий промежуток времени в концентрированном виде. Первую импровизацию я запарол в самом конце, но вторая показалась сносной. Вчерашних ошибок я уже не совершил. В итоге я получил целый час звука.

На следующий день я еле встал и даже опоздал на работу. Все валилось из рук. Но отслушав материал, я был приятно удивлен его качеством. Он мне нравился, что само по себе странно, потому что своя музыка нравиться не может. С другой стороны, это же не я все делал, а ржавый гвоздь, творческий кордицепс. Я был даже не оператором, а прослойкой между потенциометрами и чем-то, про что мне страшно вато подумать, принимая во внимание огромную власть этого нечто. Так или иначе, гвоздь у меня из головы вынули. Я, абсолютно опустошенный, познал такое спокойствие, которое редко выпадает на наш век. Если бы я знал, насколько тяжело дадутся мне эти два дня, не уверен, что стал бы повторять.

А музыка меня радовала несказанно, это был бы отличный релиз, не удали я его.

Прошла еще неделя и темной зимней ночью я стер альбом, где-то в полночь. Я смотрел вглубь себя, думал, что будет? Придет ли легкость какая-то? И, действительно, нахлынула легкость, простота, как в детстве. Не абстрактное «как в детстве», а словно вернулось ощущение из тех самых четырех-пяти лет, острота зрения. Я не стал буквально видеть лучше. Скорее я последние годы смотрел на вещи, как на перечень характеристик. Например, что я думал об обоях вчера? Функцию выполняют, менять не пора еще. Нужно будет купить такие же, если их производят. Я рассказываю про обои то, что важно о них знать, по моему мнению. А теперь я смотрел на обои, как в детстве. С детским взглядом они сами о себе рассказывают: тут пятно, просто пятно. Рисунок затейливый, не чтобы меня развлечь, а исходя из сути этих конкретных обоев. С таким взглядом все вдруг обретает смысл. Вещи сами за себя говорят, мир сразу приобретает объем. Приятное чувство, ощущать себя не среди функций и характеристик, а среди вещей. Кроме того, чувствовал я себя «автономным», оторванным от всего, но при том не теряющим от этого. Ну, почти, курить хотелось нестерпимо, а темнота манила. Я тихонько, как мышка, оделся, выскользнул в предбанник, взял охотничью теплую куртку, наушники, натянул зимние сапоги и выскочил из квартиры.

Выйдя из подъезда, я закурил и пошел через поле к лесу. Снега было немного, тропинка натоптана. Как до леса дошел, как раз и докурил. В зимнем лесу ночью ходить легко - снег белый, видно все. Шел я по тропинке и радовался. С обновленным мироощущением все сразу становится значимо и фактурно. Радовался я как умелый воришка: добыл себе ловкостью рук экзистенциальный гешефт. Идея ритуала по стиранию альбома, конечно, Константину принад-

лежала. Он додумался повернуть эту историю с альбомом, а я только повторил. Но, все же, как хорошо! Шел я только что не вприпрыжку. Дышал чуть морозным воздухом. Глаза к темноте привыкли, снежинки красивые искрились.

Подошел я ближе к перекрестку лесных тропинок, в метрах ста не доходя до институтских гаражей, и тут такой страх меня обуял. Какой там страх, ужас. Не беспокойство о бытовых опасностях, пусть даже и смертельных. Не бред, как бывает после амнезии или наркоза. Не аспекты физиологии. Это был зрелый ужас. Он даже не обуял меня, это я вступил в его облако. Ребенком ты и пауков крупных ловишь и на краны строительные залазишь. Ведьмы всякие, опять таки. А стукнет чуть за тридцать и появляется буржуазный сытый страх. Паука в руки уже не возьмешь и где-то на высоте стараешься передвигаться предельно аккуратно. Зрелый страх тупее и опаснее. Сердце не молодое, нервы не железные, потрачены на разнообразные невзгоды.

Всего минуту назад я шел по лесу благостный, радовался всему вокруг. Свежий, полинявший, сбросил жесткую шкуру и чувствовал всем телом мир вокруг. И в этом гипертрофированно-восприимчивом состоянии встрял в облако страха. Ноги у меня подкосились бы, но я по инерции шел вперед. Сознание с телом, как уже бывало, расщепилось. Немолодая ныне мозговая маргитка хрипела в припадке, а тот отдел мозга, что отвечает за инфраструктуру переключился на автопилот. Внутренний аналитик и без того накануне усердно работал, поэтому дал слабину. Много мыслей было в голове, но все о том, что я очень серьезно встрял. Облако ужаса имело совершенно нечеловеческую природу. Ладно бы враждебную. Враждебность, как минимум, предполагает активное действие. А активное действие имеет физическую естественную природу. Ужас же был абсолютно бесчеловечен. В нем не за что было зацепиться, чтобы его осознать и переварить и среагировать на него. Этот ужас не сейчас возник, это я четко осознавал. Он мог спуститься где угодно и когда угодно. Ужас таился всегда где-то рядом, да и не один он такой. Подобныз явлений по всему лесу должно быть множество. А я дурачок, этого и не замечал, пока жил себе в своей плотной шкуре. Теперь же, учитывая сверхчувствительное состояние, как мне с этим справляться?

Хуже того, у облака ужаса была причина. Точнее центр. Меня влекло к нему. Вот он - перекресток троп, а там фигура темная. Мужчина, с виду. Спинай ко мне стоит. Чую, не человек ни разу. Меня несло к темной фигуре. «Нечеловек» обернулся, посмотрел на меня. В лесу зимнем может и светло, чтобы гулять, но за сто метров лицо рассмотреть не получится. Я толком ничего не увидел. А это нечто, тем временем, скрылось за деревьями. Незнакомец лениво и медленно шел по сугробам, и все равно оказался быстрее меня. И замечательно, я не очень-то тщательно размышлял в тот момент, но, думаю, вряд ли я знал, что делать, если бы мы столкнулись лицом к лицу.

Я продолжал идти вперед. И тут пелена ужаса спала. Первым делом я остановился и закурил. Мне бы убежать, но облако кошмара испарилось. Я вернулся к обычному своему состоянию. Внутренний аналитик пришел в себя. Я стоял, курил и думал о том, что же это было? Я осмелел, вплоть до того, что прошел пару шагов вперед в попытке догнать облако ужаса. Странная мысль для человека, только-только испытавшего потрясение? Я должен бежать домой сверкая пятками. Проанализировав ситуацию я сообразил, что природа страха действительно имела внешнюю причину. Но нечистью тут не пахло совершенно. Нечистая тропинка у нас была одна, на восток от городка. Она вела от лесной беговой дорожки. На ней плутали все. Ощущения принципиально другие - не страх, а неприятное и глупое беспокойство. Нечисть, она же действует по правилам гоп-стопа. Нельзя пугать жертву до посинения, иначе она, как крыса, загнанная в угол, может ответить несоразмерно. Силы своей мы не знаем, а нечисти есть что терять. Жертва должна всегда осознавать, что ей уготовано два варианта развития событий. Первый, как говорят в экономике, консервативный, или пессимистичный, сопряжен с невиданными ужасами, членовредительством или репутационными потерями. Альтернатив-

ный вариант резко менее болезненный: предполагает плевков или обидный подзатыльник за определенную плату. А плата известная - немножечко души. Мысль развивать не буду, ибо выводы, очевидно, так себе.

Меня в ночном лесу никто не страшал специально и не требовал от меня ничего. Очень похоже, будто мне прилетело за уже совершенное действие, например, за уничтожение альбома. Хотя, несильно-то и прилетело, так, по касательной прошло. Но я эти мысли отбросил сразу. Что за глупости. Альбомы, музыки - баловство и бытовуха. Типичные Константиновы идеи сумасбродные. Последняя, точнее, идея его. Впрочем, не в полной мере его. Это ведь я Константина довел до того, что он сообразил записать альбом и его стереть.

Так и сработал ритуал стирания альбома. Что же случилось с музыкой? Музыка ушла на задний план, но, что самое удивительное, хуже от этого не стала. Обращай ты на нее внимание или не обращай, если ей надо, она сделается сама.

Исступление

Константин все это время жил в гармонии с собой. Точнее, мне так казалось, я погрузился в работу, и его метания прошли мимо меня. Я тоже был доволен жизнью, меня отвлекали от уныния тысяча мелких хлопот, которые и составляют жизнь. Обострение началось с определенного момента, как водится. Будто туча сгустилась. Переполненная некой созревшей идеей, она отяжелела. Смыслы потянули ее к земле и она и накрыла нас с Константином. Мы ее чувствовали, но не осознавали, что происходит. Чтобы что-то изменилось в атмосфере, сначала должен грянуть гром, нужна разрядка. Поводом для разрядки может стать любая мелочь, именно та, из которых жизнь и состоит.

Я начал скучать, даже скорее тосковал, пару месяцев. Пропадал на балконе дольше положенного, курил, вперив взгляд в небо над лесом. Потом заболел простудой средней степени лютости. Лежал третий день с кашлем и насморком. А спасительная температура все не поднималась. С температурой я смог бы забыться в сладком бреде, а без нее заложенный нос не давал мне спать по ночам. Вот я и заказал во время ночного бдения часовой кожаный ремень за сущие копейки. Хоть какая-то радость. Старый совсем истерся. Через пару дней я закутался потеплее и забрал покупку из пункта выдачи. Тут же развернул упаковку, сравнил с оригиналом, подрезал кое-где уголки и почти установил. Одно «но» - маленький винтик в замке браслета. Его надо было откручивать часовой отверткой. Недолго думая я заказал часовую отвертку. Да и не одну, а целый набор, за те же сущие копейки.

А потом ужаснулся. Куда мы катимся? Пропала целая эпоха, целая религия с символами веры и мощами. Часовая отвертка в старые времена была одна на весь дом, и не привели господь было ее потерять. Сломать такую невозможно, качество стали не то, что нынче. Нельзя было превентивно купить такую отвертку в любом хозяйственном магазине любого города. Ее приобретение было сопряжено с поисками, хлопотами и имело характер инициации. Такие отвертки берегли и доставали только по особым случаям.

Ведь как оно заведено в «приличных домах»? Когда надо поменять ремешок на часах, или вскрыть небольшой механизм, глава семьи доставал из потайного мебельного ящика небольшой, чаще всего, коробок. Копался там, не находил заветный инструмент, потом звал отпрыска и высказывал ему некоторое недовольство: «Куда ты ее подевал. Сколько раз говорил тебе, инструмент должен лежать на своем месте». С помощью этой магической фразы активировался портал в четвертое измерение, и часовая отвертка овеществлялась в коробке, той, что в руках главы семьи. Далее по негласному регламенту шли поиски очков главы семьи. Искали всей семьей. Для успешной работы считалось важным ругаться во время поисков. Когда очки находились, необходимо было расчистить хорошо освещенную горизонтальную поверхность. После этого, глава семьи применял часовую отвертку по назначению, и она убиралась обратно в коробок, а тот, в свою очередь, в мебельный ящик.

Что бы сказал отец, если бы узнал, что я потерял уже три часовых отвертки, точнее, целые наборы отверток для тонких манипуляций. Еще точнее будет сказать, что два набора я сломал, а третий потерял. Вспоминал я о них только когда надо было поменять ремешок на часах. Отвертка для меня стала приматом функции. Я даже не могу вспомнить, как выглядели три последние набора отверток. Я боюсь, как бы и люди не стали для нас приматом неких функций. Хотя, как же? Давно стали! Со времен, как человека обозвали разумным и определили по видовой классификации в семейство гоминид.

Примерно о том думал и мой друг Константин. Только я уже давно спокойный, крайне благообразный и, признаться, инертный. А друг мой был и остался откровенным исступленным. Об отвертках он не думал, конечно, тем более не думал о людях, учитывая его ярко выраженную социопатию. Он опять думал о музыке.

Как только я починил браслет и надел часы на руку, что-то в атмосфере разрядилось. Концентрированная идея стала переходить в другое агрегатное состояние. Будто уши отложило после того, как удачно сглотнул в самолете. Раздался звонок телефона. Тем загадочнее это событие, что я всегда отключаю звонок, слышу телефон по вибрации в кармане. А тут вибрация сопровождалась мелодией. Сколько я ее не слышал? Пару лет, как минимум. Она словно бы и разбудила меня от некоего ментального сна. Я взял трубку:

– Выздоровел? – услышал я голос Константина.

– Ну, почти. Привет.

– Да, привет, привет. Я тут подумал с музыкой завязать. Железо мое не хочешь дешево купить?

Очень люблю людей, которые каждые пол года хотят завязать с творческой деятельностью. Они самые неглупые и честные, они бы и завязали, если бы могли. А те, кто с придыханием говорит о необыкновенной пользе искусства, это не те ребята, которых я могу не опасаться. Впрочем, к «завязываниям» Константина я давно перестал серьезно относиться. Это как бросить курить. Поэтому я ответил:

– Чего стряслось?

– Чего? Кончилась музыка. Все. Нет музыки, есть только контент. Контент для увеселения - попытка убить время, суета и тщета.

Как бы Константин не хотел обмануть левиафана, тот его догнал, перекинувшись в кривляющуюся обезьяну содомских пород. Я ответил:

– А ты не делай контент, музыку делай.

– Если бы все так просто было. Теперь все - контент!

– Тогда не делай вообще ничего.

– Дим, я серьезно.

Как же я устал от Константиновых «серьезно». Он годами льет мне в уши истеричный бред, и хочет от меня какой-то серьезности. Нет у него этой простой функции мышления: понимать, что, кому и как ты говоришь, и, главное, зачем. Он всегда со своих позиций транслирует идеи. А принимать его позиции, значит соглашаться с бредом. Хотя, наш прошлый «ритуал» сработал, как я ранее говорил. Не все, что мой друг придумывает, полностью можно считать бредом.

В свое время Константин научил меня «сгущать и растворять». Когда я ныл, что мне скучно или страдал по поводу творчества, он отвечал: «сгущай, это твое нигредо, жди, ощути свое неудовлетворение, вытрави из себя все лишнее». Мне бы сейчас стоило ответить в том же духе. Но я не стал. Просто сказал:

– Что ты хочешь, чтобы я тебе ответил?

– Ладно, ладно... настроение такое. Надоело все.

– Надоело, что время идет, а мы не умнеем?

Константин отвечать не стал. Драматично притих. Я пошел на попятную:

– Сходи в лес погуляй.

– Я только оттуда.

Привычка сложившаяся уже: чуть что не так - надо идти в лес. Хотелось сказать, как я уже неоднократно говорил ранее и довольно часто, что ему нужна женщина. Но она у Константина появилась. Некая Юлия. Видимо, Константин с возрастом поистратился на глупость и перестал бегать от девиц. Поэтому я спросил:

– А с Юлей у тебя как?

– Она мои идеи не оценила. Сказала то же, что и ты, примерно.

Вот в этом был весь Константин. Я у него спрашивал про одно, а он все равно переводит тему поближе к своим «идеям». Но меня порадовало, что Юля начала играть значимую роль в

его жизни, есть шанс, что он успокоится. Умная девчонка, раз сказала Константину то же, что и я. А вот в вопросе выбора семейной партии... Впрочем, любовь зла.

– Пошли в Югославию шары погоняем, – предложил Константин.

От бильярда я отказался. Югославия все же вотчина Царя, а это значит, что Константин и Царь будут весь вечер тренироваться в язвительности.

– Не хочу, готов покурить в машине. Это мой максимум на сегодня.

– Ладно, это можно.

Я накинул пальто и спустился к парковке. Друг стоял уже у машины, переминаясь с ноги на ногу, замерз. Мялся он у машины, долговязый, патлатый, белобрысый, высокий, худой и сутулый. Мне его пожалеть стоило, но никакой жалости я не ощущал и в помине. Раз у Константина есть задор мучаться по поводу музыки и контента, мне на мозги капать и гулять по лесу, значит все у друга в порядке. Избыток сил налицо.

Мы сели в машину и закурили. Константин выпалил:

– Вот ты сейчас пишешь материал?

– Пишу.

– Ого! Альбом?

Меня покорило это «ого». Будто мы не проходили много раз через запись альбома.

– Ну, альбом.

– Ничего себе! Что-то новое?

– Ты чего? Мозги свои продумал до основания? Ты же сам носишься с идеей о том, что музыка должна быть вне времени. Какая к черту новизна?

Константин хитро на меня посматривал, издевался значит.

– Ладно. А на что ты тогда рассчитываешь, в плане материала? – спросил он, попытавшись принять серьезное выражение лица.

– Рассчитываю продать систему свою основную. Весь синтезатор с секвенсором. Чтобы не было стыдно, надо хоть что-то на нем записать перед продажей.

– Погоди. Это я хочу железо продать.

– Нет, Костя. Ты говоришь, что хочешь железо продать. А я даже не хочу, а собираюсь продать. У меня уже покупатель есть. Ждет. Я свою систему пять лет собирал и ничего на ней не записал. И желания нет никакого. Раз уж я решил от нее избавиться, то мне хоть как-то надо оправдать перед самим собой ее покупку. Вот и вся концепция великая для альбома.

– Знаешь, а это реально хорошая мотивация.

Конечно я знал. Еще бы я не знал. Константин продолжал ныть:

– А мне что делать? Я привык всю жизнь музыку записывать, а сейчас смысл пропал. Я, получается, заведомо ненужным делом занимаюсь.

Мне не надо было пояснять, я все прекрасно понимал. Дело уже не в атомарности и монокультуре. Бог, как говорится, с ними. То есть, конечно, и атомарность, и монокультура - все понемножку жизнь усложняет. Но то - механика тонких материй. А что делать человеку в конкретной ситуации?

Не знаю, как обстоят дела у читателя, а я давно ничего принципиально нового не слушал, тем более не записывал сам. При том, что мои друзья выдают действительно отличные работы. У нас было три периода творческих. Сначала мы млели, когда вообще что-то удавалось записать. Потом начинали получаться интересные моменты, которые были оформлены по средствам. Далее пошел период, когда материал зажил своей органичной жизнью. И именно в этот момент начинает истощаться ресурс на интерес к музыке. А может вовсе и не в ресурсе вопрос, а в мотивации. Потому что с возрастом голова умнеет, тем более развитая музицированием. В нее начинают пробираться некоторые догадки, вроде той самой: «прогресс», это вовсе не лестница Иакова. Не будет прижизненного рая, как ни старайся, тем более от творчества. Кто вообще втолковал молодежи, что с помощью искусства должно становиться лучше? Вам

кто-то пообещал рай в упаковке самореализации? Или социальный лифт на тяге современного искусства? Давно пора понять, что если вам кто-то что-то обещает, то в этом прежде всего его интерес, а не ваш.

Для себя я включал в машине записи девяностых, одни и те же. Себе можно признаться, что не только абстрактные люди, но и сам я - та еще мартышка. Я люблю то, что получил с гормональной прикормкой молодости. Интересно, как биохимия вмешивается в формирование вкусов. И хорошо еще, если эта химия эндогенная. Мы выбираем сами хоть что-то? Давайте, действительно, вспомним про свободу выбора. Что тогда есть идея свободы, как не откровенная спекуляция? Кто те люди, которые посчитали нам «свободы» и апеллируют к некоторому их «количеству»? Зачем они это делают? В этих мыслях столько тупого материалистического зоологизма.

С таким раскладом записывать самому что-то новое казалось даже несколько неприличным. Прикладное применение двух правил - категорического императива и не приумножения энтропии. Пришел я к этому, как вы помните, во время памятного нашего фестиваля, а проверил гипотезу, удалив свежее записанный альбом. Мир, как вы помните, с оси не сошел.

А сейчас я, получается, завершаю свои творческие циклы. Но не без простительной инерции. Теперь я записываю альбом, чтобы далее избавиться от оборудования с чистой совестью. Смысл в этом есть: меньше проводов дома, меньше пыли, меньше уборки, какая никакая денежка. Но, главное, я не буду стыдить себя каждый раз, когда смотрю на заброшенные модуля, на которых не собираюсь играть. Вот вам и вся атомарность, проблема контента и прочая суета. Каждой истории - свой ограниченный отрезок времени.

Меня еще худо бедно держал в контексте музицирования пример двух моих друзей. Ребята спокойно и и нерасторопно изучали микрохроматику, полиритмию, не пошлую модулярную полиритмию, а настоящую - античную. В сфере их интересов были орфические и дионисийские гимны, суфийские зикры и реверансы в сторону музыки к джалло. Они делали по паре треков за пол года, не чаще. Каждый в отдельности был совершенен, не вписывался в риторику ни истеблишмента, ни побитого молью андеграунда. По друзьям не было похоже, что они сильно заботятся проблемами «трагедии из духа музыки», культурными экспансиями и атомарностью. Они делали что-то ровно тогда, когда оно и должно быть сделано. Интересно, сколько придется ждать до момента, когда ребята прочитают этот абзац и выскажут мне реальное положение дел относительно своей практики. Будет занятно.

Мы, видимо молчали уже долго. Константин подал голос:

– То есть мы сейчас признаемся себе, что не можем делать музыку просто так? Что нам нужен повод? Мы что, оправдываемся за музыку?

– А какого черта я вообще ее должен делать? – ответил я с той долей раздражения, которая уже позволяла себя заметить.

Константин не ответил, уставился на меня, будто я что-то очень неприличное сказал. Я продолжил:

– У меня ощущение складывается, что мы ничего кроме музыки не видим. Ты же сам мне говорил: «куда бежим, как будто планы у нас расписаны по полугодиям». Как будто мы без звука - никто. Тебе не кажется, что строить свою идентичность на чем-либо, это заведомо плохая идея?

У друга моего будто-бы и глаз даже задергался от такого заявления. Опять мы замолчали минут на пять. Потом Константин закурил вторую сигарету и как ни в чем не бывало заметил:

– Ладно, согласен. У тебя выходит честный эндшпиль. Мне тоже нужно что-то такое. Достойное завершение карьеры.

– И ты бросишь играть? – спросил я.

– Нет конечно, записываться брошу только. А ты бросишь?

– Нет, и не собираюсь, на гитаре я каждый день бренчу и рад тому. Даже не подключаю... Вглухую.

Константин почти закричал:

– Гениально! Отличная идея. Играешь не подключая, вглухую. Дим, спасибо. Понял, что делать. Вот мой финальный ритуал, истинный оккультизм! Жаль никто не оценит, но в этом весь концепт.

– Ты хоть одного человека знаешь, кто оккультизмом хоть чего-то добивался? Кроме плохой кончины, конечно?

– Я же не буквально. Если тебе угодно - пусть будет метафизика.

– Ну, ну... Что ты там надумал метафизического?

– Запишу альбом, который никто не услышит. Глухой манифест.

– Костя, ты действительно такой дурак? У тебя память отшибло? Мы уже уничтожали свои альбомы. Забыл?

– Нет, нет. Я пойду до конца. Запишу альбом, сам его не слушая, принципиально вслепую. Методику придумаю. А потом проиграю его в пустом помещении. Какнибудь так, чтобы никого там не было, и меня тоже. Это будет музыка, которую не слышал даже автор. И она будет проигрываться для пустоты.

– Хм...

Идея мне понравилась. В этом что-то было особенное. В чисто художественном плане, это одновременно оголтелая честность и издевка. Я даже немного завидовал, что сам до такого не додумался. Но, это была работа именно для Константина. Я же лентяй, а у него дури хватит все это реализовать. Кроме того, если капнуть в концепт поглубже, станут видны некоторые его слабые стороны. А мне было откровенно лень.

Так или иначе, Константин меня утомил. Надо бы его домой спровадить, а самому в лес пойти погулять. С часок, не больше. Я проворчал:

– Давай закругляться.

Тот понимающе кивнул, молодец. Мы пожали руки и разошлись. Друг пошел по направлению домой, а я подождал, пока он скроется из виду, и пошел в лес.

Ноябрь был дождливый, и я выбрал маршрут по асфальтированным дорожкам. Десять часов вечера, фонари горят. Легкая морось искрится вокруг ламп.

Почему мы спотыкаемся именно о запись? Почему опять речь идет об альбомах? Что за камень преткновения такой? Что именно надо записать, чтобы успокоиться? Все оказывается сложнее концепции «точек отсчета». Потому что это вопросы материи? Акт взаимодействия с миром? Внешний взгляд? Нет, не только. Сейчас всем «атомарно», все равно, буквально толерантно. И эта атомарность либо уничтожает, либо освобождает эго от «артистизма» еще лучше, чем практика уничтожения своих работ. Дело уже не в сонме «других», и не в их оценке.

Если Константин думал о ритуалах и метафизике, то меня интересовал именно бытовой момент - что я из этой истории для себя вынесу. Я давно понимал, что давно пора прекратить относиться к творчеству по инерции в парадигме нулевых и десятых. Любой альбом избыточен.

Наша суета вокруг альбома, это не отчетный концерт и не дипломная работа. Какой к черту диплом? Даже не могу вообразить «научных руководителей» для такого «диплома». Наши метания больше похожи на поведение ребенка, который маячит перед неким персонифицированным в музыке образом природы: «поиграй со мной еще раз, как тогда, когда мы вместе в мои девятнадцать лет записали первую демку; нам же хорошо было, правда?» Но уже второй альбом намекает: ничто нельзя повторить. А десятый альбом прямо таки кричит об этом.

Конечно, привычки сильнее нас, но пора уже осознать, что индугенция от музыкального «продакшна» бесплатна и общедоступна. Чего такого страшного в том, чтобы что-то записывать музыку или не записывать? Пишет Константин альбом - ему плохо. Не пишет альбом

- ему все равно плохо. Стало быть, не в альбоме проблема? Риторический, конечно, вопрос. Звук - материя, альбом - материя. Константин сам есть - материя, вот и страдает. Да и я не далеко ушел. Вполне естественное положение вещей.

Обидно, разговоров то было. Прогулка в лесу - всему голова. Всего минут десять не успел погулять один, и уже сам во всем разобрался. Не в первый раз, что характерно. Как же меня Константин бесит. Почему не мог, как я, просто и спокойно во всем разобраться. Мне нестерпимо захотелось на него пожаловаться. А пожаловаться можно было только одному человеку - Александру.

Саша рассудителен и взвешен, как человек, который творил по молодости такое, после чего он имеет полное право и на рассудительность, и на взвешенность. Я не стал набирать Александру сообщение. Решил позвонить. Иногда друзьям можно и звонить без предупреждения. Саша взял трубку сразу же. Мы обменялись приветствиями, минут пять я ему разъяснял ситуацию. Александр жестко высказал свое мнение о записи альбома, который никто не услышит:

— Не стал бы это делать ни в коем случае. Откровенно опасно.

— Сань ты что, веришь в оккультизм?

— В таких историях лучше уж оккультное, потому что реалистичная альтернатива - дурка. Ты в голове представь сюжет, где герой озабочен подобными активностями. И где он окажется?

— В дурке, конечно.

— В том и дело. Если слишком серьезно такие вещи делать, неужели крыша не потечет?

Мы с Сашей оба были рассудительные, потому что понимали шаткость нашего сознания. И, потому, вдвойне его блюли. Стальные же психические яйца были у Константина. Ему все было ни по чем. Он мог в исступлении носиться с очередной идиотской идеей, но не забывал есть, пить, да еще и одеваться по погоде. Он был из тех, у кого манифесты и концепты на первом месте, но шоколадка всегда в кармане. Как я и говорил, он - ушлый циник, играющий в идеалиста.

Я задал самый главный вопрос:

— Ну и как ты думаешь, я пойду к белобрысому и буду ему все это объяснять?

— Да пусть делает что хочет. Ты свою голову в холоде держи, — ответил Саша.

Так тому и быть. Тем более, чему меня с детства и научили, так это тому, что благими намерениями выложена дорога в ад.

Югославский ритуал

Константин активно пытался взять меня в оборот, писал портянки в телефон, искал одобрения, разъяснял, как он будет аранжировать альбом, забывая нотки с секвенсора вслепую. Рассказывал, как подключит все четко и аккуратно, руками на синтезаторах потенциометры подстроит по наитию. А я все отвечал ему: «да-да», «молодец», «дерзай». В какой-то момент он отстал от меня на целый месяц. Я думал, что он делами человеческими занялся, так нет. В один вечер раздался звонок. Я взял трубку:

— Я все сделал, продумал. Смотри...

— И тебе привет! И тебе спокойной ночи.

— Да подожди ты, послушай. Можешь Царя напрячь? Я сам не хочу к нему идти на поклон.

— А что тебе надо? — задал я резонный вопрос.

— Альбом записан, сам я его не слушал, и никто не должен услышать. Я в лесу хотел отыграть, но, зима же. Генератор надо у Царя брать. Все равно к нему идти. Ты бы не мог организовать... хм... проигрывание? Как-нибудь ночью в гараже у него? Я по времени прикинул, альбом на сорок минут. Надо бы на два часа включить, чтобы он пару раз проигрался. Но так, чтобы ты не услышал его сам, и никто не услышал. Поэтому ночью.

— Ты совсем... — было начал я.

Одно дело наблюдать, это я могу делать с удовольствием. Другое дело, ехать и договариваться с Царем о гараже, организовывать «непрослушивание» альбома, рано утром выключать все до прихода хозяина гаража. Откровенно говоря - лень. Но меня заинтересовала мысль попробовать задокументировать этот эксперимент. Тогда я еще не в полной мере осознавал, что это решение медленно двигает меня в сторону литературы. Это сейчас я понимаю, что сработала интуиция. Сюжеты для рассказов сами с неба не валятся. Я же работаю исключительно в рамках доступной документалистики. Ни строчки сам не выдумал. Надо сказать, что я Константину обязан, он мне предоставил презабавный сюжет в этот раз. Тогда я, правда, и не думал, что опишу все, да еще и поиздеваюсь над героем Константина всласть. Я ответил другу:

— А... Почему бы и нет? Загляну, спрошу. Ты и сам мог бы. Назовет Царь тебя поехавшим идиотом, но ключи от гаража даст. Ничего страшного. Сам решай. Если что, я в плейлист твои треки засуну, играть поставлю, а усилитель подключу через реле времени. Так чтобы звук включился, когда я уйду. А утром уже заеду и все выключу. Потому что Царь точно захочет послушать что ты наваял, чтобы потом обругать.

— Дим спасибо! Не ожидал, что ты согласишься.

— С чего бы это? Я же всегда поддерживаю твои гениальные начинания.

— Да пошел ты, — процедил Константин.

— Всегда пожалуйста. Присылай записи. Завтра к Царю пойду - отчитаюсь по результатам, — не смутился я.

1

— Не будешь втихаря альбом мой слушать? — забеспокоился вдруг мой друг.

2

— Не буду, — ответил я устало.

3

— Точно?

4

— Точно, — я уже со злостью отвечал.

5

— Тебе можно верить?

6

— Конечно, безотносительно того, вру я или нет.

7

— Я серьезно! — заверещал белобрысый.

8

— Я и так не слушаю то, что ты мне посылаешь из своих записей. А если это даже приветствуется - мне только в радость.

9

— Убедил, — ответил обидевшийся Константин.

На следующий день мне повезло застать Царя дома. У меня не было особых надежд, что он предоставит нам на ночь свой гараж. Если бы меня попросили о таком, я бы, вероятнее всего, подумал, что это дурная шутка. А когда меня начали бы в этом разуверять, послал бы ходоков подальше. Царь сидел у себя в комнате и чертил какую-то свою лютую сакральную геометрию.

— Это что такое? — спросил я.

— Попросили помочь, — дежурно ответил Царь, и добавил: — Ты просто так или по делу?

— По делу.

Я долго и муторно объяснял Царю, зачем Константину нужна Югославия. Первым делом Царь уточнил:

— А что белобрысый сам не приперся?

— Так ты же его пошлешь.

— А тебя, значит, не пошлю? — спросил Царь прищурившись.

— Не пошлешь.

— А почему?

— Так это тебя надо спрашивать, почему ты меня не пошлешь. Логично?

Царь надолго задумался, но отвечать не стал. Он глотнул чаю и спросил:

— Вы сами понимаете, как это со стороны выглядит?

— Конечно, поэтому я к тебе и пришел за ключами. Только в твоём храме прокрастинации можно такими вещами заниматься.

Царь понимающе кивнул, согласился. По мне, даже слишком легко все прошло. Учтивая, что Царь вообще не воспринимал метафизику, его спокойное согласие очень неоднозначно выглядело. Казалось, что он в нас с Константином настолько разочарован, что даже не пытается понять логику нашей мысли. Я спросил у него:

— Сдается мне, что ты видишь нашу идею несколько сомнительной?

Царь подтвердил мои мысли:

— Вполне ожидаемая от вас. Я только потому и помогаю, чтобы потом рассказывать байку про двух дебилов.

— Добро. Спасибо!

В тот же вечер мы начали планировать с Константином наш ритуал. Мой друг, согласно изначальной своей концепции, собирался притащить секвенсор и синтезаторы, все подключить к царевской акустике через реле времени, которое осталось у меня от аквариумов. Но я обматерил его трехэтажным отборнейшим матом. Заранее готовил обороты, которые поставили бы в тупик даже портовую блудницу. Я пояснил Константину, что пафос с синтезаторами он пусть разводит во время очередного выступления в баре перед девочками с розовыми волосами. А я палец о палец не ударю, если наши действия будут немногим сложнее, чем вставить флешку в проигрыватель и запустить закольцованное воспроизведение. Константину хватило ума мне не возражать. Инфраструктуру в виде гаража обеспечил я, логистику в виде машины тоже

обеспечил я, минимум эмоциональной вовлеченности так же обеспечил я, хотя бы тем, что не материл его все оставшееся время.

Вечер был морозный, и, если я надел в старый теплый охотничий костюм, то Константин зяб в своем пальтишке. Машина моя продувалась, стекло в багажнике не закрывалось до конца. А ехал я медленно, колымагу не стоило разгонять больше пятидесяти километров в час. Сложно сказать, что может поломаться в ней в первую очередь, на такой бешеной скорости. Проверять я не хотел. Наверное - радиатор, который Царь латал каждые пару месяцев. Он вскипал даже в лютый мороз.

Мы неспешно ехали в сторону гаражей по окраине городка. Сияли звезды, и, хотя облаков не было видно, откуда-то чудесным образом падали снежинки. Народу на улице не было вообще. Пустынный городишко отдался во власть мороза. И мы были будто бы единственными на всю округу, кто осмелился выйти в зимнюю ночь, чтобы претворить свои замыслы в реальность.

Какой бы неспешной ни была моя машина, расстояния у нас смешные. Часов в десять я принял Константина на борт моей колымаги, и вот уже через семь минут мы открывали ворота Югославии.

На первом этаже Царь навалил кучу железа. У одной стены стояли кованые ворота и сварные конструкции. Что-то уже покрашено, что-то уже заржавело. Другая стена до потолка была заставлена стеллажами с расходниками. Тут находились и редчайшие сокровища: титановые резцы, обрезки листовой меди, совершенно ненужные Царю полевые транзисторы. Там же стоял огромный промышленный токарный станок каких-то серьезных серий. Чтобы его втащить в гараж, понадобилось разбирать часть стены.

На второй этаж можно было подняться по металлической лестнице царской фирменной конструкции. Там стоял бильярдный стол, садовая мебель, велосипеды и прочая бытовая трюха. Там же на столе мы открыли гаражный ноутбук и залили Константинов альбом.

Уютом в Югославии не пахло, если только своеобразным, но мне его сложно было постичь.

— Дим?

— Чего?

— Зря мы все это затеяли. Какая разница, написал я вслепую какие-то последовательности нот или белый шум включил? Белого шума и случайных тонов и так навалом вокруг.

Так оно бывает, если нет давления, главный заводила теряет свою пассионарность. Я решил подбодрить товарища:

— Иди ка ты знаешь куда? Я зря к Царю мотался? Не душни. Сделаем, как запланировали. В любом случае, что ты ожидаешь с нашего ритуала?

— Не знаю, в этом и интерес.

— Раз не знаешь, значит не мельтеши.

— А ты чего, думаешь, будет?

Я ответил, совершенно не задумываясь:

— У меня шкурный интерес. Когда не смогу больше заниматься музыкой, напишу рассказ про сомнительного типа, который делал музыку для пустоты.

Я и сам удивился тому, что заговорил о литературе. Думаю, меня на эту мысль навели слова Царя о двух идиотах. Но я сократил «дух идиотов» до одного.

— Звучит как план, — без смущения ответил Константин.

— А ты зачем этот разговор завел? Затея-то - огонь. Ритуал добротный.

— Много об этом думал, слишком. Потому и поумнел. Белый шум в себе содержит все ноты, тона, все вообще. Включая из него ноты, и получишь что угодно. И он же фильтруется в водопроводных трубах, в вентиляции, да мало ли где. Дает устойчивые тона. И ничего особого магического от того не происходит.

— Тут не трубы, а твоя рука и некая мысль. В любом случае, действие странное. Значит и последствие будет странное. Автописьмо, нарезка, путь левой руки.

— Не уверен, что он есть - путь левой руки, как осмысленная методология. Разделение на руки нелегитимное и, признаться, глупое. Не уверен, но поставлю на то, что его выдумала какая-нибудь шальная Блаватская.

— Надо прочесть, освежить в голове. С правой стороны же опора на традицию, а левый путь - инновационный.

— Про этот путь говорят только люди, у которых рыльце в пушку. Сами придумали, сами следуют. Пальцем показывают в сторону традиции. И что мне прикажешь, им верить на слово? Мне прости, не двадцать, чтобы я велся на романтику оккультизма.

Вот как ты заговорил, друг мой. А кто еще недавно задвигал мне про ритуалы? Я сформулировал претензию не так жестко:

— А чем мы тогда занимаемся, как не романтизируем?

— Думается мне, что мы сейчас с тобой анти-романтизируем. Романтизировать, ты это потом будешь, когда за рассказ возьмешься. Но уже без меня.

— Ты, значит, выходишь сухим из воды, а меня оставляешь в плену романтических бредней?

— Так рассказ, это какое-никакое движение в сторону поэзии. А поэзия - единственное, что оправдывает романтику.

Впервые, за последнее время, мой друг сказал действительно что-то умное. Но я не стал об этом говорить. Пусть не задается. Прояснения разума идут у него волнами, поэтому мне не стоило обольщаться.

Мы болтали не сложа руки, я разобрался с ноутбуком, включил Константиновы потуги на заикленное проигрывание. Константин нашел, откуда питаются колонки и поставил на вилку реле времени. Четыре С90 были прикручены к потолочным балкам второго этажа, и четыре колонки располагались на первом. Работало из них штуки три на первом этаже. Так что мы обошлись одним реле. Я оставил свет на втором этаже, закрыл дверь и, к моменту обсуждения писательского дела, уже заводил машину.

Все очень просто и быстро прошло. На случай, если вдруг, мы показались в этой главе чуть более адекватными и взрослыми людьми, чем ранее, сделаю некоторые пояснения. Есть в художественной литературе доля скрытой спекуляции. Автор в реальной жизни ни черта не может контролировать, даже говорить толком не умеет. А на страницах вдруг выдает дельные сентенции, рушит миры, героев проводит через игольное ушко витиеватых сюжетов. На страницах жизнь сводится к какой-то логике, проблемы разрешаются чудесным или не чудесным образом, не важно. В литературе автор хоть что-то контролирует, в отличие от жизни. Если бардак в спальне десятилетиями навести не удастся, то хотя бы в буквах можно прибраться немного, получить иллюзию контроля. Несмотря на то, что повествование складывается в некоторую линию, у меня совсем не тот случай. Я работаю в рамках сугубо реалистичной документалистики и врать мне не пристало. Скажу как на духу - ни черта я не контролировал, и адекватными мы к концу книги становились.

Отвез я замерзшего Константина прямо до подъезда, потом и сам запарковался. Сидел и думал долго: в этот раз мой друг продемонстрировал неожиданную рассудительность. Так что и Саше звонить и жаловаться не надо. Похоже на Константина положительно влияла его дама. А на меня что влияло? Выходит, что Константин остепеняется, а я сейчас живу в парадигме уставших идей.

Тошнит уже от музыки, точнее говоря, от около-музыкальных перипетий. Ведь на тот момент я и синтезатор и гитару забросил. А музыка меня все тяготит, странная ситуация сложилась. Стоило заняться еще чем-то. Только не писательством. Забавная мысль возникла в диалоге с другом, но мне писать не казалось необходимым и органичным в тот момент.

Я убежал домой отдыхать. Ночь прошла на удивление спокойно. Я заснул, что странно, до полуночи. Встал раньше обычного, выспавшимся. Будто бы метель накрыла снежным одеялом не только наш городишко, но еще и мой мозг.

Я очень часто пишу о том, как «на удивление, рано заснул и проснулся выспавшимся». Видимо, это и есть та небольшая спекуляция, выдумка, скорее даже гиперкомпенсация, которую я могу позволить себе только в книге.

После одной чашки кофе и сигареты, я уже грел машину во дворе, в том же охотничьем костюме, что и накануне. Только мне было зябко со сна. Небо неохотно начало светлеть. Зима же. Звезд на небе не было, только одна яркая, вроде бы планета - Венера или другая какая.

Вчерашний путь я проделал так же, как и накануне. Пока небо светлело, холод усиливался. Я припарковался в гаражах, отпер дверь Югославии, отключил колонки и забрал реле времени, стер с ноутбука записи. Черт меня дернул посмотреть камеры наблюдения. Звук они не писали, а картинку фиксировали. Я хотел вырезать себе пару кадров на память. Вдруг мы открыли какую-то небывалую эзотерическую практику, в конце концов?

Я открыл видео с камеры второго этажа и стал проматывать к моменту, где мы с Константином занимались подготовкой. Смотрел на наши сгорбленные фигуры. Ни на какую серьезность наша суета даже не намекала. Случайно я пролистал запись на пол часа позже нашего ухода. За креслом во «главе» бильярдного стола сидела темная фигура.

И это был не Царь и не его сосед, у которого тоже были ключи от Югославии. По хорошему, можно было не напрягаться. Царь мог дать ключи еще кому-либо из знакомых, если доводы были вескими. Но вряд ли ключи были у лысоватого мужика неопределенного возраста, одетого в пальто. Его я среди общих друзей не видел. Хотя он казался мне смутно знакомым. Это припоминание и внушало крайнее беспокойство, которое тихо и вкрадчиво обещало какое-то потрясение. Крайне неприятное ощущение, этот зудок, подозрение, что я нахожусь на краю бездны ужаса. Ощущение это поначалу отвлекло меня от мысли, что ситуация вышла из под контроля в первую очередь потому, что кто-то услышал Константинов альбом, который должна была прослушать только пустота. Я все же сообразил, что наша затея провалилась, раз появился слушатель. Это меня не особо напугало. Вероятно, мужик в пальто заскочил на пять минут. Константину можно об этом не говорить. Или, наоборот, сказать, потому что пять минут прослушки не должно бы ни на что повлиять. Проблемы Константина. А у меня, возможно, проблемы посерьезнее.

Надо было выяснить, когда появился мужик, что ему надо было в Югославии в столь неподходящий момент. А пока я об этом думал, беспокойство перерасло в панику. Камера показывала, как мужик поднимается на второй этаж и садится в кресло сразу после того, как колонки начали проигрывание музыки, судя по таймингу в углу видеозаписи. Камеры первого этажа все время снимали одну только темноту. Я посмотрел записи с наружных камер: никто не входил в гараж после того, как мы приехали. Все мысли про то, что можно было спрятаться в подвале или под лестницей, пока мы с Константином готовили наш ритуал, мне не казались конструктивными. Все намекало на определенный эзотерический криминал. Я опять стал просматривать запись со второго этажа. Вот мужик, словно бы материализовавшись в темноте первого этажа, неспешно идет на второй. Камера выхватывает его лысоватую голову, плечи, когда он поднимается по лестнице. Мне знакома эта походка, откуда не знаю. Это будто бы вопрос последних нескольких лет, а вроде бы и нет. Из детства что-то. Вот он проходит слева от бильярдного стола, разворачивается и садится в кресло.

Лицо его еще не видно отчетливо. Но мне страшно, потому что он сидит совершенно неподвижно все два часа, пока проигрывается альбом. Этот тип выглядел, двигался и действовал максимально человечно, но нечто неуловимое выдавало его.

Я понял, в чем проблема - мужик в пальто сидел как истукан, ни одного движения. Грудь его не вздымалась от дыхания, хотя, конечно, качество видео не позволило определить одно-

значно. Два чертовых часа он сидел не шелохнувшись. Я пролистывал минут по десять, но картинка не изменялась. Хотя было видно, как иногда мигает освещение от перепадов напряжения. История выглядела максимально не драматично. Смотрите сами - некий мужик пробрался в гараж и сидит неподвижно. И не такое случается. Но у меня эта картина вызвала массу чувств вплотную подходящих к ужасу. Тайминг записи подошел к моменту, когда реле времени должно было отключить акустику.

Мужчина встал с кресла, прошел слева от бильярдного стола, задержался перед камерой, посмотрел прямо на нее. Меня сковало ужасом, я сидел в комнате, где ранее той же ночью материализовалось это существо. Я вспомнил, откуда его знал. Это он приходил ко мне в детском саду, это его я видел на перекрестке тропинок в лесу год назад. Человек регламент, все-свидетель, разрушитель «четвертой стены». Он смотрел не на камеру, он глядел мне прямо в глаза сквозь время. Он прекрасно знал, что я обращаю внимание на запись, знал, что я об этом напишу. Он знает, кто и когда прочитает эти строчки. И я не был уверен, что понимаю, с какой стороны регламентер проламывает «четвертую стену».

Задержавшись перед камерой всего на пару секунд, мужчина исчез из виду. Надо ли говорить, что наружная камера не показала никакого движения?

Есть несколько типов ужаса, тот, который заставляет бежать или бить. Тот, что заставляет прыгать сердце и потеть. Тот, который щелкнет раз, и далее все вроде бы в порядке, а спустя несколько дней ты выпадаешь в прострацию. Чувствовал я и мистический ужас, как в детстве. Он погружает в некий кокон вязкой нереальности. А в данном случае я познал особый ужас. Ужас от понимания некоторых истин. Пульс у меня не ускорился, в висках не стучало. Я будто прочитал о чем-то очень, очень сильно попирающем сложившееся представление о мире. Та ситуация, в которой ты садишься, уставившись в одну точку и слушаешь себя. Пытаешься ощутить, как сам ты реагируешь на то, что произошло, потому что другой точки опоры у тебя нет.

Можно под знатной мухой пообщаться с сатиром, в юном возрасте свидетельствовать активность ведьм или подержать в руках экзотические артефакты. Но во всех этих случаях ты, по большей части, невольный участник событий, а не инициатор. К появлению этого существа привели непосредственно наши с Константином действия. Это подразумевало ответственность, да какую там ответственность - расплату. Зимой на ночном перекрестке тропинок была всего лишь разминка.

А ведь после юношеских приключений в Липецке, я было думал, что меня ничему уже не удивить. И вот - пожалуйста. Сваливаются на меня истории одна другой страшнее. Я покурил. Серьезно так, с пол часа подумал, действительно серьезно подумал. Потом стер все видео с камер и заменил их аналогичными за сутки ранее. Не надо ни Царю знать, что произошло, ни Константину. Мозги в порядке останутся.

Можно что угодно думать о моем обмане, но я был на все сто процентов уверен, что принял одно из самых взвешенных и ответственных решений в моей жизни.

Ритуал, между тем, сработал, только я не знал что делать с его результатами. И, откровенно говоря, задумываться не хотел.

Жар-цвет

Я очень нехотя отходил от потрясений. Как я и говорил уже неоднократно, по молодости все воспринимается отлично. К сорока же сверхъестественное воспринимается не так просто. Разумеется, думать о ведьмах будучи ребенком тоже очень страшно. Но непосредственно столкновение с ними не вызывает серьезного потрясения. Я понимал, что ведьма была фактически дальней родственницей. Это способствовало моему спокойному отношению к происходящему. Константину, молодому и хмельному, легко дался опыт общения с сатиром. Тот же неразменный рубль, который вечно в кармане. Я к нему привык с детства, но получи я его в зрелом возрасте, мне бы стало крайне неудобно.

Признаться, меня гораздо более ужасал в подростковом возрасте солипсизм, а, когда я стал чуть постарше, то и критическая теория с номинализмом, чем всякая тонкая материя и подобные феномены.

В мои пять лет человек в пальто показался мне приятным дядькой. Но в гараже я был настолько впечатлен, что последующие несколько месяцев вел себя тише воды и ниже травы, еще аккуратнее, чем после встречи с регламентером на лесном перекрестке. К синтезаторам и прикоснуться боялся.

Сначала я даже сделал вид, что приболел. Приехал домой в то утро и проспал до вечера, потом покурил, выпил чаю, и проспал до следующего утра. Только тогда немного пришел в себя. Я не истерил, не трясся, а на автомате выполнял ежедневную рутину, а уже потом какой-то вкус стал находить в том, что меня окружает. А далее и откровенно радоваться начал, что ничего не изменяется вокруг меня принципиальным образом. Существовал по принципу: день прожит и ладно. Странный период. Ощущал и страх и счастье некое.

Родственники и друзья удивлялись, насколько я стал спокойным и адекватным, прекратил суетиться и ворчать. Если вы дочитали до этой главы, то поняли, что поворчать я люблю.

Сложно сказать, был я спокоен или нет на самом деле. Очень интересное свойство есть у людей: совмещать в себе взаимоисключающие состояния. Я был дичайше напуган и одновременно с этим понимал - что бы я ни делал, это ничего не изменит. Поэтому я был абсолютно спокоен. Спокоен как фаталист. Спокоен и напуган.

Так бывает в непростых ситуациях, когда никаких подтверждающих фактов нет, но ты как будто знаешь в чем вся соль. В гараже я видел не человека, да хоть бы и человека из плоти и крови. Важно то, что я был на сто процентов уверен - человек в пальто не был рожден. Его «стрижка» была такой еще до Адама и Евы. Он не покупал себе пальто, и пиджак не покупал. Они ткалось сами, когда он овеществлялся из теней.

Кем он придуман? Его лицо, почему его черты определены именно так, а не иначе? Кто его таким замыслил? В детстве меня подобные вопросы не занимали, сейчас же они вставали острой проблемой. Что я инициировал? Чем мне это грозит? А Константину? А Царю? Как жить в мире, где есть что-то нерожденное и оно знает обо мне? Что значит этот взгляд в камеру? Что я должен из всего этого понять?

Регламентер попирал ту добрую часть моих представлений о мире, которая позволяла мне оставаться в своем уме. Он ходил по гаражу, сидел в царевском кресле, там, где ходил и сидел я, и Царь — нормальные, более или менее, люди.

Мне в первые дни после инцидента страшно было голову поворачивать в сторону Югославии. Но более ничего не намекало на то, что сущность вернется.

Я понимал, что в полной мере я из этой передраги все еще не выбрался. То, что случилось в гараже, вовсе еще не разрешилось. Появление сущности должно подчиняться определенной логике. Но не хватало еще чего-то, чтобы явление выглядело логичным, того, что еще только должно произойти.

Поэтому, с одной стороны, я давал своей психике возможность отдохнуть. С другой стороны, стал крайне внимателен, бдителен и предупредителен. Я ждал. И не сошел с ума от этого раздвоения векторов только потому, что странная логика происходящего этого не подразумевала.

А Константин спокойно себе жил, суетился, радовался, бытовые вопросы решал. Сдается мне, он думал, что после ритуала жизнь его будет стремительно меняться чудесным образом. Так оно и получалось. Уже весной они с Юлией пригласили меня на свадьбу, которую запланировали на август. Прибрала девица к рукам это чудо, мне проблем меньше.

Константин часто рассуждал о том, что так и должен был сработать наш ритуал. Но я склонен полагать, что он успокоился после своего эндшпиля сам, и дело не в оккультных практиках сомнительного толка. Его бытовой прозаический настрой меня сильно успокаивал.

А мне без музыки было тяжело. Привычка - великое дело. В феврале случилась изоляция. Меня отправили на удаленку с потрясающим бонусом - защищенное соединение до рабочих серверов не работало несколько месяцев. Я вставал с утра, проверял, что доступа нет, и спал до полудня. Просыпался довольный, проверял, что доступа все так и нет, и шел в лес до вечера. И так каждый день. Время шло. Я обнаружил, что мне весьма неплохо живется. Я и раньше не страдал излишней социальностью, и теперь, когда антисоциальность стала узаконенной, мне было особенно хорошо.

Хватило меня до середины апреля. Становилось скучно, я прикупил фотоаппарат. С ним можно лазать по лесам не чувствуя себя школьником прогульщиком. «Тенакс» я полюбил сразу и надолго, таскал всегда с собой. Чем больше я снимал, тем меньше тянуло играть. Потому, может быть, я в этой камере из ГДР души не чаял. Забавная история выходит: музыка, фотография, а теперь и книга. Можно брызгать ядом сколько угодно в нормальных людей, которые ведутся на окуляр популистских интересов. Но чем принципиально лучше стереотипы - «синтезатор», «фотоаппарат», «литературка»? Бог миловал, что я не попробовал еще и рисовать.

В голову даже закралась мысль, что регламентер пугнул меня, чтобы я смог отказаться от музицирования в пользу фотографии. Только у меня не было никакого честолюбия к фотографическому делу. Я радовался, что в кармане лежит что-то тяжелое, и оно приятно щелкает затвором и не более того. После моих зимних злоключений я искренне наслаждался нетворческим сезоном.

Как оказывается легко было получить все, что я хотел. Достаточно было лазать по окрестностям. Случилось то самое «сгущай и растворяй». До изоляции все вокруг меня словно бы сгустилось и не давало мне дышать. Я был как та рыба в аквариуме: выгнал всех остальных рыбешек, но слишком долго варился в своей воде. А потом меня словно бы выпустили в природное чистое озеро.

Всю весну и начало лета я бегал по окрестностям нащелкивая километры пленки. В период с мая по июнь я всегда очень плохо сплю - тянет на природу. А снимать в темноте на пленку без вспышки - дело неблагодарное. Потому я тщетно пытался лечь спать пораньше.

В одну прекрасную ночь по истечении второй декады июня я удалился в свою комнату сразу после одиннадцати, открыл окно, лег и начал фиксировать мысль свою на каждом клочке своего тела. Вот я макушкой почувствовал подушку, а пальцем большой ноги - стену. Ощутил, как на правую половину моего окорока дует ветерок с окошка. Увлёкся я настолько, что на удивление спокойно уснул. Проснулся рано и удачно поснимал окрестности под утренними косыми солнечными лучами.

На следующую ночь практика моя уже не сработала. Я придумал другую - залипать на фосфены. Заснул быстро. Идея стара как мир, потому и сработала. Встал я рано, увидел, что льет дождь, огорчился да и лег обратно спать. Проспал до полудня, встал разбитый, весь день занимался непонятно чем.

Дождь зарядил на несколько дней, а я продолжил эксперименты с ранним засыпанием, решил сделать акцент на ушах. Лежал и слушал, как капает дождь. Потом дождь закончился, стали слышны домовые шорохи. Слух привык к очевидным звукам, и я стал фиксировать феномены поинтереснее - движение лифта, стук своего сердца, шум водопровода. Обратил внимание на водопровод меня надоумил Константин в гараже зимой. Далее я уловил низкочастотные неявные и нерегулярные стуки и удары, больше телом, чем ушами. Может, это фура через лежащий полицейский проехала по трассе на Киржач, а, может быть, так двигаются литосферные плиты или растут корни Мирового Дерева. Потом я уловил устойчивый резонанс в комнате на высоких частотах. Сама комната так звучала. Повернул голову немного - резонанс изменил высоту. А потом я понял, что ниже устойчивого комнатного резонанса есть еще один резонанс, потише. Есть и другой, повыше первых двух. Я стал сам выбирать, что послушать, частоту пониже или повыше. И не сразу, но улавливал устойчивую ноту. Стал наигрывать фокусом своего внимания нехитрые мелодии - пентатонику, фригийскую гамму, минор. Какой минор? Тонкий вопрос. У меня нет абсолютного слуха, только относительный. Играть мелодии, слушающая резонансы в комнате - непростая. Устойчивая нота появлялась не сразу, мелодии получались медленные. Потом я расслабился и решил: пусть мелодия выбирается из резонансов бессознательно. Чего ради я работаю в поте лица, когда, по идее, нечто должно получиться само? В итоге, я снова услышал мою дежурную мелодию из детства, с которой первый раз познакомился, когда Зинаида Агафьевна ушла в мир иной.

Воспоминания из далекой липецкой юности настроили меня на лиричный лад, взгрустнулось даже. Подумал я, что изоляция дала мне шанс погрузиться в детство, и, когда она закончится, возвращаться к нормальной жизни будет не очень приятно.

Но, пока меня никто не заставлял возвращаться к будничному быту, я смотрел на свою изоляцию, как на неожиданно подаренное второе детство. Я жил в своем подмосковье уже почти четыре десятка лет и перестал многое замечать. А оно, подобно Липецку, имело свою почву. Как чернозем плодоносил не только лучшими огурцами, вездесущими мокрицами и сладострастными образами, так и подмосковный торф и грибница вкрадчиво возвращали свой мир, гораздо более потаенный. Стоило вернуть себе хоть немножечко детского мировоззрения, чтобы это ощутить. Под шапками сфагнома в болотах рождались гады неустановленных пород, чешуи которых могли поспорить с самоцветами. Грибные шляпки и патефончики цветов могли причудливой своей геометрией удивить самых взыскательных архитекторов. Птицы голосили миллионами наречий почище чем иная «west coast» система. Сама торфяная еловая тьма была могучая и многовековая. Сорок километров заболоченного леса на северозапад и двадцать пять не более проходимых километров на северо-восток не особенно-то и знали, что такое нога человека. Они насылали на наш город образы совершенно не такие, как богатый на чувственность чернозем. Дремучие, бесчеловечные эгрегоры, сваренные в торфе по рецептам древних божеств томились и зрели. Таких и богами не назвать. Подобное определение дает больше антропоморфности, чем те могут себе позволить. Болотные образы совсем не такие, как липецкие. Они не прыгают в голову виноградной современной лозой и маками Бердсли. Они пускают грибницу в сознание и возвращают там идеи, для описания которых и слов толком найти не получается, только отголоски рудиментарной лингвистики и невнятных настроений. Зато, в таких настроениях, ты чувствуешь себя подключенным к чему-то необъятному и не менее родному, чем «липяцкая» черноземь. А потом внезапно ты находишь сморчки в огромном количестве и под ноги тебе бросается шальная весенняя веретенница. Серые жабы в очереди выстраиваются, чтобы тебя поприветствовать. Иной раз и молодая гадючка блеснет чешуей на обочине дороги, скрываясь от голодного ежа. В лужах тритоны, двоюродные братья саламандр, приглашают тебя почесать огненные свои пуза.

Вчерашняя подмосковная весна будто бы приоткрыла под потолком мироздания форточку в доисторический мир. Собственно, весенний ветер, это не превентивный поток воздуха,

это возмущение, которое создали молодые титаны своими порывистыми движениями на заре мира. Поэтому весенний воздух пахнет дремучей молодостью.

Но прошел казалось бы только день, вечер и ночь. Весна кончилась. Ветер ее уже вдохнули все, кто очнулся после спячки: пташки, и букашки, и кабаны с лосями в топях на северо-запад от нашего города. Весна исчерпалась, ей сочувствует майринковский «лик» подращенной зеленой массы, пока в огнях фонарных сгорают легионы фей. Они распределены по родам войск - тучные бражники, лесные мотыльки, златоглазки. В своем сне монаршее солнце уже приняло весну как жертву лету. Подмосковные «саламандры», переселяются поближе к воде в колодцы и плетут там хоровод летних интриг. Да и небо копит океан воды. Небосвод готовится к осеннему пожару плоти истекать хлябями обратно на землю. Так у нас в Подмосковье созревает время.

Для счастья мне не хватало только двух вещей. Поймать бы ужа. Цари змей, коронованные солнцем, у нас не встречаются, к великому моему сожалению. Поимка расхожей, казалось бы, змеи на родных просторах могла посчитаться редкой удачей. А после такого везения можно бы и цветущий папоротник найти.

Хорошо мне было обо всем этом думать в полудреме. А потом мне пришла в голову гениальная мысль: почему бы не снимать звезды? Это позволит не душить в себе сову и сохранить предлог для праздного времяпрепровождения на природе. На тот момент уже за два часа ночи перевалило, засыпать я не собирался. Стал читать про съемку звезд на пленку. Дело хлопотное, но попробовать стоило. Черт знает, когда я заснул.

Проснулся я, конечно, поздно и разбитый. Но меня грела идея поработать ближайшей же ночью. Штатив имелся, высокочувствительная пленка - тоже. Июнь - самый светлый месяц года, что не способствует хорошим результатам. Но я твердо решил не перебарывать свою совиную природу, а идти в лес. Дождей больше не обещали, облаков не было, луна не собиралась появляться на небе и слепить мой объектив.

В ближайшую же ночь я одел парку, взял нехитрую свою технику, брызгалку от комаров и вышел на улицу. Часы показывали половину первого. Я торопился, к половине третьего ночи небо начнет светлеть. А мне еще надо углубиться в лес, чтобы городские фонари не давали светового зашумления.

В поле меня встретил козодой, старый знакомец. Хотя, как же? Скорее всего, это был молодой представитель династии козодоев. Приятно думать, что лет двадцать назад я слушал его прадеда. Уже перед лесом козодой замолк: я слишком близко прошел рядом с местом его дислокации.

Я шагал по лесу минут десять в блаженной неге, было тепло. Дошел до перекрестка, где видел регламентера позапрошлой зимой. Никакого страха не почувствовал. Еще и посмеялся: что-то я слишком чувствительный зимой был. Прошел дальше, заметил с пяток удачных мест для съемки. Таких, где созвездия на снимке будут красиво обрамлены верхушками елей и сосен. Мне нужно было сделать по два кадра на каждое такое место: на пятнадцать и семнадцать секунд выдержки. В общей сложности выйдет десять или пятнадцать кадров. Учтывая, что «тенакс» снимает в формате двадцать четыре на двадцать четыре миллиметра, против стандартных тридцати пяти, кадров у меня было не тридцать шесть, а под пятьдесят. Так что пленки мне хватало.

Я щелкнул красивую россыпь звезд в березняке, потом на «костровой» полянке сделал несколько кадров. На этой поляне мы часто собирались на небольшие посиделки. На памятном перекрестке запечатлел Кассиопею, люблю ее. Бывало посмотришь на ночное небо - вот она светится, и на душе спокойно. Будто бы за тобой приглядывают. Ночью в видоискатель смотреть нет никакого смысла, я кадрировался по наитию. Чтобы Кассиопея получилась наверняка, я потратил на нее аж шесть кадров, как если бы беспокоился, что больше ее не придется увидеть. Странные мысли. Еще одну россыпь звезд я зафиксировал ближе к городу.

Мне оставалось метров сто по тропинке до выхода из леса на поле перед домом, когда я заприметил десяток ребят, идущих мне навстречу. Ничего необычного в этом не было. Молодежь гуляла, примерно так же, как и я с друзьями в молодые годы. Ребята поравнялись со мной, и я мог худо бедно рассмотреть их в полутьме. Либо старшекласники, либо студенты. Мальчонки неуклюжие и одеты, кто во что горазд: широкие порты, мешковатые куртки и свитера. Девочки с ними были неловкого хипстерского вида: юбки в пол, вязанное что-то сверху или цветастая одежка, намекающая на легкую блажь ее владелиц. Дети, как дети. Мы с Царем и Константином в нежном возрасте выглядели не лучше в вечно грязных берцах и полевых куртках. По опыту могу сказать, что молодежь у нас в городе в большей степени реакционная, чем авангардная. И то, что так называемая «инди-культура» добралась и до нас, говорило о том, что мода эта отжила свое.

1

Я смотрел на ребяташек и вспоминал, как мы с одним знакомым музыкантом ждали звукооператора перед баром, где должны были выступить в тот день. Стояли в майках, шортах и кедах с рюкзаками, полными железа. Вокруг нас сновали «техно-кобры» и парни в рваных черных худи с капюшонами, опущенными на головы. Товарищ тогда заметил, что «артистов» легко отличить по простому внешнему виду. Роли поменялись. Еще вчера выступающий пытался как-то подчеркнуть свою индивидуальность и выделиться. Сегодня же между музыкальными барами курсирует пестрая толпа, а музыканты заглядывают туда отработать в том, что надели бы и на дачу. Мне этот феномен скорее нравился.

От мыслей меня отвлек самый бойкий мальчуган:

2

— Вы телефон не видели?

«Вы»? Молодец парень, предупредительно вежливый, это приятно. Парнишка ко мне обратился высокий худой и кудрявый. Голос у него был забавный - каркающий, уже сломался, но, не до конца.

— Потеряли?

Тот кивнул.

3

— По сторонам не особо смотрел, — ответил я.

4

— Он на беззвучном. Вечером потеряли, сейчас с подмогой идем искать.

5

— А где?

6

— В «яме».

7

«Ямой» называли лесную поляну в метрах пятидесяти от дороги. Поляна имела тарелкообразный рельеф. Зимой днем на нее водили учеников младших классов кататься на лыжах. Небольшой уклон позволял им безопасно скатываться к центру поляны. Летом же там жгли костры, а в дождливый сезон «яму» затапливало.

8

— Пошли помогу, — по инерции предложил я.

9

— Спасибо, лишняя пара глаз не повредит.

Мы прошли лесной тропинке к месту поисков. Стоило бы мне и отсюда звезды щелкнуть, но уже не сегодня. Небо явно приготовилось светлеть. Ребята рассредоточились по поляне, кто-то даже на четвереньки опустился.

Я было включил фонарь, но парень меня остановил:

— Мы на него звоним, в темноте ярче светиться будет.

Действительно, дело говорит. Я стал обходить ту часть «ямы», что поросла папоротником и какими-то кустами, бузиной или чем-то таким. Слишком темно было, чтобы однозначно идентифицировать, еще и папоротники мешали. Ребята, проверяя открытые поверхности, сами не замечали, что нехотя оттесняли меня к кустам. Я пытался заприметить что-либо светящееся и, действительно, увидел что-то краснеющее под листьями папоротника. Должно быть телефон упал экраном вниз, поэтому и светит так тускло. Я опустил на корточки и протянул руку, шарил ею почти вслепую. Вот-вот должен нащупать твердую поверхность телефона. Но вместо угловатого корпуса, мне в руку легло что-то теплое, а еще такое, от чего по пальцам прошло напряжение и они немного онемели. По инерции или из любопытства я этот предмет схватил. Секундой позже сообразил, что я это нечто еще и сорвал.

Я выпрямился, поднес руку к глазам и увидел цветок, похожий на «венерин башмачок», в который забрался светлячок. Колбочка светилась золотистым цветом, будто свечка горела. А из отверстия колбочки искорки мелкие вылетали, как из костра, когда туда кладешь еловую ветку. Иголочки вспыхивают и отстреливают вверх и вбок по нелинейной траектории, будто концы невидимой плетки, которой хлещут время. Рука немного онемела и чуть-чуть «горела», как если бы ее намазали гелем от болей в спине.

Я услышал из-за спины:

— Нашли?

— Это не телефон, — ответил я.

— Дайте посмотреть!

Стоит пояснить, с каким «дайте посмотреть» я столкнулся. Слишком много приказного тона, слишком много нетерпения. И, как я еще не догадывался на тот момент, слишком мало человеческого в голосе.

Бытует за мной специфическая черта, если я чувствую экспансию или давление, пусть и оправданное, я по инерции ухожу в отрицание. На уровне рефлекса. Чуть что - сначала скажу «нет», а уже потом буду думать. Тем более, мне не должна нравиться экспансия, которая идет от подростка. Я рефлексивно прижал руку к груди, повернулся и посмотрел на паренька. И мне не понравилось то, что я увидел.

Цветочек у меня в руке вроде бы совсем и не яркий был, но, как оказалось, светил не хуже иного фонаря. Вместо пацана я увидел всего в паре метров от себя некое подобие чучела. От человека там наличествовала кожа, кости, волосы - все честь по чести. Только собраны они были не очень аккуратно, лицо кривовато натянуто на череп, глаза на разном уровне и светятся очень нездоровым красным светом. Совсем не тем приятным золотистым светом, который шел от цветка у меня в руках. Двигалось существо расторопно, но неправильно. Не научили его ходить по человечески. Ступни чучело ставило абы как, бесконтрольно. Левая рука неестественно вывернута ладонью вперед. Вторая подогнана как надо, но тоже левая. Эти недочеты мешали чучелу подростка эффективно передвигаться, но он добирал энтузиазмом.

От своего лидера не оставили и остальные участники поисков. Девочка в длинной юбке, как оказалось, все время сдерживалась, передвигаясь неестественным для нее образом, как нормальный человек. Но, когда я схватил цветок, она перешла к более привычному для нее виду передвижения. Согнулась пополам, поставила руки ладонями на землю и встала на них. Юбка опустилась на голову. То, что ранее было под юбкой, оказалось вовсе не девичьей кормой с ногами, а копией ее половинки - той, что сейчас спряталась под вывернутой юбкой. На меня смотрела вторая половинка девочки, копия нижней, такая же юная дева с серьезным выражением милого личика. Несколько ребятшек парили над землей, имитируя походку. Ноги двигались с большей расторопностью, чем предполагала медленная скорость левитации чудищ. Их тела периодически немного заваливались вбок. Они неуклюже помогали друг другу принять

вертикальное положение тел. Кто-то из молодежи уже достал хвост, расправил крылья и летал над поляной, гнусаво похрюкивая.

Что странно, среди всей этой компании по поляне вдруг забегали куры. Черные, белые, пеструшки. Они кудахтали, махали крыльями, мастерски наводили суету. Как жаль, что среди них не было ни одного петуха. А петуха, хотя бы одного, сильно не хватало. Самое время ему было запеть. Но ближайшую деревню застроили новомодными домами, никто там кур не держал уже лет двадцать. Тем страннее казалось присутствие большого поголовья домашней птицы на поляне.

Неподалеку стоял «человеческий» невысокий паренек в кепке и черной футболке. Мне показалось, что я видел его в поселке часто. Возможно, это был сын одного моего знакомого. Надо бы его отцу по случаю аккуратно и ненапряжно намекнуть, что мелкий связался не с той компанией. Парень мог бы и сам догадаться, но с нашей молодежью ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов.

Мартышка внутри меня оставалась на удивление спокойной. Я успел исчерпать свой ресурс страха после появления регламентера этой зимой. Меня раздражало, что нечестивые малолетки бесчинствуют на поляне всего в паре сотен метров от моего собственного дома. Через деревья даже фонари с дороги проглядывали. Выиграло чувство локального патриотизма. Чего это всякая пакость промышляет на моей территории.

Внутренний аналитик проснулся и принялся активно размышлять. Не надо быть сильно умным, чтобы понять, что я сорвал мифический цветок папоротника на летнее солнцестояние. Теперь меня страшит бригада нежити. Цветок у меня - это преимущество. Взять его по своей воле они не могут. Навредить мне, пока я держу цветочек, тоже не могут. Если же я его отдам, то огребу в любом случае. А жар-цвет, судя по описаниям, быстро вянет, и это проблема.

Сильной радости от обладания цветком я не почувствовал. Уж больно хлопотным казалось вынести его из окружения. Насколько я помнил литературу, нечисть профессионально подходила к процедуре изъятия огненного цветка. Подумаешь, казалось бы, бежишь и не оборачивается? Но эти хитрецы занимаются грабежом героев многие столетия. У них уже сложилась и методология, и богатая практика. Вряд ли я справлюсь лучше тех, о ком писали литераторы прошлых столетий.

Нечисть окружила меня, но вперед не продвигалась. Чудища имитировали бурную деятельность, не более того. Я чувствовал такую имитацию очень хорошо, сказался опыт многолетней работы в ИТ. Действовало негласное правило - я защищен, пока цветок не завял. А он уже начинал бледнеть.

Не скажу, что я не хотел бы воспользоваться жар-цветом в корыстных целях. Найти клад - не самая плохая перспектива. Но меня не каждый день активно атакуют сверхъестественные существа. Я полез в карман за неразменным рублем. Ленин, как нечисть, должен оказывать некоторое влияние на своих собратьев. Если я кину его в кусты, чудовища отвлекутся ненадолго. А может и не отвлекутся. Или я договорюсь поменять неразменный рубль на свою безопасность. Нет. Вряд ли даже местная малолетняя нежить настолько тупа, что купится на это. Самым дельным вариантом казалось проглотить рубль. Я мог бы обругать нечистых именами Иеговы, как когда-то я поступил с сотрудницей колл-центра. Но рубля в кармане не оказалось, впервые за несколько десятилетий. Я решил не сильно задумываться на этот счет, есть дела и поважнее. Цветок стремительно бледнел. Надо думать еще быстрее. И, все же, даже в свое отсутствие, рубль мне помог - навел на идею. Я увидел для себя только одну возможность выйти сухим из воды. Сразу сниму с повестки вопрос об актуальности грабежа. Такого финта мои оппоненты точно не ожидают. Литература подобные случаи не описывала, значит, это те самые случаи, которые не вошли в печальную статистику.

Я съел цветок папоротника и развел руками. Не успел толком ничего почувствовать. Как бы я холоднокровно не вел себя в тот момент, определенный стресс имел место. Как я и рас-

считывал, нечисть, не ожидала такого поворота, не была должным образом проинструктирована. Недоделанный кудрявый болванчик явно растерялся, подзавис, наклонил голову в бок, словно обдумывая ситуацию. Двойные пол-девчонки вопросительно уставились на него одной из своих половин. Крылатые твари опустили на крае полянки и присели на корточки, сложив лапы на колени, так у них заведено. Ходячие же потянулись к лидеру, вопросительно похрюкивая. Человеческий паренек не то, чтобы преобразился, но я внезапно понял, что это был самый что ни на есть натуральный «третий». Совсем как их описывал Роман, только не на столичный, а на подмосковный манер. Не был этот «третий» ни пресловутой «тульпой», ни сбежавшей душой. От него веяло потусторонним, но не тем потусторонним, которое романизируется. Он был родом из тех мест, что за «четвертой стеной». Мог быть читателем или слушателем. В принципе, ему даже нельзя было отказать в человеческой природе. Иногда мы сами - такие же «третьи».

«Третий» паренек изначально наблюдал за всем происходящим не вмешиваясь. А сейчас и нечисть не проявляла ко мне интереса. Блокада была снята, никто не собирался перегруппировываться и нападать. Твари с огорченным видом даже не пытались скрыть растерянность. Я спокойно зашагал домой, размышляя: чем же обеспечено мое спокойствие? Может все дело в волшебном допинге, который уже начал оказывать на меня эффект. Или это мизансцена? Она оставила после себя какое-то глупое чувство, вовсе не страх. Неуклюжие придурковатые статисты и пакостники из тонких миров обнаружили непрофессионализм и совершенно неуместную индивидуальность.

Вырождается родная нечисть, вырождается. И, все же, наша подмосковная нечистая сила гораздо приятнее в общении, чем представители столичного богемного «полусвета». Те и нечистью не считаются: одни сифилитичные нимфы да павлины с испорченной кровью. Хотя, уместно ли говорить о каком-то современном отечественном «полусвете»? Так... Сумеречный НЭП, только веком позже. Он не примыкает снизу ни к чему вескому и значимому, такому, о чем хоть что-то хорошее можно сказать. Центр культуры точно не рядом. Он сейчас где-то под землей.

10

Кого-нибудь я огорчу, но никаких ассоциаций с расширением сознания в моем случае места не имело. Не понимаю концепцию «расширения сознания». По мне, так любой допинг только сужает сознание, сбивает настрой к тонкому восприятию образов. Я всегда готовился к творческой «сессии» так - копил трезвость. В какой-то момент поток художественных образов сам прорывается в голову, а от нее и к рукам. Тогда и начинается активная рабочая фаза. По ее завершению, этот поток надо еще и прикрыть. Для этого можно и в бар сходить. Долго выдерживать концентрированный брендспойт из смыслов очень тяжело. Допинг залечивает мозговую пробоину из мира идей, он буквально отупляет.

Эйфории от приема жар-цвета я не ощущал, хотя и радовался тому, насколько ловко разрешил кризисную ситуацию. Какой молодец, жаль рассказать некому. Кто мне поверит?

11

Состояние свое могу описать как перегрузку и сенсорную депривацию. Похожим образом слепит солнце если выйти из темного помещения. Или, если весь вечер простоять у концертной акустики, то все следующие сутки слышишь только звон в ушах.

12

Пока я выходил из леса к полю перед домом, ощущал необыкновенную усталость. Никаких кладов я не видел, мудрости особенной не ощутил, нечисть не идентифицировал, кроме той, что осталась позади. Никакой пользы, которой известен цветущий папоротник, я не заметил. Да и не хотелось мне ровным счетом ничего, максимум - доползти бы до дома. Ноги еле передвигаются. Благо есть у горожан наших то самое особое свойство - на автопилоте мы приползаем домой в любом состоянии.

13

Я поднялся к себе, оценил перспективы - выходные только начались. Никто меня не потревожит два ближайших дня. Я скинул одежду, грохнулся в постель и вырубился на сутки. Полтора дня я «экзестировал аутентично», максимально аутентично - спал как младенец.

14

Проснулся из долгого интересного сна, который не помнил. Солнышко тускло светило в окно. Стояла жара. Настроение было отличное. Телефон подсказал, что спал я почти тридцать часов.

15

Меня немного шатало, но в пределах нормы. Я сварил кофе, пошел с ним на балкон. Закурил. Кофеин прогнал последние остатки сна. Я понял, что до сих пор разгребая последствия потребления волшебного цветка, хотя и клады с нечистью я со своего балкона не увидел. Мир за окном накрыл густой туман. Я решил не удивляться, сделал скидку на свое состояние. Но покурив, я почувствовал, как где-то внизу стремится по подземным рекам сок земли, иной раз выходит на поверхность, густеет и фоссилизирован, превращаясь в корни мирового дерева, которое питает мир образами и смыслами. Так буднично, оказывается, мировая твердь живет своей потаенной жизнью. Мне с непривычки все это показалось очень поэтичным. Небо немного изменило свой цвет, я как квалифицированный почтовый голубь, точно знал, где находится север, а где юг. Увидел на небе места, в которые смотреть лучше всего. Звучит странно, но они есть, оказывается. Смотришь на них, и становится лучше, чем если бы ты смотрел на любое другое место.

16

Еще я вспомнил, что пропал мой неразменный рубль. Он больше не охлаждал задницу через карман. Это легко объяснялось тем, что Ленин, изображенный на «орле», будучи лютой нечистью, не терпел присутствия жар-цвета, медленно переваривающегося в моем желудке. Посмотрим, что будет, когда я полностью переварю цветок, может «рупь» и вернется. А может и не вернется. Меня отсутствие Ленина не огорчило.

17

Были и другие эффекты от приема папоротникового цветка, но слов для них я едва ли найду. Цветок, стало быть, изменил меня. Поначалу, от резкого поступления в организм волшебной материи, я был подавлен всем вокруг. Через тридцать часов я либо успел адаптироваться, либо эффект от приема жар-цвета начал спадать. Потому на то утро я был в большей мере дееспособен.

18

Здравый смысл подсказывал мне, что специфическое мое состояние закончится. Поэтому, стоило подумать о том, как распорядиться полученными возможностями. Можно выйти на улицу, чтобы эмпирически постичь привелегии от своего нового состояния. Да и шансы увидеть клад не стоит отбрасывать. Мысль о кладе навела меня на размышления о том, чего же мне не хватает? Чего я хочу?

19

Жить нормально хочу, быть счастливым. Хоть бы как и в данную минуту. Но я не дурачок, тем более, под влиянием жар-цвета. Понимаю, что счастье временно, как и любое состояние. Надо мыслить приземленнее. Вопрос здоровья закрывается непосредственно приемом цветка. Либо, наоборот - он резко встанет через некоторое время. Но то дело решенное, раз я уже съел огнецвет. Что еще должно бы меня интересовать? Про карьеру я думал в последнюю очередь. Дела сердечные для решения своего должны основываться как минимум на присутствии определенной личности в моей жизни. А ее на тот момент не было. Но даже без этого, я четко осознал, что четвертый десяток скоро минет, и все мои мытарства по музыкальной пустыне оттого и продолжаются, что я не смог порешать гораздо более важные вопросы.

20

Неожиданно совершенно я осознал себя как семьянина без семьи. И никакой суррогат в виде тусовочек и около-музыкальной социальности ее не заменит. Всем, что я сделал за последние лет десять, стоило бы поступиться ради наличия семьи. С другой стороны, чем, за рамками желания быть семейным, я еще могу характеризоваться? Одно это желание не составляет мою суть? Вряд ли на пользу гипотетической семье пойдет некий ее член без какой-либо сути, кроме абстрактной тяги к семейности? Чего я хотел кроме семьи? Мистического опыта? Он уже сполна получен. Я еще легко отделался. Бытовая семейность стала дисциплиной гораздо более эзотеричной, чем каббала и гностические практики. Бог с ней, с семейностью. Цветок папоротника мне тут не поможет, надо действовать самому.

21

Забавно, неужели я не мог обо всем этом подумать без жар-цвета? Мысли не особенной мудрости. Чего я раньше спотыкался на проблеме музыки и трагизма и прочем подобном? Хорошо, что сейчас за голову взялся.

22

Что я еще могу сделать с помощью цветка? Разрешить мою ситуацию с дебильным Константиновым экспериментом и, таким образом, убрать совершенно неуместный раздражитель - страх. А боялся я регламентера. На текущее время, съевши огненный цвет, я вообще ничего не боялся. Опять таки, надо мыслить интегрально. Наступит завтра или послезавтра, и я не хочу, чтобы чертов регламентер оставался для меня камнем преткновения.

23

Значит надо его вызвать, поговорить по человечески, разрешить вопросы, недопонимания. Чего ему от меня нужно? Чего это он пугать меня вздумал? Пока работает неожиданный допинг, проблем он не доставит.

24

Совмещу приятное с полезным, прогуляюсь, поищу клады, призову регламентера. Мыслил я ясно, не собирался повторять действия Константина в полном объеме. Дел немного - взять небольшой грувбокс на батарейках, набить пару паттернов вслепую и включить их негромко через наушники, чтобы я сам звука не слышал. Регламентер появится, я точно это знал, огненный цветок из желудка нашептывал. Дело не в масштабе, а в намерении.

Туман

1

Я вышел во двор, на улице было подозрительно тихо. Что необычно, туман стоял плотной завесой. Солнце на небе казалось светящимся газовым облаком. На него можно было смотреть не шурясь. Воздух душный и влажный. Туман был абсолютно реальным. Видимо, пока я спал, шел ливень. Сверился с телефоном, так оно и было.

2

Я свидетельствовал подобное всего два раза за свою жизнь. Один раз в десятом году, когда горели торфяники. Но тогда вместо тумана все вокруг заполнил едкий дым. В другой раз я видел подобное в середине нулевых, когда полугодовая норма осадков выпала за пару дней, а потом началась такая же жара. Туман стоял равномерный по всей округе. Было очень жарко и душно, словно в супе варишься. Народ не выходил на улицы. По мне такая погода идеальна. Очень люблю влажную жару. Я тогда пошел гулять по пустынным улицам и был невероятно счастлив.

3

Первую странность я заметил на игровой площадке. Дети спали вповалку - кто устроился калачиком прямо в песочнице, кто на горке лег, а кто-то прислонился спиной к шведской лестнице. Спали безмятежно, лица умиротворенные. Головы их светились золотым светом. Свет этот странным образом был явно виден даже днем и при этом не слепил глаза. Если жар-цвет должен показывать клады, то они, получается, были в детских головах.

4

Я дошел до машины, покурил проветривая нагревшийся салон и медленно выехал со двора. На выезде увидел у обочины дороги заглушенную машину. Я поравнялся с ней и остановился. Водитель спал. Голова его тоже светилась золотом, не таким ярким, как у детей. Было ощущение, что сон сморил водителя прямо за рулем, и он решил вздремнуть в сторонке. Я двинул дальше в сторону ближайшего магазина, того самого магазина на окраине городка, где отовариваются москвичи, пока едут на дачи к северу от столицы. В нескольких припаркованных машинах так же спали люди, иногда целыми семьями. Все - «златоглавые».

5

В магазине сидели, прислонившись к полкам, пару сновидцев. Кассир положил голову на стол и отсвечивал золотом на кассовый аппарат. Я совсем чуть-чуть подивился, но виду не подал. Во-первых, не перед кем. Во-вторых, организм выработал толерантность к необычным явлениям. Но я ошибся, за полками с товарами раздалась шага. Трое «третьих» шли к кассе с тремя бутылками джина и девятью бутылками тоника в руках. Они будто сошли с кадров стереотипного ситкома, но детали их внешности и одежды быстро испарялись из головы. «Третьи» еле донесли бутылки до кассы и с явным облегчением вывалили товар на ленту.

6

— Ну и что теперь? — спросил один из них своих товарищей, глядя на спящего кассира.

7

— Налик оставь, и погнажи, — ответил ему друг.

8

— Кассир товар не пробьет, недостача будет. Нехорошо, — ответил третий «третий».

9

Меня умилила подобная социальная ответственность. Я наблюдал за ними внимательно, так как уже привык немного к огнецветному зрению, и замечал новые детали. «Третьи» не светились, но были определенно людьми. Цветок давал некоторую прозорливость выходящую за рамками чувственного. «Третьи» были туристами с обратной стороны «четвертой стены». Не

такие, как регламентер. Тот - свой по обе стороны. А «третьи» - нездешние, из числа читателей или слушателей. Не могу сказать, оказались они у нас случайно или с определенной целью. Судя по виду, ребята развлекались. Но я не могу осуждать их выбор, ведь и меня развлекало творящееся вокруг. Слушатели и читатели чего они были — один Бог знает. «Чего угодно» - намекал мне цветок из желудка. Все настолько переплетено и вне фокуса человеческого внимания, что жар-цвета хватало только на «все, что угодно».

10

Парни заметили меня и спросили:

11

— Знаешь, как кассой пользоваться?

12

— Нет, — ответил я и добавил: — Сходите в «питейный», по дороге в метрах ста на рынке. Там все только нал и принимают.

13

— Алкоголь там паленый наверняка,— недовольно заметил один из троицы.

14

Другой ответил:

15

— Ладно, нормальный компромис.

16

Я поинтересовался:

17

— Ребят, а вы откуда? Что тут делаете?

18

— Да мы просто спим, — ответили «третьи» в три голоса.

19

Я кивнул приветливо и вышел из магазина.

20

Не отведай я цветок папоротника, много бы интересного не узнал. Не застал бы всеобщий сон, а спал со всеми. Не узнал, что некие «третьи» - читатели и слушатели. Ходят среди нас, как ни в чем не бывало. Меня порадовало, что они не бездушные «воли к воле», оболочки, наполненные страстями и привычками. Мне стоило подумать: а кто я сам в той ситуации? Бодрствующий или спящий? Не додумался тогда в зеркало посмотреть, проверить - свечусь я сам, или нет. Сейчас пишу и горько сожалею, что упустил такую возможность.

21

Я увидел кошек выйдя из магазина. Они не спали, лежали в тени под козырьком. Не очень активные, что понятно - жара лютая стоит. Головы их светились, но другим цветом, не человеческим золотистым. По правде говоря, я и на счет золотого цвета соврал. «Людское» свечение ощущалось близким к золотому, но для него следует придумать свое название. Кошки светились другим, «кошачьим» светом. Светилось чем-то своим все вообще, и не только головы или живые существа. Я этот факт не сразу осознал. Только когда увидел разные типы свечения живых объектов, стал замечать и остальное. Цвет земли или кирпичной кладки в глаза не сильно бросался. Трава с деревьями искрились ярче. Все, что я видел, светилось, достаточно было присмотреться. При таком обилии нового, не все получается заметить сразу.

22

Но более явно выделялось, конечно, все живое. Я поискал глазами еще какую-нибудь живность, птиц, например. Не заметил. Сидят в тени по своим веткам, не щебечут. Если мне дышать в такую погоду тяжело, то мелким их тушкам и подавно.

23

Перед тем как уехать, я прошелся по парковке. Хотел в непосредственной вблизи понаблюдать, как светятся люди. На кассиршу смотреть неловко, я ее знаю. Как спят мужики, я тоже смотреть не хотел, не сложилось привычки такой. Я прохаживался у машин, покуривая сигарету, пока не заметил симпатичную девчонку, спящую за рулем синей «кии». Не местная, судя по номерам. Наверняка поедет потом в сторону Сергиева Посада, по Золотому Кольцу, не иначе. Девчушка спала запрокинув голову назад. Перед сном открыла окно и свесила руку, тонкую в запястье. Если бы глаза не были закрытыми, они бы огромными казались. Светленькая, вроде. У меня сложилось ощущение, что девушка эта довольно часто хихикает. Личико ее словно бы потворствовало этой практике. Никаких татуировок, особенностей в одежде, культурных опознавательных клейм она не обнаруживала и одета была условно спортивно. Какая милая, так бы смотрел и смотрел. Для того, чтобы полюбоваться подольше, я закурил вторую сигарету. Голова ее, как и у остальных, тоже светилась золотым светом. Я заметил, что свечение мерцает, переливается разными цветами оксидной пленки на меди. Тот же цвет, что я вижу на небе перед рассветом, когда невидимые ангельские глотки затягивают свои литании некоему внеисторическому потаенному миру. Одно это свечение само по себе завораживало, не говоря про саму милаху. Вот так и выглядит идеальная и при этом настоящая женщина. Увиденного мне было достаточно для того, чтобы захотеть с ней пообщаться. Даже не смотря на то, что в салоне играла совершенно дьявольская попса, причем, с телефона, а не радио. Ну и ладно. Подумаешь, мелочи какие. Понимание дешево. Ничем не обусловленное принятие гораздо более ценно. Я первый раз в жизни почувствовал, что смог бы принять человека без каких-то условий, а то и вопреки некоторым. Тем более, зачем мне в семье два ядовитых сноба? Далековато я уже успел зайти в своих мыслях. Все понимал, но даже не пытался как-то образумиться.

24

Мне было неловко, но я протянул руку и заглушил машину. А то проснется дамочка, а бензина нет. Тогда и увидел, что опоздал. На пассажирском кресле сидел дистрофичный, лысый и щетинистый муж, судя по кольцу на пальце. Придурковатого вида мужик спал в кресле с таким видом, будто у него вечно болит спина и он очень недоволен играющей музыкой. Майка Grauzone подтверждала мою догадку. Мне стало очень, очень грустно. Как же такой цветочек попал в лапы этой образине? Наверняка он спесивый ворчун и думает о себе как о венце культурного авангарда. Фарисей. Пес. Как несправедливо, что повезло не мне, а этому небритому щетинистому дистрофану. Девушка напомнила мне Евгению, с которой я первый и последний раз виделся на берегу северного озера лет двадцать назад. От этого стало еще печальнее.

25

Сильно раздосадованный, я проехал по центральной улице. Увидел еще пару сновидцев на обочине и штук пять в тени автобусной остановки. Туман стоял такой, что я не различал цифры электронных часов на здании «управления эксплуатацией». Я начал немного отходить от моих переживаний на парковке. Какой красивый у нас город. Он вовсе даже и неплох, когда все горожане спят. Я проехал по дороге за город в сторону леса. Опушка переливалась разными оттенками, как поле с ковылем на ветру. Только разнообразнее. Но это уже не та картина, которую можно передать словами.

26

Я вдруг начал понимать, почему аполлоническая трезвость, в противовес дионисийскому буйству, трактовалась в «рождении трагедии» как сон и иллюзия. А чем еще считать трезвую деятельность, как не самой что ни на есть возмутительно откровенной иллюзией и сном? Составители регламентов, поборники эффективности, бытовые рационалисты - спят. Спят спешащие на работу, а там и за столами своими спят. Девушки спят, накрашиваясь перед зеркалом. Спит Константин, продающий свои синтезаторы. Спит его Юлия, планирующая свадьбу. Царь спит в гараже среди железа. Где-то спит Евгения, один Бог знает, за каким занятием. Артем

тоже спит, программируя линии цифровых задержек. Саша играет гамму на гитаре во сне. Сплю и я, выбирая драм-машину на барахолке. Пишу этот текст, и тоже, кстати, сплю. И вы туда-же.

27

Я притормозил, пошел в тень деревьев, курил и думал, куда бы мне поехать для вызова регламентера? Где я хотел бы сейчас оказаться? Поеду на остановку у котельной. Меня с ней связывали приятные воспоминания. Любил иногда приехать посидеть. Зимой дым валит из труб - красиво. Летом в жару тень навеса манит и птицы щебечут на заброшенных огородах неподалеку. К осени можно поживиться терном и черноплодной рябиной. Туда и направился. Всего метров сто пятьдесят по прямой и направо.

28

Я припарковался у остановки. Все спят, никому моя машина не мешает. Достал свой синтезатор с наушниками. Сел и начал думать, как же я буду писать мелодию, не слушая ее? Набивать пальцами на маленькой клавиатуре? Не получится. У меня память на тона выработалась. Понимаю худо бедно, какие ноты играю. А если щелкать клавишами по двухоктавной клавиатуре закрыв глаза? Получится бессознательная дребедень. Непростая задача, оказывается. Константин, проделал серьезную работу, выработал особый подход к написанию музыки не слушая ее, раз ритуал сработал.

29

Мне не пришлось ничего делать. Справа к остановке подошел регламентер. Без пальто. В черных брюках и белой рубашке. Черный пиджак он закинул на плечо. Мужчина произнес глуховатым голосом:

30

— Это не обязательно.

31

Я вспомнил этот голос. Мужик совсем не изменился с того момента, как я виделся с ним в детском саду. А прошло больше трети века. Я по инерции протянул руку. Мужик пожал ее. Хотя, какой мужик? Он мог быть и моим ровесником, но мне было легче думать о нем, как о старшем. Надо отметить, он ничем не светился.

32

Регламентер сел рядом на деревянную скамейку и посмотрел на меня вопросительно. Я спросил первое, что меня сейчас занимало:

33

— Почему не обязательно?

34

— Потому.

35

— То есть как? Тебя не надо вызывать играя вглухую?

36

— Глупости какие. Меня вообще вызвать невозможно. И смысла никакого в этом нет.

37

— А как же Константин? Ритуал? Мы тебя призвали.

38

Я был уверен, человек с педжаком прекрасно понимает о чем я говорю. Так оно и было.

39

— Я пришел посмотреть на дурачков, которые записывают альбом и играют его так, чтобы никто не слышал. Это в моей практике первый подобный случай. Совершенный в своем упадничестве культурный феномен. Я не мог такое пропустить. Обязан был оказать вам честь.

Мужик явно и не без удовольствия потешался надо мной. Я обидился:

— Тем более. Получается, что мы тебя призвали, раз ты не мог не посмотреть на наши эксперименты. Признай - поймали.

— Ладно, ладно. Можешь и так считать. Но музицирование ваше - бред. Антропоцентристы хреновы. Это как рассыпать пшено на пианино, а потом говорить, что птички музыку играют. Стирание вашего альбома, это что-то вроде утилизации плесневелого хлеба или дефективной партии товаров.

— А чего ты меня на камеру пугал? — возмутился я.

— Вовсе и не пугал. Это твои проблемы, что ты боишься. Хватит на меня ответственность перекидывать.

— А ты кто?

— Не скажу.

— Почему?

— Не хочу. Ты вообще всерьез думаешь, что призвал меня? Съел папоротник и я прискакал? Я, мимо шел, заскочил поздороваться.

40

Мне стало неудобно, действительно, на допрос подходит. Я начал оправдываться:

41

— Не со зла я, по неопытности. Почему ты Константину не показывался, а мне?

42

— Ты надоумил его заниматься такой херней.

43

— Я мысли свои озвучил в воздух. Не более того. Альбом он делал.

44

— У вас все в воздух. Грех, это попустительство к действию. А само действие и есть наказание. Точнее говоря, потеря определенного состояния в виду совершенного действия. В вашем случае не прямо таки грех. Но все затеял ты. Понимаешь хоть немного? Константин твой субподрядчик.

45

Я вроде бы и задумался, но как-то без мыслей. Сидел с умным лицом, а в голове — пустота. Регламентеру это наскучило, он спросил меня ехидно улыбаясь:

46

— А ты меня напугался? Я что? Такой страшный?

— Черт тебя разберет, кто ты такой. Адам Кадмон? Агасфер?

Мужик ответил хихикая:

— Я - «Мю» и «Ню».

— Дохрена ты загадочный, — я постарался сдобрить слова ехидцей, но вышло вымученно.

— Эта мысль только на твоей совести.

— Ты «дасман»?

— А что? Похож?

— Есть немного. На «дасман» крипто-интеллекта похож.

47

— Ну спасибо, совсем страх потерял. Я же знаю, что ты меня за глаза регламентером называешь, а сам - тот еще зануда. Вот ты и есть - регламентер и крипто-интеллектишка. Я сразу все понял, когда на тебя в саду посмотреть заскочил. Душнила. Лучше бы был крипто-пролетарием.

48

— Сам ты не душнила получается? А кто тогда? Не поэт ли часом?

49

— Может и поэт, — ответил регламентер приосаниваясь.

50

— Что-то я не верю, стихи покажи.

51

— А мне они зачем? У меня существование само по себе поэтичное. Я даже в бреду двух приземленных идиотов для себя нечто вдохновляющее нашел.

52

— Обидно, если честно.

53

— Разочарован?

54

Я кивнул.

55

— Ну извини, это не я виноват, — ответил мужик.

56

Я молчал, дядька смотрел внимательно мне в глаза.

57

— И что предпринять собираешься? — спросил он.

58

— Писать научусь, и напишу как все было.

— Не перестарайся только, — серьезно проговорил мужик.

С огнецветом в желудке я прекрасно понимал, кто такой регламентер. Но мне хотелось заставить его самому раскрыть свою суть. Собеседник же оказался вредный и радости такой мне не доставил. Еще бы, он же тертый калач - обходчик путей иерархии.

Мы, люди, что вообще делаем все время, кроме того, что дышим? Мы определяем границы. Чего? Объектов. Мы дифференцируем, деконструируем, располагаем в иерархии - мы видим разницу во всем. Регламентер - наше отражение на границе свежее-определенного, только что ограниченного объекта. Странно, что я этого раньше не понимал.

С такими мыслями регламентер и оставил меня одного на остановке. Удалился он неспешно, только махнул рукой мне на прощание. Сколько осталось в моем желудке цветку перевариваться? Может час, а может и день. Что бы сделать? Чего я хочу? Семью по щелчку? Так оно не делается. Ничего я не хотел.

59

Сидеть на скамеечке под ржавой крышей остановки - прекрасно. Понял! Пить хочу, вот уж в чем я был точно уверен. А вода в машине. Я открыл машину и включил кондиционер, да так там и остался. Как бы я не любил сильную духоту, но не терпеть же ее все время?

60

Я стал слушать пространство, как в тот раз: в ночь на солнцестояние. Просто прислушивался к себе. Довольно быстро я услышал мелодичные звуки, которые раздавались издали. Не то, чтобы я их вообще слышал. Звуки эти, как магнитные полюса земли для голубя, были позиционированы для меня где-то в пространстве. Я их чуял больше, чем слышал. Вели они меня прямо в противоположенную сторону от города. Туда, где за пожарной частью, очистными сооружениями санитарной станции и дальше, через заброшенные огороды, можно выйти к истоку торфяной реки. Туда я и поехал. Медленно, с удовольствием. Километров сорок в час. Так катаются по пустым пригородам счастливые люди.

Я остановился у санитарной станции на небольшой парковке. Вышел. Давно я тут не был. Все заросло хмелем, бузиной, плющом и крапивой. Даже не видно домика у озерца. Крышу еле заметно, если чуть подпрыгнуть. Озерцо метров десять в диаметре должно быть рядом. Надо было пробираться через крапиву, чтобы до него дойти.

Я прошел дальше. Вот и плиты бетонные, они уходят дальше через кусты. Вдоль дороги из плит, по правой стороне, начинает течь торфяная речка. Она метра четыре в сечении у истока. Исток идет из трубы. Интересно, когда и кем эта труба поставлена и зачем? Дальше речка набирала обороты и уже через километр разливалась метров на двадцать в тридцать. Там бобры соорудили запруды. Куда-то туда и вела меня мелодия.

Я пробрался сквозь кусты, прошел еще пару метров и словно попал в другой мир. Деревья вокруг дороги и по ту сторону реки давали много тени. Тут-то я и увидел кучу живности, светящейся всеми немислимыми цветами. Ящерицы бросались из под ног, мухи кружили возле тушки землеройки, веретенница ютилась в муравейнике. Сонм мушек жужжал в тени - целое светящееся облачко. Щebetали птицы, кузнецы надрывались. Всюду сновала живность, даже растения звенели, наливаясь соками. С огородов перла малина, шиповник, бешеные огурцы готовы были взорваться в любую секунду. Хмель покрывал заброшенные садовые домики одним сплошным ковром. А полужнакомая мелодия манила меня дальше.

Я прошел заброшенные огороды. Справа от меня река начинала бурлить там, где были навалены стволы деревьев: обнаруживали свое присутствие бобры. Слева от плит начиналась цепь заболоченных озер. Изначально это были технические пруды, воду откуда пускали из речки. Сейчас они поросли тиной и ряской, от которых поднимался плотный туман.

На бревнышке у воды я с удивлением обнаружил блондинчика, которого видел последний раз лет двадцать назад, а с ним и Константинова знакомца - сатира. Блондин ни на секунду не постарел. В тех же белых шортах, рубашке и кроссовках. Сатира я увидел в первый раз, но могу сказать, что Константин в свое время его довольно неплохо описал.

Сидели они вместе, неторопливо болтали и гоняли чай из термоса, если там чай был, а не что покрепче. Встреча стала для меня неожиданностью, я эти фигуры никак ранее не ассоциировал. Хотя, попробуй разберитесь, где в реальной жизни заканчивается аполлоническое и начинается дионисийское? Тут нет дихотомий, один сплошной синтез, как оказывается. В голову полезли неуместные и приземленные ассоциации. Вокруг звенела и переливалась всеми красками могучая природа. Я же думал о том, что в монокультуре синтаксис аполлонический, а семантика - дионисийская. В атомарных культурах семантика аполлоническая, а синтаксис - самый что ни на есть дионисийский. В реальности же сатиры с флейтистами дружат.

Я продрался к ним сквозь заросли чистотела. Еще издали блондин меня заприметил и помахал рукой:

— Привет, добрый человек!

— Добрый ли? — спросил у него сатир, показывая копытом в мою сторону.

— Из местных, судя по одежке. Не культурный интервент, — успокоил его блондин.

Я подошел и сел рядом. Блондин с сатиром мало того, что дружили, так еще и рыбачили знакомой мне удочкой - константиновской.

— Удило у вас приметное, — сказал я.

— А то. Стянули у рыбачков пару десятков лет назад, — ответил сатир.

— Целую трагедию разыграли, чтобы ее добыть. Как встарь, — прокомментировал блондин с гордостью. — Я был за экзальтированного юношу. Пошел к рыбакам, отвлекал их своей виртуозной игрой на флейте, задирали всячески. А рогатый в это время удило скрал.

— Хорошая удочка, складная! — добавил сатир.

Блондин меня не вспомнил. Я и не стал возмущаться тому, что произошло так давно. Бог с ними.

— А что за культурные интервенты? — полюбопытствовал я.

— Посиди с нами, увидишь, — посоветовал сатир, — летают тут. Слышишь мотор работает?

Действительно, я услышал на периферии слуха, как работает генератор или мотор.

— Клюет? — спросил я.

— Не сегодня, — ответил блондин.

Рев мотора стал громче. Я поднял голову. Над нами пролетал двухместный биплан с открытым верхом. Им управляли два господина, оба лысые и усатые, похожи на кавказцев.

— Вот и аэронавты, — заметил гневно сатир, грозя самолету кулаком, — противники античности. Модернисты!

Самолет сделал бочку, и вниз посыпались какие-то листы и блокноты. Падали они прямо в ряску.

— Это что? — спросил я.

— Списки любовниц, — ответил блондин хихикая. — Чую, Д'Аннунцио их собирать будет всю ночь.

— А может и манифесты, — возразил сатир.

— У них хотя бы манифесты есть, не то, что у нас, — ответил я грустно.

— Чтобы иметь право на манифест, надо летать, — заметил блондин, — Ты летаешь? Нет. А чего тогда ты ожидал?

— С пустоты не манифестируют, — подтвердил сатир. — Ты даже не знаешь, что тебе надо.

Меня это задело немного, может быть потому, что сатир был прав.

— Пойду поищу, что мне надо. А у вас даже рыба не клюет, — ответил я.

— Обиделся, смотри, — толкнул сатир блондина локтем, посмеиваясь. И уже мне ответил: — Да что ты переживаешь? Кто эти манифесты читает?

Блондин примиряюще заметил:

— Мы и без манифестов прекрасно обходимся.

Мне, действительно, не стоило засиживаться, вот-вот весь жар-цвет переварю. Античные товарищи беззлобно махнули мне рукой. Я и полез через кусты к дороге из бетонных плит и зашагал дальше на зов мелодии.

Я слышал ее уже гораздо более отчетливо, мог угадать пару тонов, вспоминал что-то с нею связанное. Хотя и двигался очень медленно, даже не прогулочным шагом, а словно в музее. Проходил заросли ежевики, иногда перешагивал через поваленные деревья или напротив, сгибался под стволами. Мелодия начала мне о чем-то напоминать. Я уже понял, что это та самая мелодия, которую я слышал, прощаясь с Зинаидой Агафьевной. Ее же я подбирал на красной соловушке. Играл иногда на чем придется. Это та мелодия, которая навевает у меня в голове мысли о бесконечной земле. Большой земле. Такой, что наша является не более, чем упрощенной ее моделькой. Она огромная, не планета. Твердь ее уходит на бесконечную глубину. Из нее можно черпать неиссякаемую силу. Небо же уходит ввысь. Высматривай в нем что угодно, куда глаза не лопнут. Чем там являются звезды, солнце и луна - только им самим и известно. И там нет истории, так как нет концов, начал, а есть одно лишь Мировое Дерево. И оно есть ось всего.

Там в каждом озере живет гигантский сом, прямо с начала времен, которого не было. За ним ухаживают ведьмы, скрывающиеся в тумане. Над деревьями медленно парят в облаках спящие исполины в сонной неге, храпящие так громко, что от их храпа лают собаки во всей округе. Династии козодоев живут каждая на своем поле цветущих папоротников. Светлыми июньскими ночами мертвецы пляшут на крышах амбаров от переизбытка благодати. Чернокнижники и звездочеты мастерят приборы и тинктуры для удабривания смыслов. Царь Полоз бороздит землю, прокладывая рекам неисповедимые пути.

Есть там края, где вместо святых и отшельников, почитают юных красавиц, которые одновременно спят и не спят с закрытыми глазами. Местные очень любят милосердных, в незнании своей красоты, непорочных сомнамбул. Те левитируют в своих святилищах подобно дальневосточным божкам, только в платицах.

В одном царстве партия ницшеанских социалистов борется с Орденом Серпа и Лозы. Поле боя служит шахматная доска. Каждый четный день года Орден сражается по правилам поддавков, а социалисты нападают по правилам шашек. Каждый нечетный день года оппоненты меняются местами, чтобы все было честно.

Там есть края вечных сумерек и лета, где на открытых верандах таверн пьют и не могут напиться философы. Таверны эти, где навесы чередуются с открытыми двориками с фонтанами и прудами, занимают огромные акры земли. Они полны метафизиков, математиков, а иногда и простых мыслителей эссеистов. Те бродят, одетые в простыни на греческий манер с кувшинами вина, спорят, оппонируют, иногда неловко и не травматично дерутся. Среди них можно заметить и платоника, и стойка, герметиста и каббалиста, а иногда и марксиста. Да и Бог с ним, марксист ведь тоже тварное, как ни крути. Кувшины им наполняют прекрасные юные девицы, которые мечтают накопить денег на путешествие подальше из этого странного края. И так все они живут в непрекращающихся теплых сумерках.

61

А есть и целые страны, населенные одними только чиновниками и бюрократами. Они возводят монументальные пустынные сооружения небывалой красоты для своих бюрократических нужд. Там они творят делопроизводство настолько эстетично, что оно давно стало дисциплиной искусства и достоянием культуры.

62

Монарх счастливого царства, тот, что всегда в шафранных одеждах, шлет гонцов к провидцам из внешних миров с указанием описывать его самым жутким образом. Монарх заботится, чтобы честные люди радовались, читая страшные байки в уюте своих домов.

63

Родственники сатира и блондина летают там на колесницах, останавливаясь на вершинках гор, чтобы предаться кутежу. А в пустынях добродушные божества придумывают себе внешность пострашнее, чтобы отваживать путников от мест своего безмятежного сна.

64

В иных холодных краях немногочисленные жители путешествуют не иначе, как по дорожкам из северного сияния. Сверху они кличут своих друзей, живущих в заброшенных деревеньках на заснеженных холмах, когда ходят друг другу в гости. Такие прогулки занимают по пол ночи, а полярные ночи в том мире длятся практически бесконечно.

65

А где-то в центре этого мира без центра, на бесконечной его земле, обоими своими могучими ногами стоит колосс и подгоняет плетью время, которое в безграничном мире может существовать только отдельно в виде огромного жернова, вращающегося вокруг Мирового Дерева. Ведь суете сует нужен стоицизм чтобы стать вечным возвращением.

66

И чтобы попасть туда, мне всего лишь надо идти по руслу реки. Так я и делал, шел в мир, где каждые сумерки, как первые сумерки мира. Где бытуют титаны, которые все еще являют собой нечто среднее между человеком и скалой. Где сам воздух и тьма рожают, а солнце и луна свидетельствуют. Туда я и брел по зову мелодии, а потом остановился.

67

Я же эту мелодию знаю, она мне знакома, раз я ею так заворожился. Имею структуру внутри себя, которая этой мелодии вторит по законам резонансов. И эта моя структура, по этим самым законам, соответствует мелодии и миру, который ее породил. Значит и мир этот мне вполне себе родной. Имею на него полное право. Я туда всегда успею. Подожду пожалуй. Посмотрю еще некоторое время, что в наших краях происходит. Что интересного жизнь подкинет.

68

Есть еще для меня пару дел в нашем обычном мире. Я, конечно, отвлекся на перипетии метафизические, чудеса и страхи. К синтезаторам не прикасался годами, соскучился. Приду домой и включу синтезаторы, порадуюсь. Могу написать еще одну вариацию на эту мою мелодию, которую я всюду слышу. А надоест - книгу напишу. Понапридумываю всякого тлена и жути, чтобы уютнее было читать декабрьскими ночами. А если надоест и писательство, поиграю опять мою дежурную мелодию. Хороший план.

69

Жар-цвет начал выветриваться из моей крови. Я со спокойной душой побрел к машине. Когда я ехал домой, город уже вернулся к нормальной жизни, смеркалось. Конечно, я не полез к синтезаторам и книгу писать не начал. Выходные кончились, завтра на работу.

Конец

Прошел, наверное, месяц. Я сидел на даче у Константина. Юлия хлопотала по салатам, а Константин вроде как жарил мясо, но, на самом деле, пил пиво и болтал со мной.

После нашего эксперимента, он будто бы перешел в другую веру. Вывел музыку из контура своей жизни. Точнее он так думал, ибо вместо того, чтобы писать альбомы, он стал собирать синтезаторные модули. Незамысловатые совершенно, но красивые утилиты.

Помню, как он развалился на рыболовном стуле и запальчиво мне вещал:

— Впервые нормальной жизнью зажил. Как мы наше дело провернули последнее в гараже, так больше меня не корежит музыку делать. На что я пол жизни потратил? Зря суетился только. Смысла никакого.

— Исследование материи, пространства... — начал было я.

Но Константин меня перебил:

— Умоляю, не надо.

— Ладно, ладно. Ты спокоен и счастлив, так как уже достаточно написал. Если бы не твои альбомы, ты бы сейчас нервничал и дергался. А тут, исчерпал вопрос, — парировал я, — Что до бессмысленности. Не можешь без апологий? Хочешь опять музыку смыслом опошлить?

1

— Да легко. Опошлю и не чихну. Музыка нужна только как подспорье экономике. В качестве специфического механизма насыщения деньгами труднодоступных областей рынка.

2

— Как ты запел. Обоснуй!

3

— Смотри. Ты честно батрачишь в своем ИТ. Пропускаешь через себя поток денег, покупаешь железо, расходники, платишь за услуги ремонта или мастеринга. Ты доставляешь денежный поток в те сферы, где денежный оборот затруднен. Ты представляешь собой, с экономических позиций, капилляр. Вроде мелочь, а, в массе своей, значимая часть системы. Твое ИТ, это печень столицы, нефтяного алкоголика. А музыкальные твои делишки, это капилляр до забытого всеми мизинца левой ноги. Но поверь, без мизинца тоже жить неприятно. Только пусть это все без моего участия делается.

4

Я подумал о том, что пайка модулей неплохо встраивается в ту же систему. Но обижать друга не стал. Заметил только:

5

— Цинично.

6

— Мораль мне не читай, — ответил Константин.

7

— Уход от морали, это еще один вид морали, — парировал я.

8

— Да? Ну и ладно, — ответил Константин без возражений.

9

Друг то мой действительно повзрослел. Если этому поспособствовала его женщина, то поклон ей в ноги. Константин вдруг обнаружил совсем уже небывалый для него уровень эмпатии: он поинтересовался у меня моими делами:

10

— Ты книгу начал писать?

11

— Нет, лень.

12

— Лень?

13

— Вроде того. Не знаю, о чем я писать должен.

14

— Должен, не должен. А о чем бы ты написать хотел?

15

Я начал размышлять вслух:

16

— Хочу написать только об одном. Как здорово впасть в спячку. Очень было бы приятно залечь на зимовку. Всерьез мечтаю о том, как в ноябре в подвале на даче готовлю себе берлогу. Важно, чтобы под землей. Провожу утепление, стелю постель, ставлю холодильник с провиантом. Вентиляцию продумываю. А потом заползаю туда и в полной темноте и засыпаю. Пульс и дыхание замедляются, даже температура понижается. А сверху засыпает снегом метель. Зима, мороз, вьюга, звездные ночи. А я с ноября по апрель сплю. Изредка ворочаюсь, сны вижу яркие. А по весне просыпаюсь как новенький. Я об этом каждый день перед сном мечтаю. И как ты думаешь? Об этом интересно читать?

17

— Вряд ли, — ответил Константин.

18

На этом, пожалуй, и закончу. Каким должен быть конец? Какова норма хорошей жизни, которую можно воздать героям за их приключения? Любой вариант будет прозаически пресным. В фильмах, после того, как герой обнимает на фоне заката феерично отвоёванную у злодея девушку, идут титры. И я тоже найду в себе смелость быть скучным. Скучнее своей книжной нормы. Зато теперь, в течение некоторого времени, я смогу засыпать спокойно, не вскакивать за полночь, дописывая строчки и делая среди ночи правки. Хотя, надолго-ли? Более вероятно, что мне еще некоторое время придется помучиться. Мне ведь не надо завершаться, мне пока нормально и так - материальным и становящимся.

19

Стоит ли чего сказать напоследок? Книга из неловкой мистики превратилась в псевдо-философское эссе. Некрореализм или прочая контркультурщина уже не могут считаться издевательством над читателем, все к ним привыкли, а занудные измышления бесят без срока давности. Но если уж я привык издеваться над слушателем, то почему должен отказываться от своих привычек и в беллетристике?

20

21

Так думает мой герой, который окажется на последней строчке как раз «ставшим» - буквами. Я же, автор, в отличие от протагониста, напротив, настолько уважаю читателя и верю в него, что считаю эту книгу легкой и исключительно развлекательной.